

Автономная некоммерческая организация
ЦЕНТР ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ: XXI ВЕК

ТЕТРАДИ *ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (1)*

МЕДИА ЭТОС:
ценности и “правила игры”
регионального сообщества журналистов
в координатах гражданского общества

Ответственный редактор В.И.Бакштановский

Тюмень - 1999

“Тетради гуманитарной экспертизы” - продолжающееся издание автономной некоммерческой организации “Центр прикладной этики: XXI век”. Цель издания - публикация материалов гуманитарной экспертизы и консультирования ситуаций становления нового этоса (“духа” и “правил игры”) в современной России: этоса политического, делового, регионального этоса, медиа-этоса, этоса образовательной деятельности и т.п. Возможные виды и формы публикуемых материалов: результаты экспертных опросов, практикумов, деловых игр; аналитические тексты и т.д.

Редакционный совет:
Г.С.Батыгин, Ю.В.Казаков, А.Ю.Согомонов, Ю.В.Согомонов

Ответственный редактор
В.И. Бакштановский

ТЕТРАДИ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (1). Медиа-этос: ценности и “правила игры” регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества. Материалы экспертного опроса. / Отв. ред. В.И.Бакштановский. - Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 1999. - 80 с.

Проект «Медиа-этос: ценности и “правила игры” регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества» реализуется при финансовой поддержке Института “Открытое общество”, при организационной и информационной поддержке Союза журналистов Тюменской области, департамента информации и региональной политики администрации Тюменской области, администрации города Тюмени, ГТРК “Регион-Тюмень”.

Редактор выпуска И.А. Иванова. Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Научно-организационная работа М.В. Богдановой. В подготовке выпуска принимала участие А.П.Тюменцева.

Подписано в печать 15.04.99. Формат: 60x84/8.
Гарнитура Arial Cyr. Заказ № 177. Усл.печ.л. 5. Тираж 250 экз.
Отпечатано с готового макета в типографии издательства “Вектор-Бук”.

Адрес редакции:
РФ, 625002, Тюмень, ул.Немцова, 39-83, тел./факс (3452) 24-02-26

© Центр прикладной этики: XXI век. 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

“Свет мой, зеркальце, скажи...” . Предисловие редактора	5
Часть 1. Внутрицеховая экспертиза	
1.1. Взгляд из Москвы	
<i>В.Г.Пошак (“Московские новости”)</i>	
“...Люди и в наши дни остаются порядочными. Так же и журналисты”	9
<i>В.Т.Третьяков (“Независимая газета”)</i>	
“...Для журналиста, живущего в Москве, и журналиста из провинции проблемы морали в принципе одни и те же”	12
1.2. Взгляд из Тюмени	
<i>Е.М. Бабина (ГТРК “Регион-Тюмень”)</i>	
“...В гражданском обществе человеку дают возможность иметь удочку, а рыбу он ловит сам”	15
<i>Ю.С. Бубнов (“Тюменские известия”)</i>	
“...Из всех четырех ветвей власти наиболее честной - быть может, менее купленной - пока остается журналистика”	17
<i>О.Ю.Быбина (ГТРК “Регион-Тюмень”)</i>	
“...В зеркале можно разное видеть”	19
<i>Г.М.Голованова (“Наше время”)</i>	
“...Все-таки очень много в этой профессии зависит от устоев личности”	21
<i>Р.С.Гольдберг (“Тюменский курьер”)</i>	
“...Журналист - не зеркало. Журналист - зеркальщик”	23
<i>Е.В.Горбачева (региональный еженедельник «“Московский комсомолец” в Тюмени»)</i>	
“...В нашей маленькой Санта-Барбаре журналисту лучше не рисковать вести себя непорядочно - уже завтра бумеранг вернется и стукнет его по голове”	25
<i>М.И.Добрянский (“Радио-7”)</i>	
“...Стараюсь искать свой вирджинский табак среди навоза, который нас окружает”	27
<i>Е.О.Кох (“Тюменский курьер”)</i>	
“...Главная заповедь - не соври”	29
<i>В.Ю.Князев (еженедельник “Сибирский посад”)</i>	
“...Роль журналистов в гражданском обществе - быть его цепными псами”	31
<i>А.К.Омельчук (ГТРК “Регион-Тюмень”)</i>	
“...Только тот, кто познал глубины падения, может познать свободный воздух горних высей”	33
<i>Ю.И.Пахотин (региональный еженедельник «“Аргументы и факты” в Тюмени»)</i>	
“...Обыкновенным солнечным зайчиком ничего не сделаешь. СМИ, как выпуклое зеркало, собирают свет в пучок”	36
<i>Е.В.Плетнева (“Тюменская правда”)</i>	
“...Я пишу свои материалы методом кинокамеры”	38
<i>О.Л.Урлапов (ГТРК “Регион-Тюмень”)</i>	
“... Если общаешься с журналистом, имей в виду, что ты общаешься не просто с соседом или другом, а с представителем СМИ”	41
<i>С.А.Фатеев (телекомпания “Ладья”)</i>	
«...Концепция нашего телеканала выражается словом “лад” - мир, согласие, доброта»	43
Часть 2. Дистанцированная экспертиза	
2.1. Взгляд из Тюмени	
<i>Л.С.Березин (Институт прикладной политологии при ТГУ)</i>	
“...Берусь утверждать, что в Тюмени существует весьма либеральная среда для развития журналистики”	46
<i>В.С.Горбачев (ГУП ТО “Тюменское региональное информационное агентство”)</i>	
«...У “них” газеты живут, а у нас - выживают. И это большая разница»	48
<i>С.Л.Жужгин (администрация Тюменской области)</i>	
“...Когда появились деньги и заказчики, обнаружили и проблемы с этикой”	51

<i>М.В. Коллегов (эксперт по связям с общественностью)</i>	
“...Журналистика, как ни странно, стала честнее. Или циничнее - кто как хочет это понимать”	52
<i>С.М. Киричук (администрация г. Тюмени)</i>	
“...Пресса, освещающая тюменскую городскую жизнь, свободна от давления со стороны власти”	55
<i>В.Е. Селиванов (департамент информации и региональной политики администрации Тюменской области)</i>	
“...Интересы издателя и общества всегда в дисбалансе. Где равновесие? Пусть будет пятьдесят на пятьдесят”	57
<i>В.Л. Строгальщиков (литератор)</i>	
“...Можно говорить об этике торговца? Что ж, тогда давайте говорить и об этике торговли журналистом своим талантом”	60
<i>Т.А. Топоркова (кафедра журналистики ТГУ)</i>	
“...Сегодня журналист живет по правилу циркуля”	62
2.2. Взгляд из Москвы	
<i>В.Л. Богданов (Союз журналистов России)</i>	
«...Я был совершенно удивлен, когда на “балу прессы” полторы тысячи человек пели “...трое суток не спать ради нескольких строчек в газете”»	65
<i>И.М. Дзялошинский (Институт гуманитарных коммуникаций)</i>	
“...Многие журналисты думают о своей гражданской миссии, но боятся говорить об этом с посторонними”	67
<i>А.Г. Рихтер (Центр “Право и СМИ“ при МГУ)</i>	
“...Давайте попробуем ввести в жизнь СМИ этический аудит”	70
<i>А.К. Симонов (Фонд защиты гласности)</i>	
“...Гражданское общество - это мы сами, когда ведем себя с чувством собственного достоинства и не даем спуску тем, кто на это достоинство покушается”	73
Послесловие	76
Приложение: из “Словаря прикладной этики” В.И. Бакштановского, Ю.В. Согомонова	
Этос	77
Гражданское общество, его этика	78

“СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ...”

Предисловие редактора

Актуальность темы проекта, посвященного ценностям и правилам игры регионального сообщества журналистов,¹ определяется комплексом факторов федерального и регионального уровня, в том числе: падением доверия к СМИ; трудностями становления самого гражданского общества; новыми проблемами со свободой СМИ, проявляющимися в деятельности органов власти, в действиях бизнесменов-собственников СМИ; надвигающейся реальной конкуренцией СМИ (в том числе и региональных), в условиях которой конкурентоспособность будет прямо связана с этическим потенциалом отдельных СМИ; значительной ролью региональных СМИ в формировании региональных структур гражданского общества; внутренними проблемами развития корпоративной этики СМИ.

Проблемная ситуация и гипотезы. В первые годы рыночных реформ для отечественных СМИ были характерны попытки разобраться в своей новой судьбе и новом предназначении скорее через выяснение отношения с государственной властью, чем со становящимся гражданским обществом. Однако профессиональное сообщество СМИ этого периода обнаруживало и опасность утраты собственной социальной миссии, нередко демонстрируя мировоззренческие метания в сознании многих членов сообщества. Отсюда и стремление отыскать заветный шанс превращения СМИ из сервильных институтов государственной власти или становящихся финансово-промышленных групп в автономную корпорацию гражданского общества. Сообщество журналистов стремилось упорядочить стихийный процесс самопознания, в том числе и через оформление его результатов в виде хартий, кодексов и т.п. Характерные тенденции в создании такого рода кодексов: либо абстрактно-морализаторский пафос, либо технократизм в обращении с ценностями профессиональной морали.

В последнее время в профессионально-нравственной ситуации СМИ сформировались новые “болевы́е точки”, в том числе и в сфере взаимоотношений СМИ и гражданского общества. Среди них - потеря доверия читателя, зрителя, слушателя, их веры в неподкупность и правдивость прессы. Одна из причин утраты доверия заключается в том, что переход от романтической стадии становления постсоветской журналистики к квазирыночной стадии “*новых русских СМИ*” сопровождался, говоря словами А.К.Симонова, поведением власти по отношению к журналистике в стиле опытного сутенера: соблазнила - набила морду - выгнала на панель. Среди “точек роста” - инициированные ради восстановления престижа профессии, профессиональной репутации и т.п. ассоциации, действующие по принципам честной работы (например, Гильдия судебных репортеров).

Сегодняшняя журналистика ищет новую идентичность. При этом и в случае, когда кризис идентификации начинает преодолеваться, узнавание себя в зеркале зачастую оказывается весьма неприятным процессом. И так как система причин потери доверия к СМИ, в том числе неверия в возможность реализации через СМИ права гражданина на доступ к общественно значимой информации, еще не стала, насколько нам известно, предметом специального исследования, отсутствие достоверной аналитической и концептуальной информации, эмоциональная реакция на складывающиеся медиа-*нравы* порождают катастрофические настроения по поводу морального уровня медиа-сообщества.

Придать рациональный характер диагнозу ситуации, смягчить катастрофичность - либо цинизм - настроений может не столько даже напоминание о том, что тоску вызывают скорее *нравы*, чем собственно морально-должное в журналистской этике, сколько предложение отрефлексировать современную профессионально-нравственную ситуацию СМИ в терминах *этоса* - “духа” и “правил игры” отечественной прессы. При этом эффек-

¹ Настоящий проект опирается на опыт и результаты проекта “Становление духа корпорации: правила честной игры сообщества журналистов”, реализованного Центром прикладной этики, Фондом защиты гласности, Комитетом по печати РФ. Материалы проекта опубликованы в одноименной монографии под редакцией В.И.Бакштановского, Ю.В.Казакова, А.К.Симонова, Ю.В.Согомонова. М., изд-во: Начала-Пресс. 1995. Рец.: Социологический журнал. 1997, № 1-2; Общественные науки и современность. 1998, № 6, и др.

тивность анализа природы и содержания морального кризиса отечественных СМИ тесно связана с включением этого анализа в контекст исследования морального кризиса российского общества в целом.

В то же время точность постановки задачи анализа и оценки ценностей и правил “игры”, характерных для современных СМИ, и, тем более, точность выбора путей ее решения, в том числе и такого пути, как активная кодификация отечественной медиа-этики, непосредственно зависят от степени преодоления и в обыденном профессионально-нравственном сознании, и в сознании теоретиков целого ряда требующих критики стереотипных подходов и суждений, значительно снижающих эффект морального анализа и самоанализа ценностей и правил игры медиа-сообщества.

Особый предмет анализа и самоанализа - обостренная потребность становящегося гражданского общества в адекватном медиа-этносе, в соответствующих ценностям гражданского общества ценностях и “правилах игры” СМИ. Значимость организуемого проектом этического консилиума-диалога выразителей позиции профессионального медиа-этноса, с одной стороны, позиции социальной этики - с другой, заключается в том, что ценность профессионализма (с точки зрения журналиста или медиа-сообщества) не самодостаточна, ибо предполагает еще намеренное и акцентированное соотнесение ее с ценностями гражданского общества, суть которых выражена в императиве Гегеля: “Будь лицом и уважай других в качестве лиц”.

Успешность консилиума-диалога прямо обусловлена пониманием не простых отношений медиа-этноса и этноса гражданского общества. Дух гражданского общества, избираемый в качестве ориентира для этноса СМИ, не так уж “идеален”, как это может показаться для тех, кто не различает мораль традиционную и современную. Не идеален уже в том смысле, в каком от ценностей традиционной морали отличается императив современной морали “Будь лицом...”. Авторы проекта исходят из представления о том, что без инициирования напряженной рефлексии об особенностях профессионального и делового этноса, присущего обществу с рыночной экономикой, трудно разобраться в нравственных конфликтах, порожденных современным этапом формирования медиа-корпорации.

При этом отметим, что уже публично артикулированное стремление гражданского общества к своеобразному *этическому аудиту* тех “правил игры”, по которым сегодня действуют СМИ, не исчерпывает своих амбиций лишь позицией *потребителя информации*, заинтересованного в защите своих прав с помощью некоего “Комитета по защите интересов потребителя СМИ”. *Просвещенные и нравственно-вменяемые* СМИ несут серьезную ответственность за нравственное развитие самого гражданского общества.

Цель проекта - уловить и зафиксировать “дух” и “правила игры” регионального журналистского сообщества постсоветской эпохи и активизировать нравственную рефлекссию “цеха”, призванного стать пассионарной структурой становящегося гражданского общества России в переходный период.

Особенностью проекта является участие в нем ряда экспертов названного выше проекта “Становление духа корпорации: правила честной игры для сообщества журналистов”. Благодаря такого рода преемственности создается возможность проведения мониторинга “болевых точек” и “точек роста” в ситуации медиа-этноса и тем самым анализа *динамики* ситуации, выявления того нового, что обуславливает *новизну ситуации морального выбора*.

Задачи проекта: провести эмпирический анализ этноса регионального журналистского сообщества; стимулировать критику и самокритику представлений журналистов региона о природе гражданского общества и его этике, об особенностях медиа-этноса; смоделировать этический консилиум современной ситуации морального выбора с точки зрения конфликтных взаимоотношений ценностей гражданского общества и ценностей медиа-этики; наработать предварительные материалы для Кредо и Кодекса регионального медиа-сообщества.

Способ реализации проекта. Проанализировав опыт целого ряда семинаров и конференций по проблемам журналистской этики в России, авторы проекта стремятся, опираясь на собственный опыт теоретических и прикладных исследований, обеспечить новизну тематизма акции, ее идеологии и методологии. Во-первых, авторы проекта исходят из необходимости инициировать именно *моральную* рефлекссию профессионального сообщества журналистов, предполагающую - по определению - уклонение инициаторов от

“чисто” социологического или абстрактно-морализаторского подходов, сторонники которых менее всего стимулируют в партнерские, диалогические отношения авторов проекта и участвующих в нем экспертов.

Разработанная и многократно апробированная авторами проекта методология гуманитарной экспертизы как способа активизации моральной рефлексии позволяет уйти от назидательности и дидактичности, столь чуждых подлинно нравственной работе морального субъекта над самим собой, и предложить профессиональному сообществу журналистов консультативный потенциал своеобразной *экспертной системы*, предоставить сообществу возможность узнать (или не узнать) себя в экспертной системе “зеркал”, которые трудно отбросить на манер того, как это сделала капризная сказочная красавица-царица.

Конструируемая проектом *экспертная система* состоит из четырех основных структур, в каждой из которых участвуют и тюменские, и московские эксперты. *Первая* из них, “внутренняя экспертиза”, представлена журналистами печатных и электронных СМИ, *вторая* - “дистанцированная экспертиза” - деятелями фондов и институций, ориентированных на защиту прав СМИ, издателями, руководителями органов власти, пресс-секретарями и т.п. *Третья* структура моделирует позицию, фиксирующую противоречие между пониманием проблем журналистской этики с точки зрения ценностей гражданского общества и пониманием их с точки зрения корпоративных интересов журналистов, противоречие, в результате которого главная задача СМИ - реализация прав граждан на информацию - подменяется реализацией прав властных и предпринимательских структур на пропаганду, агитацию, рекламу и т.п. Воплощением этой структуры выступает условный “Фонд защиты прав потребителей прессы”, кредо которого зафиксировано в модельной “Декларации доверия журналистам”. *Четвертая* структура, “экспертиза экспертизы”, представлена исследователями медиа-этики.

В соответствии с *алгоритмом* проекта первые две структуры экспертной системы работают на первом этапе, в процессе *экспертного опроса*, две другие - на втором этапе, в процессе *семинара-практикума*, предлагающего элементы игрового моделирования.

Публикуемые в первом выпуске “Тетрадей...” тексты экспертов проекта созданы в процессе интервью редактора с каждым из экспертов. Участникам экспертизы был предложен определенный набор тем (полностью или частично), конкретное наполнение которых моделировало высказанные в СМИ суждения и оценки относительно нравственного состояния отечественной прессы.

Первая из этого набора тем - диагностическая - предполагала экспертную оценку участниками проекта тех изменений, которые произошли в нравственной атмосфере отечественной прессы за последние годы. Конкретная проблематизация темы - высказывание одного из известных авторов, размышляющих о журналистской этике: если в первый период реформ он испытывал азарт в постановке и обсуждении вопросов становления профессиональной этики, то сегодня - лишь глухую тоску, прежде всего - от масштаба моральной катастрофы, случившейся со СМИ. Причем рубежом этой катастрофы автор считает участие СМИ в президентских выборах 1996 года.

Вторая тема - природа и ценности гражданского общества, их место и роль, реальная и желаемая, в развитии профессиональной этики СМИ. В качестве конкретных суждений и оценок, предлагаемых участникам проекта для экспертизы, выступили прежде всего весьма распространенные, ставшие стереотипом, рассуждения о том, что СМИ - зеркало общества, воспроизводящее в том числе и его нравственное состояние, и потому к ним нельзя применять особые нравственные требования (вариант суждения: “каждое общество имеет ту прессу, которую оно заслуживает”). При этом экспертам следовало еще определиться в отношении суждений, фактически противопоставляющих сегодняшней ангажированности отечественной прессы такой выход, как абсолютный объективизм, доведенный до отказа от ее социальной миссии культивировать в общественном сознании ценности гражданского общества.

Участникам экспертизы предстояло высказать свое отношение к выдвинутым в научной и популярной литературе представлениям о природе гражданского общества (в том числе о версиях, отождествляющих гражданское общество с третьим сектором; опреде-

ляющих дух гражданского общества через противоположность его духу общества тоталитарного). Центральная проблематизация этого аспекта экспертизы была представлена в известных суждениях о том, что включение СМИ в рыночные отношения подрывает сами основы журналистской этики, а попытки быть верным этим основам ставят под вопрос выживание СМИ.

Особое место в развертывании этой темы экспертизы занимал предложенный участникам проекта скептический тезис о том, что в ситуации формирования нового-старого этатизма стремление ориентировать отечественных журналистов на ценности гражданского общества может оказаться фактической провокацией, своими повышенными моральными требованиями это стремление ставит журналистов под серьезный удар со стороны государственных и частных издателей.

Третья тема - миссия и “правила игры” журналиста региональных СМИ и этический потенциал регионального сообщества журналистов. На экспертизу участников проекта предлагалось, в частности, суждение, по которому центральная и региональная пресса представляют собой разные миры, и о “миссии” местной прессы целесообразнее говорить именно в кавычках, так как задача такой прессы, в отличие от федеральной, - “забота о протекающих крышах и плохом асфальте”.

Вторая грань темы предполагала соотнесение абстрактного тезиса - формирование профессиональных ассоциаций (не только в масштабе страны, но и на местном уровне) является одним из признаков становления гражданского общества - с реальной судьбой регионального сообщества журналистов. Конкретизация оценки этой ситуации предполагала экспертизу солидаристического потенциала новой региональной организации журналистов и прогноз ее влияния на культивирование достойных “правил игры”.

Четвертая тема - потенциал саморегулирования прессы, в том числе и этических кодексов СМИ. В основе обсуждения темы - экспертиза позиции, согласно которой активизация процесса саморегулирования СМИ отражает пробудившийся инстинкт самосохранения прессы. Согласно этой позиции в наши дни реальная целесообразность культивирования кодексов, как и в целом острая необходимость саморегулирования прессы, связана не с познавательными или “воспитательными” задачами, а с увеличением опасности для свободы прессы. Саморегулирование, в том числе и с помощью мирового и отечественного опыта кодификации, - противостояние неразумному способу регулирования “сверху”.

Публикуемые тексты являются расшифровками стенограмм интервью, минимально обработанными редактором и самими авторами. Заголовки текстов даны редактором.

Автономная некоммерческая организация “Центр прикладной этики: XXI век” благодарит участников экспертного опроса и организации, поддержавшие проект финансовыми, организационными, информационными ресурсами или просто моральным участием.

Часть 1. Внутрицеховая экспертиза

1.1. Взгляд из Москвы

В. Г. Лошак

“...ЛЮДИ И В НАШИ ДНИ ОСТАЮТСЯ ПОРЯДОЧНЫМИ. ТАК ЖЕ И ЖУРНАЛИСТЫ”

КОРОТКО определить то, в чем изменились за последние годы ценности и “правила игры” в журналистской профессии, можно так: понимание профессии стало более *приземленным*. Вспомним перестроечные времена. Сказать, что пресса того периода, например, “Московские новости”, резко отличалась от состояния всего общества своим упоением романтикой, нельзя. И у общества, и у журналистики было замечательное весеннее настроение, все чего-то ожидали, томлением, абсолютно безотчетным и бесцельным, напоминая подростка.

Это сегодня понятно, что ни у общества, ни у журналистов тех времен не было ни отчетливо представляемых целей развития страны, ни понимания того, как мы к этим целям придем, ни персоналий, которые что-то могут привнести в это понимание. Формула тех времен была, надо это признать, очень простая: мы живем в социалистическом государстве, а рядом Запад, который живет по демократическим законам; мы переделаем эти демократические законы для себя и будем жить так же замечательно, как они.

Вспоминаю, как к нам в редакцию - я был редактором экономического отдела “Московских новостей” - пришли два экономиста: Игорь Нитт и Павел Медведев. Медведев и сейчас работает в Думе, руководит подкомиссией по банковской деятельности, Нитт, к сожалению, умер. Они пришли ко мне с предложением написать о том, что если завтра Госплана, который планирует жизнь по миллионам показателей, не станет, будет очень много трудностей, нельзя так сразу от него отказываться. Помню свое ощущение (что конкретно я им ответил - не помню, может быть, поддержал идею о статье): не важно, что будет потом, главное - сломать госмашину.

Естественно, журналистика была частью такого романтического и очень, кстати, жесткого столкновения с властью. Причем это столкновение было для нас героическим процессом: мы ломали себя и ломали страну, за нами шли, к нам прислушивались. Уверен, что в истории России больше не будет такого времени, когда три журналиста собирают полную аудиторию Дворца спорта только потому, что работают в “Московских новостях” или в “Огоньке”. Причем ни один из них не обладает ораторскими талантами, но шесть тысяч человек приходят, чтобы слушать, что они думают о жизни.

Те времена прошли. Теперь мы стали понимать профессию значительно жестче, напрямую увязывая свою работу с заработком, как это ни странно для нас - вчерашних; с оперативностью информации, чего раньше не было; с источниками информации, что раньше понимали очень смутно; с осознанием того, что в информационном бизнесе покупается и что продается: комментарии продаются плохо, а если ты обогнал коллегу с информацией о каком-то происшествии, это продается хорошо.

Среди самых распространенных оценок сегодняшней ситуации в журналистике - оценка пессимистическая: СМИ утратили моральные ориентиры, отказались от элементарных “правил игры”. Да, для такой оценки есть достаточно оснований. Много мог бы сказать по этому поводу. Однако вести конкретный разговор в этой плоскости мне очень трудно - это будет разговор о коллегах. Скажу только, что в “Московских новостях” всегда думают, например, о реакции на нашу публикацию ее героя и его близких, на любую публикацию - о скандале, происшествии, о политике. В этом один из этических критериев нашей редакции. Но я знаю несколько изданий, в которых этот вопрос вообще не стоит. Если они могут опубликовать фоторепортаж из морга, значит, чего-то у этих журналистов нет, какие-то нормы атрофированы. Они даже не подумали, не попытались представить себе: а если бы фотографировали близкого им человека. Сделали бы так же?

Конечно же, многое меняется в журналистике. Но в ней и сегодня остаются люди, которые продолжают ориентироваться на критерий порядочности. Люди и в наши дни остаются порядочными. Так же и журналисты.

РАЗМЫШЛЯЯ над поставленным авторами проекта вопросом о природе гражданского общества, я прихожу к выводу о том, что ключевое слово в понимании природы гражданского общества - "выбор". Человек в таком обществе обладает правом выбора, личность является субъектом выбора и решения. Она сама выбирает власть, выбирает себя, свою судьбу, свое место на всех рынках - и на потребительском, и на рынках труда, капитала, информации...

А свободный выбор в условиях гражданского общества не возможен без права выбора полной, открытой информации, без того, чтобы люди имели возможность знать различные мнения по тем или иным проблемам и делать свои выводы. Для этого, собственно, и существуют средства массовой информации.

Очевидно, что сегодня в России еще не достигнута некая норма свободы выбора человеком информации. В значительной степени информационный рынок демократизирован, либерализован. Но еще сказывается влияние государства на информационные потоки.

Более того, я с пониманием отношусь к предложению авторов проекта взвесить известные суждения о том, что в стране снова оформляется и крепнет этатистская тенденция, тенденция тотального огосударствления, и потому еще недавно актуальные рассуждения о ценностях гражданского общества - как достойном ориентире развития и всего общества, и СМИ - становятся бесперспективными.

Полагаю, что проявляющиеся все сильнее этатистские настроения не исчерпываются огосударствлением сознания демократов. Это и настроения рядового жителя страны, отражающие его разочарование в ожиданиях. Не надо преувеличивать количество разочарованных людей, но многие считают, что если на весы поставить уже привычные для них свободы, которые они перестали ощущать как большое счастье (свободу передвижения, выборов, информационную свободу, отсутствие политических репрессий), и очень остро ощущающиеся жизненные проблемы, то перевес окажется не в пользу благ от демократии. Если совсем упростить: в выборе между отсутствием товаров и дефицитом денег выбирают привычное первое.

Когда мой бывший коллега - человек, вложивший в становление свободных средств массовой информации немало сил, нервов, здоровья, приобретший славу на разрушении прежнего государства, продвижении демократических ценностей, будировании гражданской мысли в обществе, - говорит: "Я теперь государственник и потому должен думать о том, как много мы натворили против государства, о чем же мы думали во время Беловежских соглашений и т.д.", я пытаюсь понять, *что* же разные люди - мой коллега, военные, человек с улицы - вкладывают в понятие "государство". И прихожу к очень невеселому для себя выводу, что, по сути дела, речь идет лишь о "количестве управления" - экономикой, идеологией, другими сферами. И если мир сейчас уходит от государственного управления экономикой, понимая, что опора на чиновника - это всегда менее эффективный, более громоздкий, трудноуправляемый, дорогой аппарат, то мы, наоборот, переживаем эйфорию огосударствления, стремления передать как можно больше власти, экономики, финансов в руки чиновников.

Объективная часть этой проблемы в том, что частный предприниматель в России в значительной степени дискредитировал себя. Субъективная часть - та часть айсберга, которая не видна, - в том, что чиновник никогда и не выпускал власти. И все годы, даже в годы эйфории демократии, делал все, чтобы частный предприниматель, человек рискующий, был дискредитирован. А в итоге - за ростом государственных настроений реально не стоит ничего более, чем просто передача власти чиновнику, забюрокративание страны, разрастание власти политической бюрократии и т.д.

РАЗУМНО ЛИ в этих новых обстоятельствах ориентировать журналистов на ценности, достижение которых требует чуть ли не героизма, а реализовать их можно чуть ли не самопожертвованием? Вероятно, местные журналисты поставят такой вопрос более остро. Ведь они не столь вкусили от демократии, как журналистское сообщество в Москве, значительно более молодое, чем любое другое политическое или профессиональное

образование, значительно более продвинутое к либеральным ценностям и пока еще противостоящее новым тенденциям.

Может быть, я - как один из немногих - понимаю сердцевину этого поставленного авторами проекта вопроса, потому что сам как журналист вырос в провинции. И покинул провинцию не потому, что мне там плохо жилось: ни у кого в Одессе не может быть больше популярности, чем у фельетониста. А уехал я только по одной простой причине - уперся в некий "потолок". Провинция обнаружила очень низкий потолок, давящую сферу, а мне казалось, что перестроечное время дало журналисту из Новосибирска, Тюмени, Киева такой же шанс, как и журналисту из Москвы.

Этот провинциальный "потолок" проявлялся в том, что журналист не мог подняться выше мировоззренческой и интеллектуальной планки руководства области. Планка была жестко закреплена и поддерживалась идеологическими подпорками, и в какой-то момент становилось очень душно. Сейчас, когда в регионах власть опять оказалась в руках у чиновников, местные журналисты, как я это ощущаю, снова начинают чувствовать, что потолок опускается, становится душно и надо уезжать в Москву, в Петербург... Я думаю, что они хотят вырваться из становящихся все более тесными рамок.

Все-таки для нашей профессии победа либеральных ценностей - это раздвижение рамок: не только можно издавать газету, но и открывается оперативный простор. И если человек откликается на вызов времени, он становится сильным журналистом, совсем другим, чем те, которые формировались как журналисты в семидесятые годы, как я, например.

Поэтому я могу предвидеть вопрос местных журналистов по поводу уместности в наши дни ориентиров и "правил игры", свойственных гражданскому обществу. Что эти журналисты могут противопоставить региональной или муниципальной администрации, владеющей абсолютной властью (от закрытия газеты до тюрьмы)? Что они могут добиться своим профессиональным трудом? У меня на этот вопрос ответа, к сожалению, нет.

В Москве для предприимчивых журналистов рынок намного шире, чем в провинции - в провинции журналист всегда ограничен тем, что деньги есть у очень немногих СМИ. И, как правило, это газеты, телевидение, радио администрации. Либо нужно идти на компромисс и обслуживать администрацию, либо становиться оппозиционером (а на что кормить семью?), либо искать какой-то третий путь, но он, может быть, лежит в другой профессии. И это такая правда жизни, от которой никуда не уйти.

Я САМ СЛЫШАЛ скептические суждения по поводу применения одного и того же масштаба к гражданственности журналистов в столице и на местах. Поэтому понимаю основания реагирующего на эти суждения вопроса авторов проекта о том, разумно ли ориентировать местных журналистов, ходящих, в отличие от московских, "по земле", на то, что и в регионе миссия журналиста, социальная ответственность его профессии столь же масштабны, как и у журналиста национальных СМИ?

Конечно, человек открывает свою местную газету для того, чтобы узнать местные же новости. Конечно, у местной газеты, местного телевидения, радио географические границы в значительной мере сужены. Но, исходя из собственного опыта работы в провинциальной прессе, я думаю, что это слишком рискованный компромисс с самим собой, когда ты сам себе ограничиваешь горизонт. На чем заканчивается местный журналист, да и вообще журналист как журналист? На том, что отказывается высоко поднимать планку своей профессиональной ответственности.

На самом деле, разрушенная городская дорога и текущая крыша (сверхупрощенная схема интересов местной прессы) очень четко вписываются в экономику огромной страны, в менталитет россиянина, в его характер. Один из лучших наших журналистов, который пишет о селе, Ю.Черниченко, "ткет" свои статьи из очень конкретных фактов. Он рассказывает о конкретных людях - бабе Мусе, которая живет в таком-то селе Краснодарского края, ее муже, который все поле засеял кукурузой, а не картошкой (почему?), их соседе, у которого поломался мотоцикл, потому что запчасти он пустил на комбайн (почему?). Но к каким выводам подводит он читателя!

Поиск ответов на конкретные житейские вопросы может идти в разных направлениях. Одно из них - по вине какого начальника не отремонтирована дорога. И ответ на этот вопрос, разумеется, достаточно важен. Второе направление - когда журналист идет со своим "почему" дальше. Причем этих ответов редактор от него и не требует. Ведь все

друг другу понижают планку. Жизнь понижает планку главному редактору, главный редактор - заместителю, тот - редакторам отделов, они - сотрудникам и... получается, конечно, полезная, но приземленная газета.

Журналисту предстоит сначала интеллектуально вырваться из "провинциальных" профессиональных рамок, а уж потом он вырывается из них физически. Или не вырывается. То есть, это не вопрос давления, а вопрос собственного интереса к жизни, профессионального интереса. Это очень сложный вопрос, потому что повседневная жизнь - это болото: трудно оторваться, тяжело сделать решительный шаг.

В. Т. Третьяков

"...ДЛЯ ЖУРНАЛИСТА, ЖИВУЩЕГО В МОСКВЕ, И ЖУРНАЛИСТА ИЗ ПРОВИНЦИИ ПРОБЛЕМЫ МОРАЛИ В ПРИНЦИПЕ ОДНИ И ТЕ ЖЕ"

ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД, отвечая на вопрос авторов проекта "Становление духа корпорации: правила честной игры для журналистского сообщества" о моральной ситуации в журналистской профессии, я сказал, что на самом деле пока можно говорить лишь о протокорпорации, квазикорпорации. И, возможно, лишь меньшая часть тех, кто сейчас называет себя журналистами, войдет в собственно корпорацию.

С тех пор позитивных изменений практически не произошло. Уровень моральности нашей журналистики, по крайней мере, не поднялся - если не опустился, ибо точно замерить никто не может. Коротко говоря о сегодняшних "правилах игры" во внутренних отношениях самой корпорации журналистов, мораль и наши реальные корпоративные отношения - понятия несовместимые. (Разумеется, когда журналисты критикуют политиков за аморальные поступки, они отстаивают нормы морали.) И сегодня жизнь в российской журналистике построена по законам джунглей: сильнейший выживает, слабейший погибает. Погибнуть не хочет никто, выжить хотят все. Соответственно, ради этой цели, которая, может быть, вполне моральна сама по себе - чтобы ты выжил как носитель каких то моральных ценностей, - все моральные нормы отменяются. Не сама журналистика напрямую создала эту ситуацию, аморальные "правила игры" привнесены в журналистику извне, и все же ситуация такова.

Конечно, некоторые проблемы снимаются посредством временных союзов различных средств массовой информации; благодаря дружбе и приятельским отношениям главных редакторов; симпатии различных изданий или их подразделений друг к другу. Группа журналистов из одной газеты может дружить с группой журналистов из другой газеты, хотя их газеты могут представлять разные политические и финансовые лагеря. Журналисты могут конфликтовать на работе по принципиальным вопросам, но быть друзьями в жизни. Но ведь это свойственно людям вообще.

Примеров же отсутствия позитивных изменений в практикуемых корпорацией "правилах игры" множество. "Независимая газета" находится, я бы сказал, в некоем эпицентре эмоций журналистского сообщества в Москве; по крайней мере, печатного журналистского сообщества. И я ощущаю, как ее не любят, ненавидят, как завидуют ее успехам, замалчивают вполне очевидные достижения, как используют все, в том числе самые гнусные методы, для проявления иногда чисто личных антипатий. Пытаюсь сделать все, чтобы в деятельности самой "Независимой газеты" такого не было. Например, если используются публикации, приводятся цитаты из других газет, требую от своих журналистов обязательных ссылок, как бы мне не нравилось то или иное издание.

Одно из проявлений практикуемых нашими СМИ "правил игры" - неадекватная интерпретация отношений редакций и владельцев издания. Абсолютное большинство газет так или иначе получает то, что называется помощью спонсора, точнее - прямое финансирование, а если говорить еще точнее, просто имеют хозяина - в юридическом смысле слова. Большинство газет находится в таком положении, но некоторые из них особенно любят указывать на наличие хозяина у другого издания и влияние хозяина на позицию газеты. Хотя сама выступающая с такой проповедью или отповедью газета принадлежит кому-то, и по этой логике у меня не меньше оснований предполагать, что все, что в ней

пишется, диктуется ее хозяином. Правда, умные люди различают: в одной газете заказ хозяина проявляется раз в год, а в другой - каждый день. Умные люди, понимая финансовые основы современных СМИ, умеют определить, в какой публикации есть заказ хозяина, а в какой - нет.

РАССУЖДАЯ В СВЯЗИ с поставленным авторами нового проекта об отечественной журналистской этике вопросом о взаимоотношении прессы и гражданского общества, начну с того, что здесь журналистика выступает в роли медали, у которой есть лицевая и оборотная сторона. Безусловно, одним из немногих достижений всех этих многострадальных и мучительных лет реформ является свобода слова, свобода информации, проявляющаяся прежде всего, естественно, через средства массовой информации, через печать в том числе. И, безусловно, СМИ, несмотря на все свои недостатки, в том числе и те, о которых я говорил выше, являются одним из немногих, но, может быть, самым мощным столпом демократии в нашем обществе. Если бы не было наших СМИ, даже со всеми их недостатками, то демократии в России уже не существовало бы.

Гражданское общество в современной России лишь возникает. Безотносительно к оценке реальных процессов реформ, можно определенно сказать, что на их основе складывалась прослойка среднего класса как одного из элементов гражданского общества, людей, благополучие которых не зависит от государства, от смены правительства, президента. После 17 августа можно говорить, что этот элемент гражданского общества частично отмирает: средний класс истончился до минимума, а бедных стало еще больше.

Как конкретно связаны СМИ и гражданское общество? Считаю, что сама по себе пресса не является элементом гражданского общества. Она есть нечто внешнее по отношению к нему, как и демократическое государство. Это равноценные, равновеликие институты. И по-настоящему в благоденствии, процветании, духовном и телесном, находится та страна, где есть и демократия, и гражданское общество, и свободная пресса.

В гражданском обществе люди в своей повседневной жизни независимы и от государства, и от СМИ. Конечно, граждане получают через СМИ информацию, в том числе о том, что происходит в государстве, как живет само гражданское общество. Но от того, что в газете появилась такая-то статья, жизнь гражданского общества кардинальным образом не изменяется. Не газеты же делают историю. Газеты просто фиксируют события истории. Во всяком случае, так должно быть. А делают историю другие субъекты, которые могут и выступать на газетных страницах, но не сама газета.

Обязательным элементом гражданского общества является система страховки человека от вмешательства средств массовой информации в его личную жизнь. В частную жизнь обычного законопослушного человека - не политика, не государственного чиновника, за которыми пресса обязана следить, не звезды, которая волей-неволей находится в перекрестке прожекторов и внимания средств массовой информации, - СМИ вмешиваться не могут. Мнение журналиста по поводу того, как ты, гражданин Иванов, живешь, никого не интересует - ни гражданина Иванова, ни гражданина Петрова.

В то же время на этапе становления гражданского общества СМИ являются тем инструментом, с помощью которого такое общество формируется, не только таким инструментом, но и им тоже. В этом плане трудно отрицать позитивную роль российской журналистики. Несмотря на постоянное вмешательство в частную жизнь многих людей, она одновременно помогает становлению гражданского общества, прежде всего в защите прав человека.

Да и журналисты, сами по себе являясь людьми со многими слабостями, недостатками, уже по статусу своей профессии в какой-то степени являются готовыми членами гражданского общества. Своей работой, своим поведением журналист, волей-неволей, каждодневно отстаивает принципы гражданского общества: демонстрирует их перед лицом власти, объясняет их другим людям, заряжает их идеями гражданского общества, показывает им, как надо жить, чтобы развивалось гражданское общество, как взаимодействовать с государством, - чтобы не поддаваться ему, но и не идти на него с топорами, не рушить его, отстаивая свои права.

Не мало в этом плане делает российская журналистика. Правда, одновременно она приносит и вред. В смутной ситуации рухнувших либеральных реформ, рухнувших под тяжестью собственных неудач, ошибок, преступлений, аморальности, незнания тех, кто их проводил, некоторые журналисты требуют, не говоря об этом прямо, отказа от гражд-

данских свобод, от элементов жизни гражданского общества: призывая к авторитаризму, апеллируя к низменным страстям, в том числе националистическим. Но в совокупности, так сказать, если взять плюс на минус, получается все же плюс.

НЕ МОГУ УТВЕРЖДАТЬ, что являюсь знатоком сегодняшней российской провинции, в том числе и провинциальной журналистики. Правда, как раз в последние два года, решив некоторые финансовые проблемы “Независимой газеты”, мы создали третью корреспондентскую сеть - помимо зарубежной и по СНГ, одну из самых крупных среди газет России. Выходит приложение, в газете есть соответствующий отдел, тематика газеты расширилась и т.д. Уже благодаря этому я имею представление о стиле жизни, стиле письма журналистов из провинции, об их проблемах.

Конечно, мне как москвичу, столичному жителю, который никогда больше двух месяцев в провинции не жил (два месяца - студенческая практика), никогда в “шкуру” провинциального журналиста не влезть, не понять его чувств и т.п. В русской литературе об этой трудности написано немало. Но ясно, что свои прелести и свои острейшие проблемы есть и у столичных журналистов, и у журналистов провинциальных. Однако редко кто, пожив в Москве, хочет вернуться в провинцию; почти все, живущие в провинции, в том числе и журналисты, хотели бы жить и работать в Москве. Все-таки в столице по крайней мере яркость жизни и работы компенсирует проблемы, которые для московских журналистов оказываются более острыми, чем для провинциальных.

Для столичного журналиста, например, на некоторых этапах нашей истории, да и на последнем, критиковать высших государственных чиновников могло быть опасно, не скажу, что обязательно физически, но опасно. А провинциальный журналист может критиковать Ельцина, Черномырдина, Примакова, Грачева и проч. сколько угодно - они просто об этом не узнают. Зато провинциальный журналист не может критиковать местного божка.

Москва - город многовариантный. Здесь больше газет и при желании, если у тебя есть время и финансовые накопления, чтобы на них прожить, пока ты сделаешь новый выбор, ты легко можешь сменить издание. Не нравится в левой газете работать - иди в правую, в правой не нравится - перейди в центристскую, в центристской не очень хорошо - туда-сюда перейди. А в провинции, конечно, меньше возможностей для маневра. В Москве представлены фактически все финансовые и политические группировки. Если тебя не защищает один клан, то может защитить другой. А в маленьком городе либо монополия какой-то одной группы, и вступать с ней в борьбу - значит фактически идти против всего мира; либо всего две - три группы, то есть возможности для маневра значительно меньше.

Понимая, более или менее, различия столичной и провинциальной журналистики, считаю важным отметить, что журналист помимо того, что он homo политикус, еще и homo моралес. Поэтому для журналиста, живущего в Москве, и журналиста из провинции проблемы морали в принципе одни и те же. Моральные нормы универсальны. И для мыслящего человека, оказавшегося в сложной ситуации, моральная проблема существует вне зависимости от того, где он живет и работает.

Ты можешь попытаться отбросить эту проблему, уйти от ситуации морального выбора, ссылаясь на то, что жизнь так трудна, возможностей для маневра так мало. Ты можешь сказать, что куда ни кинь - всюду клин, из двух враждующих финансовых группировок и эти бывшие уголовники, и другие - бывшие уголовники, и это все, что дала демократия. Ты можешь плюнуть на все и заниматься каким-то частным делом. Ты можешь служить тем или другим, так как все монополично захвачено обеими группировками. Все так, но ты все равно решаешь именно моральную проблему.

1.2. Взгляд из Тюмени

Е. М. Бабина

“...В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКУ ДАЮТ ВОЗМОЖНОСТЬ ИМЕТЬ УДОЧКУ, А РЫБУ ОН ЛОВИТ САМ”

В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ средств массовой информации, во всяком случае в жизни областного радио “Регион-Тюмень”, совмещаются позитивные и негативные традиции и новации. С одной стороны, пресса стала “заказной”, с другой - осталась плановой, соответствующей интересам журналиста, который готовит материал. У каждого из нас до сих пор есть тематический план, который мы согласовываем с календарем, с официальными структурами. И каждый из нас ищет свою нишу, тему, своего героя. И на заседаниях чиновников очень часто находишь интересные сюжеты, находишь любопытные или неожиданные повороты в привычных темах. Так что и на план работаешь, и интересный материал стараешься выдавать.

К сложным этическим проблемам нашей работы сегодня относится прежде всего то обстоятельство, что иногда заказные передачи приходится делать через “не могу” или “не хочу”. А иногда и просто отказываешься - если выполнить заказ представляется тебе неприличным. Идеальный вариант - когда, исполняя заказ, делаешь то, что в гармонии с тобой. Так, в последнее время я прониклась проблемами трудовой занятости. Для меня каждая ярмарка рабочих мест - это мини-инфаркт, потому что туда приходят люди, которые годами не могут трудоустроиться. Нужны титанические усилия, чтобы им помочь. С одной стороны - заказ общества, а с другой - приятно, когда раздается хоть один звонок о том, что кому-то помогли, кто-то трудоустроился.

МНЕ КАЖЕТСЯ, что гражданское общество возможно в стране, которая уважает своих граждан, где чувство собственного достоинства для жителей - не пустой звук, где нет такого расслоения в обществе, когда большая часть его обеспокоена только тем, чтобы выжить, а представителей среднего класса посещает мысль: “Как выжить в этой стране?” - очевидно, что выражением “в этой” они отчуждают страну от себя. В гражданском обществе человеку дают возможность иметь удочку, а рыбу себе он ловит сам. Я наблюдала такие ситуации, например, в одной из школ г.Игрима, в педколледже, где детям говорят, как надо выживать.

Что значит для СМИ - жить в “координатах гражданского общества”? Прежде всего, нам до развитого гражданского общества еще плыть да плыть. Пока мы лишь строим фундамент, когда-то еще доберемся до десятого этажа! Далее. Стесняюсь ли я самого факта заказа или “правил игры”, по которым работаешь на заказ? Скорее всего - “правил игры”.

Сегодня, по словам одного психолога, работодатель хотел бы нанимать человека без проблем: чтобы он был молод, здоров, чтобы у него не было детей, чтобы его вообще ничего не отвлекало от работы. И при этом платить ему рублей 500 в месяц. Психология - рабовладельческая, феодальная. Можно ли не возмущаться?

Я недавно имела беседу с руководителем нефтяной компании. Он в шоке от того, что ему надо сокращать 180 человек, вывозить людей с семьями с Севера, и при этом та часть месторождения, в которую иностранными инвесторами уже вложены средства, под вопросом. Может быть это месторождение не надо развивать, но, может быть - лет через 10 - оно пригодится. Но инвестору, которому вчера предлагали одни правила, сегодня - другие, а завтра, быть может, третьи, такая “игра” непонятна. Ему нужна прибыль. Он реалист и считает деньги. А нефть пусть добывают роботы? У которых никаких проблем нет?

И все же мы, журналисты, каждый день видим разные срезы жизни. Пьющие деревни? Но и здесь есть крепенький хозяин, который не знает, куда деваться от своих идей, от выращенного им урожая. В любом своем материале я стараюсь показать что-то

хорошее. Допустим, на текстильном предприятии производство стоит. Но если хоть один цех что-то производит, с кем-то торгует, - об этом надо рассказывать.

Пресса - зеркало общества? Но не тогда, когда “чернуха” просто захлестнула экран, эфир. Да, журналисты не виноваты в том, что творится в стране. Но ведь это журналисты выбирают и жанр, и тему, и способ подачи материала и могут предугадать тот результат, который даст в сознании аудитории этот материал. Журналисту очень сложно отразить действительность такой, какая она есть. У журналиста есть отношение к жизни, к событию, к человеку, от него зависит, на чем концентрировать свое внимание и внимание тех, кто его слушает или читает. Он выбирает.

Выбирает сам, в зависимости от своих собственных качеств, принципов, устремлений. Если он человек добрый, нежный, то будет искать все-таки какие-то положительные моменты в самой трудной жизни. Помните, чем отличается оптимист от пессимиста? Пессимист в каждой возможности видит препятствие, а оптимист каждое препятствие расценивает как новую возможность.

ДА, ЧИТАТЕЛЬ провинциальной газеты ждет от нее прежде всего, чтобы в сфере ее внимания была уборка снега на дорогах, ремонт крыши и подъездов в доме и прочие житейские проблемы местного масштаба. В то же время уже множество людей, в том числе и среди журналистов, побывали за пределами нашего города, области, страны, видели другую жизнь. И волей-неволей они хотят жить по этим, качественно иным, стандартам. Каждый из нас, кто где-то побывал – в Германии, Франции, если повезло – в Америке, старается в своих публикациях это помнить. Трудно забыть размеренную жизнь, порядок, спокойствие, - несмотря на то, что люди работают, выкладываются. Почему они все такие успешные, а мы - неуспешные? Журналисты должны приблизить к горожанам эту жизнь, хотя бы словесно. А читатель получает возможность освоить опыт граждан развитых стран: пока мы набиваем шишки и тренируемся сами на себе, оказывается, что другие страны все это прошли, испытали. Я думаю, что все зависит от того, на что человек-журналист – сориентирован и устремлен. Если у журналиста есть свое видение этой жизни или он видел такое, к чему надо тянуться, то он обязательно в публикациях это сделает. Если журналист - человек высокообразованный, читающий, думающий, он заставит и свою аудиторию и думать, и анализировать, и прогнозировать. И – действовать, наконец.

Особое место в заботах тюменских журналистов занимает тема единства области. Я веду программу, которая называется “Утро области”. Понятно, что отношения с округами напряженные, сложные. Но я все равно имею друзей-журналистов – и в одном округе, и в другом. И когда я им звоню и предлагаю сделать материал для моей программы, никогда не получаю отказа. Казалось бы, какой мне прок от информации с Севера, не достаточно ли рассказывать о жизни Тюменской области от Тюмени до Увата? Но мне интересно, как живут люди в Хантах, чем дышат в Нижневартовске, в районе, в глубинке, что в Березовском районе. Политики нас иногда ссорят, есть люди, которые специально раздувают этот пожар, а я стараюсь в эфире противостоять им. Может быть, это мартышкин труд: прекрасно понимаю, что у трех субъектов РФ три кошелька, три бюджета, каждый идет своей дорогой, пишет свои законы. Но к нам на областное радио недавно приехал инвалид из Старого Уренгоя. Мы удивились: “У вас ведь свой округ”. А он : “Там все исхожено, пришел к вам”. И – представьте – мы помогли этому человеку. Помогли. Вроде бы не должны вмешиваться в суверенные дела округа, но есть же и человеческие связи. Душа болит о тех временах, когда мы срывались с места и летели в Нижневартовск только потому, что там комсомольцы бурили “скважину дружбы”, интернациональным коллективом, в Сургут, потому что там бригада В.И.Воловодова бурила 100 тысяч метров проходки в год. Сегодня без приглашения в Ханты-Мансийск или Нягань уже не поедешь. Сегодня, мне кажется, никакое событие в округе не поднимет на крыло журналистов Тюмени, разве что возникнет такой человеческий интерес, что журналист сам проьет себе дорогу к этому событию? Все равно остается желание посмотреть, что произошло в таком-то северном городе за столько лет, как там твои любимые герои-нефтяники? Печалит судьба людей, которые отработали по 15-20 лет и уже вроде бы уезжать надо из Нижневартовска, но куда, а если и есть куда уехать, то квартиру продать сложно, а жить на пенсию в средней полосе - проблематично.

Наша телерадиокомпания “Регион-Тюмень” делает, я считаю, все, чтобы журналисты чувствовали себя региональным сообществом. Возьмите конкурс профессионального

мастерства радиожурналистов области - “Серебряный микрофон”, конкурсы “Экстра-камера”, “Хвост удачи”, “Сибирский тракт”, “Белые пятна истории Сибири”, в которых принимает участие и область, и округа, и уже половина России...

НЕОБХОДИМО ЛИ журналисту региональное сообщество? Думаю, да. Профессия требует корпоративности. Но... недавний пример. “Откопала”, “выбегала” очень интересного собеседника. Нефтяник, начальник с суперсовременным взглядом на тюменскую экономику. Прозвучало интервью в эфире. И вдруг один звонок - коллега-телевизионщик... И между делом, так, невзначай, спрашивает: “Слушай, ты как на него вышла? Дай координаты!”. Стоп! Мы же конкуренты! Я примерно знаю своего слушателя, человека, для которого я говорю в эфире. Но слушателями могут быть и мои коллеги. Их профессиональное мнение мне интересно.

Казалось бы, все интеллигенты сами по себе, а “толк” от общения скорее эмоциональный и не измеряется ни рублями, ни другими рационально ясными критериями. Мы, журналисты, ни с кого ничего не имеем, но есть эмоциональный заряд, настрой одного человека на другого. Могу назвать фамилии многих журналистов, которые работают на Севере, и мне хочется знать, чем они занимаются, как развиваются, какие темы тянут в эфире.

До сих пор помню, как в августе 1996 года ездила в экспедицию по Березовскому району с журналистами из Ханты-Мансийска. Впервые проехала по этому району – от Игрима до Саранпауля. Неделю мы шли по рекам - Оби, Сосьве, Ляпину, по поселочкам, которых и на карте-то не было. Более сильного эмоционального впечатления у меня в жизни не было.

Я думаю, что каждому человеку хочется профессиональной востребованности, чтобы время от времени ему давали грамоты, ордена, медали. Но некоторые это скрывают.

Ю.С.Бубнов

“...ИЗ ВСЕХ ЧЕТЫРЕХ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ НАИБОЛЕЕ ЧЕСТНОЙ - БЫТЬ МОЖЕТ, МЕНЕЕ КУПЛЕННОЙ - ПОКА ОСТАЕТСЯ ЖУРНАЛИСТИКА”

В ОТЛИЧИЕ от суждений достаточно большого числа людей, я не считаю, что журналистика утратила свою нравственность. Из всех четырех ветвей власти честнее - может быть менее купленной - остается пока все-таки журналистика. Всем известно, как часто гибнут журналисты, отстаивающие свои позиции, свое правое дело.

Самая честная часть общества - журналисты. Хотя и у нас в цехе, конечно, существует ангажированность. Так, я с удивлением услышал, что после того, как в Калмыкии застрелили редактора газеты “Советская Калмыкия”, тюменская журналистка встречалась с Илюмжиновым и сделала пусть и не хвалебный, но все-таки позитивный материал. Лично я, после того что произошло в Калмыкии, совершенно игнорировал бы Илюмжинова. Вообще же ангажированность в журналистской среде достаточно высока.

Конечно, нравственная ситуация в журналистике не может сильно отличаться от ситуации в обществе: журналисты живут в той же среде, что и все, на них воздействуют те же силы и т.п. Но факт остается фактом: журналисты - менее продажная часть общества. В этом плане они не являются просто “зеркалом” общества. Человек - существо сознательное, воспитывающееся. По себе могу сказать: те нормы, которые заложены во мне учителями родной школы, а затем коммунистической пропагандой, я и сейчас не могу разрушить. Много, конечно, было и лицемерия, фальши. Бывают и компромиссы, но, все-таки, журналистика - это не прямое зеркальное отражение того, что происходит в обществе.

Не берусь за обстоятельную характеристику “правил игры”, которые практикуются, например, в тюменской журналистике. Но приведу пример. Мне очень симпатична позиция Аллы Боссарт, которую мне предложили для размышления авторы проекта: “Я не подаю руки коллеге, купившему у собрата материал из Чернобыля и напечатавшему потом серию репортажей под своим именем. Но вряд ли сяду выпивать в клубе “Петрович” и с этим собратом”, - пишет А.Боссарт. Правда, в своей жизни я редко кому не подаю руки.

Есть, конечно, некоторые люди, совершенно безнадежные, с которыми я действительно не могу разговаривать, мне это отвратительно, но их немного. Что касается нравственности конкретных тюменских журналистов, то среди тех, кого знаю, нет таких, кто бы выдвигал столь строгие принципы. И очень хотелось, чтобы и наши журналисты имели такие категоричные суждения. Может быть, А.Боссарт чересчур категорична, но это намного лучше того, что бытует в нашей жизни.

Не обидится ли тюменское сообщество, что я не увидел ни одного морального авторитета в нашей среде? Да, наверно, прозвучало обидно. Но, думаю, обиде можно противостоять соответствующим предъявлением и проявлением своей позиции. При всем моем самоуважении, я и свою позицию не сравниваю с позицией Аллы Боссарт. Себя тоже отношу к общей массе, потому что последнее время так вот принципиально себя не проявляю.

Осознаю, что все мы, наемные работники, продаем свой труд. Но я стараюсь “продаваться” тому, чьи позиции мне близки. Если этого нет, стараюсь ничего общего с такими изданиями не иметь. Наша газета выражала и, я считаю, до сих пор выражает наши личные взгляды, позиции. По-крупному мы ими не поступаемся. Одно время у меня был конфликт со своей родной газетой - в ней не напечатали мой принципиальный спор. Слава богу, что у нас в Тюмени стало много газет. И я всегда находил возможность где-то еще высказывать свою позицию.

ЕСЛИ СРАВНИТЬ общество, в котором мы так долго жили, с пока еще не прорисованным “гражданским обществом”, то последнее выступает как нечто противоположное первому. Правда, и в те времена я понимал, что прежде всего надо отстаивать гражданские интересы, бороться за человеческие ценности, которые были весьма далекими от реальной практики.

И если тогда гражданское общество с его ценностями казалось полной утопией, то сегодня уже появились шансы на развитие нормального общества, появились первые условия для игры по правилам, для свободного выбора, для реализации своих интересов и т.п.

Сегодня появились возможности согласования интересов. В чем-то вы согласитесь со мной, в чем-то - я с вами. Если не согласимся, я спокойно буду воспринимать вашу позицию, вы - мою, и мы нормально разойдемся. Считаю, что сейчас это уже возможно. Чем скорее мы это поймем, тем быстрее придем к гражданскому обществу. Сразу, конечно, все не решится, но надо начинать привыкать к этому.

И для СМИ это вполне реальная задача. Даже если приходится плевать против ветра! Должен же быть у журналиста определенный стержень. Без борьбы за ценности не обойтись. Было бы хорошо, если бы каждый журналист мог идти за них на плаху. А почему нет? У человека должны быть принципы. И он не должен ими поступаться. Не каждый сможет? Я и это пойму, пусть журналист хотя бы не делает плохих поступков. Не хочешь писать принципиальные вещи - пиши безвредные. Плохо, когда журналист сдался и пишет безнравственные материалы.

У МЕНЯ БЫЛ РАЗГОВОР с одной журналисткой - собкором центральных СМИ. Она спросила: “Ну, что ты схватился со своей районной администрацией, когда столько негатива на областном уровне, а на федеральном - тем более?”. Я сказал просто: “Отвечаю за то, что происходит здесь, в моем районе. Есть областные журналисты (тогда я считал себя “районщиком”), пусть они отвечают за проблемы областного уровня. Журналисты в Москве пусть отвечают на том уровне. И нельзя успокаивать себя тем, что если на других уровнях все плохо, то и на местах можно ничего не делать”.

Да, провинциальным журналистам надо как можно чаще выходить на обобщение, на понимание глобальности проблем, видеть проблему в пространстве, во времени, в масштабах страны. Но наша работа все-таки отличается от работы столичных коллег. Профессионалу в районной газете не обязательно выходить на республиканские, федеральные масштабы. Понимать, действительно, надо, но выстраивать свой текст по логике от местного - до федерального всякий раз, может быть, и не стоит.

КАК МНЕ КАЖЕТСЯ, у тюменских журналистов реального сообщества сейчас нет. Раньше оно, пусть и формально, существовало, например, заседали клубы журналистов, я часто бывал на них. Было и неформальное общение, мы могли высказывать свои мнения.

В последнее время предпринята попытка создать союз тюменских журналистов. Я был за то, чтобы был создан свой союз, сообщество. Я рад, что формально оно уже будет. У нас много проблем, вопросов, которые надо решать. Надо выработать “правила игры”, например, такое: нельзя использовать газетные полосы для того, чтобы журналисты вели личную схватку друг с другом. Внутрицеховые проблемы должны обсуждаться не на страницах печати, а в цеховом сообществе.

Журналист должен действовать по своим внутренним убеждениям, принципам. А эти принципы формируются под воздействием читателя, профессионального сообщества, в какой-то степени и начальства тоже. Журналист не может быть свободным ни от общества, ни от сообщества.

Если взять нашу редакцию, то не имея “правил игры”, “оформленных” “в письменном виде” и проч., мы все же ориентируемся на неписанные нормы, причем не столько для отчета перед начальством, сколько для самих себя. Например, я не позволяю себе злоупотреблять своим служебным положением в виде такой отповеди оппонентам, когда на небольшое возражение раздражаются статьей на полполосы. В нашей редакции уважительно относятся к своим оппонентам, которым наше выступление чем-то не понравилось. Стараемся обязательно представить их точку зрения. И если мы хотим возразить (публикация материала оппонента еще не значит, что мы согласны с его точкой зрения), то делаем это очень коротко, буквально в несколько строк. Лично я делаю так. Правила игры - превыше всего.

Не является ли мнение профессионального сообщества о газете важнее, чем мнение читателя? Часто бывает именно так, все-таки это коллективный разум. Но иногда и группа профессионалов оказывается не права, а человек “со стороны” может быть прав. Абсолютного судьи нет.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ скажу, что когда авторы проекта издадут материалы своих бесед с журналистами, это станет только прологом к самому серьезному разговору - разговору по интересам. И я жду этого момента - интересно пообщаться, услышать точки зрения, оценки, поспорить. Думаю, что с таких же позиций будут смотреть на эти материалы и те, кто не участвовал в первом этапе проекта. Прелюдия к разговору о нашем сообществе вводит в тему, в проблему и тем самым выводит нас на другой уровень разговора.

О.Ю.Быбина

“...В ЗЕРКАЛЕ МОЖНО РАЗНОЕ ВИДЕТЬ”

СТОИТ, НАВЕРНОЕ, согласиться с мнением о том, что современная моральная ситуация в журналистике не может не вызывать глухой тоски. Мне кажется, это не просто индивидуальное настроение, такое уныние продиктовано общественным настроением. Прежде всего из-за того, что наша журналистика, на мой взгляд, просто ангажирована. Правильнее, наверное, сказать: куплена. Журналисты работают на тех, кто им платит. И грустно видеть, как из-за этого меняются убеждения. На мой взгляд, сейчас последним аргументом в споре с самим собой являются все-таки деньги. Но не меньшее влияние на нравственную ситуацию в журналистике имеет и давление властей, ограничение доступа к информации. Допустим, администрация может сделать так, что информацию получает определенное издание или определенная телевизионная компания, а другим СМИ доступа к ней нет. И дело уже не в расторопности корреспондентов - они зачастую просто бесильны.

Что касается собственно “правил игры” для СМИ, то их нет. Нет цивилизованных правил, так как не цивилизована и наша страна. Правда, я не склонна разделить известное оправдательное суждение о “правилах игры” в СМИ, суть которого такова: “пресса - это зеркало общества”, “какое общество - такая и пресса”.

Может, сегодня и не стоит ругать журналистов, которым прежде всего нужно просто выжить, а уж потом думать о профессиональной этике? Объективно это выглядит именно так, но сама я думаю иначе. Конечно, трудно обвинять кого-то в продажности, когда само государство, в котором мы живем, вынуждает к такой продажности. Я знаю людей, кото-

рые были честны и порядочны, пока не доходили до определенной черты. Особенно это относится к мужчинам, на которых лежит груз ответственности за семью и т.д.

Может быть, журналистика и зеркало жизни, но в это зеркало можно по-разному смотреть и разное видеть. И само зеркало (мы) может быть разным. И выводы для самого себя из моральной ситуации в журналистике можно делать разные.

РАССУЖДАТЬ о гражданском обществе в сегодняшней России - значит рассуждать только о будущем. И это не скепсис, а мое убеждение. Может быть, это и не утопия, но будущее не близкое. Наши люди будут уважать интересы друг друга только тогда, когда у них не будет основной мыслью "где заработать денег для того, чтобы поесть".

Мы любим сравнивать Россию и Америку. Мне кажется, что Америка нас опережает еще и потому, что у них очень четко разграничено личное и общественное, частное и деловое, домашнее и офисное. И они, как правило, не пересекаются.

Наверно, гражданское общество - это и свобода выбора, и уважение интересов другого человека, и соблюдение "правил игры", различающихся в частной жизни и в деловой сфере. В любой сфере моральные нормы очень важны. И если порядочность принята в личных отношениях, то она проявится и в бизнесе. Чем крепче дружба, тем точнее счет. Тем не менее, человек, который так считает, никогда не пускает в свой бизнес своих друзей. Ему это не надо.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ профессиональная миссия региональной журналистики от журналистики столичной? Может быть, тем, что мы не очень-то озабочены именно таким пафосным вопросом, как "исполнение миссии"? Не претендуя на теоретизирование, обращусь к примерам.

Во-первых, сейчас центральные телеканалы активно шлют нам запросы, предложения о сотрудничестве. И мы относимся к этим предложениям спокойно - это раньше было сверхпрестижно, когда твои работы демонстрировались на центральном телевидении. Гордимся и сейчас, но, может быть, лишь потому, что вышли на большую аудиторию.

Я уверена, что тюменцам гораздо интереснее знать, что происходит у них в городе, области. Никто меня в этом не разубедит никогда. Конечно, они смотрят и центральные программы, и московские новости, но никто меня не убедит, что они любопытнее для сибиряков, чем местные. Посмотрите, насколько содержательно, культурно скудными они стали. Это же сплошные ток-шоу, исчезла духовность передач. Я не говорю, что "фонтанируем" мы, но у нас это происходит из-за отсутствия финансов в объеме, необходимом для выпуска передачи.

Может быть, в провинциальных телепередачах нет глобальности в темах, масштабности в обобщениях, но причина этого скорее всего в том, что производственный процесс вести тяжелее. Журналист в Тюмени не ограничивает свой интерес открытыми колодцами на городской улице. Правда, он не обязан доводить поиск причин такой бесхозяйственности до масштабов Вселенной. Это и не всегда нужно, не всегда естественно.

РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА журналистов пока нет, во всяком случае я его не чувствую. Но хотелось бы, чтобы оно сложилось. Хотя бы как ориентир в профессиональной деятельности. Важна профессиональная оценка того, что ты делаешь. И такое общение с сообществом может повлиять на практикуемые мной "правила игры".

И это, может быть, важнее, чем сообщество, оформленное как профсоюз.

Я НЕДОЛГО РАЗМЫШЛЯЛА над очень оригинальной идеей этического аудита, суть которого я поняла так: редакция, чтобы завоевать доверие общественности, предлагает для открытой оценки по высоким моральным критериям свою деятельность. Пусть оценят, продается ли у нас кто-нибудь, ловчит ли, лжет, а редакция опубликует результаты такого аудита, получив возможность конкурировать с другими СМИ, и скажет своему читателю, зрителю: "Подписывайся с уверенностью".

Мне кажется, что только очень не уверенная в себе редакция закажет себе такой аудит. Если люди уверены, они делают свое дело хорошо в любом случае. Телекомпания не надо заказывать такой аудит: если передача популярна, то ее смотрят. Если программе не смотрят, а этический аудит она прошла? Ну и какой толк от такого аудита? Если я после заставки скажу, что это самая лучшая передача, рейтинг от этого повысится? Не могу себе представить ее оправданность, не понимаю, как например, это повлияет на число зрителей, на рейтинг.

Г. М. Голованова

**“...ВСЕ-ТАКИ ОЧЕНЬ МНОГО В ЭТОЙ ПРОФЕССИИ
ЗАВИСИТ ОТ УСТОЕВ ЛИЧНОСТИ”**

МОРАЛЬНАЯ обстановка в СМИ такая же, как и во всем нашем обществе: нечеткая, размытая, ибо раньше мы имели ясные, понятные критерии, а теперь их лишились, а новых - не выработали. Общих “правил игры” нет, во всяком случае никто их не предлагает со стороны общества, извне. Мне кажется, сегодня каждый журналист вырабатывает свои правила в силу своего профессионального опыта, личностного развития, собственных моральных представлений. Сказывается, конечно, и влияние издания. И если говорить о нормах и ценностях, то, я думаю, сколько изданий и журналистов - столько и мнений. В этом смысле, я бы не сказала, что мы дезориентированы, но каждый ориентирован по-разному.

Когда-то в Тюмени было всего две газеты, журналистов было немного, они друг друга знали, все было ясно и определено. Теперь масса газет, теле- и радиостанций, профессия журналиста уже не кажется уделом избранных. Это массовая профессия, скорее ремесло, с оттенками творческого процесса. Журналистская публика сегодня очень пестрая. Есть совершенно молодые, которые работают в рекламных изданиях, и, конечно, у них свое представление и о журналистике, и о мире, его устройстве. Есть поколение старых, опытных журналистов, воспитанных в советские времена, с традиционной школой. Я отношусь к промежуточному типу: начинала в том времени, работаю в этом. На мой взгляд, довольно безболезненно вошла в новое время, хотя основы моего представления о ремесле закладывались в прежний период.

Сегодня это представление меняется, корректируется, исходя из ситуации. Но не все зрелые профессионалы на это решаются. Я часто общаюсь с коллегами и вижу, как некоторые из них очень скептически относятся к молодым журналистам, к новой журналистской популяции. Можно понять критику неосновательности, легковесности, неумения работать с фактом... Но, может быть, стоит попытаться увидеть в работе молодых журналистов и голос другого времени? Профессиональная школа прежних времен отличалась, например, феноменом внутреннего редактора, стремлением все проверять и перепроверять. Возможно, этот внутренний цензор и сейчас сидит в сознании опытных журналистов. Зато новое время дает новым журналистам свободу самовыражения, свободу творчества, отменяет все ограничения. Другое дело, как этим воспользоваться. И здесь все зависит от личности.

Я разделяю тезис о том, что пресса - это зеркало общества. И если слышу упреки о моральном падении СМИ, то невольно задаюсь вопросом: а какой из институтов общества не упал сегодня? Может быть, политики не упали в глазах народа? А экономисты? А директорский корпус? А генеральский? Пресса упала вместе со всем обществом и приземлилась очень глубоко.

Могу предвидеть возражение: почему в начале перестройки все так молились на журналистов? В то время представители масс-медиа вели за собой все общество, они не просто “отражали” общество, но опережали его. Знаю, что у большинства сегодняшних журналистов просто не осталось сил куда-то звать, опережать и т.п., потому что очень многие издания трепыхаются, как мухи в паутине, в финансовых проблемах.

Наше издание, например, прошло через суды. Теперь я читаю все материалы с точки зрения возможных судебных разборок, потому что мы не можем платить по искам. Многие издания, оказавшись на грани выживания, вынуждены искать какой-то “денежный мешок”, а потом работать на него.

Можно ли при этом сохранить профессиональное достоинство? А это у кого как получается. Все опять же зависит от конкретного редактора, конкретного корреспондента... Очень многое в этой профессии зависит от устоев личности.

В ЦЕНТРЕ ГРАЖДАНСКОГО общества находится гражданин, его права, интересы, его возможность реализовать себя в этом обществе. Если страна намерена идти в этом направлении, я буду приветствовать такое общество. Но вообще-то сегодня я не знаю, какое общество мы строим. Мне никто четко этого не сказал со стороны правительства и т.д.

Должна ли газета вести своих читателей к какому-то обществу, куда-то звать их? Вели семьдесят лет и куда завели? Мне кажется, газета должна информировать. Есть событие - давай информацию, давай интересные, профессионально сделанные материалы. Конечно, при этом происходит отбор, потому что сами факты тоже влияют, воспитывают читателя. Это безусловно. Но оголтело куда-то звать?

Каждое издание само определяет сегодня, куда идти. Редактор определяет: и для кого работать, и как работать, и где брать деньги. Такой свободы выбора у редактора никогда еще не было. Пожалуйста, иди, куда ты способен пойти.

Хотелось бы, конечно, ориентироваться на интересы читателя. Думаю, что любой нормальный журналист хотел бы работать на читателя. Но сегодня, увы, приходится работать на рекламодателя. Иначе не выжить.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА в моральном аспекте чище. Почему растет интерес к местным изданиям? Потому, что доверие к местному журналисту все-таки осталось. Дело не в том, что такие уж хорошие люди собрались в провинции, просто объективная ситуация этого требует. Сложнее затеряться, провинциальный журналист на виду - у людей, с которыми работает, у читателей. Шаг в сторону сделал - и все это увидели. Кроме того, меньше вариантов в выборе спонсоров, не столь крупны "денежные мешки", то есть меньше соблазнов.

Что касается масштабы проблем, поднимаемых региональной прессой, возможности и необходимости для провинциального журналиста держать планку видения ситуации выше обывательской... Конечно, решения, определяющие судьбу страны, рождаются в рамках Садового кольца. В этом смысле центральным СМИ повезло больше. Они всегда на острие событий.

Но это не освобождает регионального журналиста от задачи профессионально делать свое дело. Не важно, о чем ты пишешь. Напиши так, чтобы это имело общечеловеческое звучание, даже если речь идет о прохудившейся крыше, плохой дороге и т.д.

РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА в смысле чего-то объединенного, оформленного, в том числе и организационно, - нет. Была организация, да распалась. Создали новую, но многие в ней особой надобности не видят. И я считаю, что труд журналиста настолько индивидуален... Он требует махрового индивидуализма - только так можно чего-то достичь в этой профессии. Это не коллективная работа, журналист всегда наедине с собеседником или с листом бумаги. Разумеется, чтобы газета была профессиональной, должна сложиться команда. И вот здесь-то у индивидуалиста появляются рамки, связанные, например, с целями издания.

Конечно, есть корпоративные интересы цеха. Например, журналист должен заботиться о своем профессиональном росте, расширении кругозора и т.д. Объединяют ли финансовые проблемы? Сегодня газета - это товар, который надо выгодно продать, опередив своих конкурентов. Ты должен написать лучше, сообщить быстрее, достовернее. С одной стороны, мы - конкуренты. С другой - друзья по несчастью, потому что все находимся примерно в одной ситуации.

Региональное сообщество журналистов более реально на экономической почве. Лоббирование экономических интересов - то, что может нас объединить. А что касается этических моментов - мы к этому придем обязательно, но сегодня это трудно - все мы пока на стадии самоопределения. И все же признаки общецехового мнения, в том числе в форме профессиональной и моральной оценки, уже проявляются. Пусть негласно, не публично, но отношение цеха проявляется: почему-то некую персону все воспринимают именно так и именно одинаково, хотя никто этого и не обсуждал.

ДУМАЮ, ЧТО активизировать саморегулирование сообщества сегодня еще не поздно. Врачи дают клятву Гипократа. О том, "как слово наше отзовется", обязан думать журналист. И ссылки на то, что трудно думать об этике в ситуации выживания прессы, не абсолютны. Есть общечеловеческие ценности, вечные, на них следует ориентироваться, а не на все сиюминутные страсти: политические, экономические - если журналист думает о своем завтрашнем дне.

Не будут ли приходящие в цех молодые циники хихикать над "стариками", распускающими моральные нюни? Не скажут ли они проще: надо делать информацию и получать за нее деньги - вот и весь кодекс? Одно другому не мешает. Надо делать деньги, на-

до продавать газету, надо жить в рынке, но при этом важно не упустить из виду координаты гражданского общества.

Мы думаем о том, чтобы создать кодекс нашей редакции. Я говорила уже, что в газете должно быть ощущение команды. Один из объединяющих элементов - кодекс. Я вижу, как приходят к нам со студенческой скамьи начинающие коллеги, - растерянность на начальном этапе полнейшая. И кодекс редакции нужен хотя бы для того, чтобы сориентировать их.

Р. С. Гольдберг

“...ЖУРНАЛИСТ - НЕ ЗЕРКАЛО. ЖУРНАЛИСТ - ЗЕРКАЛЬЩИК”

ПОЛАГАЮ, что нравственная атмосфера в журналистике за последние пять лет стала хуже. Идет “естественный” процесс: люди, которые воспитывались в советской - хорошей или в плохой - журналистской школе, постепенно уходят: либо из профессии, либо из жизни. Но свято место пусто не бывает, приходят новые люди, многие из которых начинают свой путь в профессию, не имея основ. Начинают пробовать себя в каких-то изданиях и с молодых ногтей впитывают “принципы” журнализма, которые в нашей профессии были запретными. Самый главный из них - все дозволено: лгать, не проверять информацию, говорить все, что хочешь (когда-то это называлось “понос слов”). Может быть, это не падение морального уровня прессы, а лишь упадок профессионализма? Но журналистика, на мой взгляд, профессия, в которой принципы морали очень тесно связаны и с процессом, и с конечной продукцией, потому что слово - это оружие.

Я мог бы сказать вслед за многими коллегами, что пресса морально падает вместе с обществом. Это кажется удобным: если общество стало плохим, если убивают, режут, грабят, насилуют, врут, то и себе можно многое позволить. Но каждый должен удерживать свой рубеж обороны. Нравственно полноценное общество складывается из нравственно достойных индивидуумов, и если каждый будет соблюдать пусть не десять, а пять заповедей, пусть одну, но твердо, значит, нравственность общества не будет деградировать с такой скоростью.

Мне нравится образное выражение о прессе как зеркале общества. Я им пользуюсь, когда, допустим, мы рассказываем о том, как милиционеры, избивая, пытая и т.д., добывают показания. На претензии, которые мы слышим в наш адрес, я отвечаю: “Извините, мы показали то, что есть”. Но в анализе нравственной атмосферы в СМИ этот образ не подходит, потому что речь идет не о зеркальном отражении того, что происходит в обществе, а об отражении моего собственного Я, моей души, моих начал, принципов. Причем тут общество, причем тут зеркало? Я - не зеркало. Да, журналистика - зеркало. Но журналист - не зеркало, журналист - зеркальщик, если угодно. Он - вещь в себе, он может напирать это зеркало, он может протереть это зеркало, он может взять кривое зеркало или прямое. Не надо смешивать - есть понятие “журналистика”, есть понятие “журналист”.

В ЗАБЫТОМ романе Ильи Эренбурга “Девятый вал” герой-француз говорил: “Мне нравится режим, похожий на разношенные ботинки”. Для меня гражданское общество, его законы - как разношенные ботинки. Но этот образ надо дополнить: нога из ботинка не должна вылезать. То есть содержание должно входить в форму и оставаться в ней.

В отношениях СМИ и гражданского общества все достаточно элементарно. Я могу согласиться с хрущевским определением, правда, заменив в нем некоторые слова: СМИ - подручные гражданского общества. Если перелицевать другую цитату - “Что хорошо для Дженерал-Моторс, то хорошо для Соединенных Штатов”, то можно сказать так: “Что хорошо для общества - хорошо и для прессы”. Социальная ответственность прессы - может быть, самое важное в отношениях СМИ и гражданского общества. Поэтому, в отличие от распространенной в наши дни тенденции к печатанию и изображению на экране сплошной “чернухи”, наша газета печатает не сводки преступлений, а обязательно цикл: расследовали, поймали, посадили. Четыре месяца корреспонденты нашей газеты, сменяя друг друга, дежурили в суде по страшному Ялуторовскому делу. Ради чего? Чтобы пока-

зять, как торжествует закон, чтобы показать, к чему приводит преступление. Я считаю, что это более правильно.

Уместно ли в наши дни, совсем мало способствующие тому, чтобы следовать ценностям гражданского общества, ориентировать журналиста на такие ценности? У меня недавно был непростой разговор с одним из сотрудников газеты. Я поручил ему разобраться с проблемой, возникшей в одном из городских кондоминиумов, а он говорит: "Я займусь этим делом, а мне голову оторвут". Что я должен был ответить? Понять его? Продумать вместе с ним систему защиты? Или сказать: "Это твоя профессия, ты должен брать на себя обязанности". Я сказал, что если он хочет быть журналистом, значит не должен бояться. Журналистика - опасная профессия. Боишься - иди в бухгалтеры, правда, там тоже опасно. Мне приходилось и самому выполнять разные задания, и поручать другим людям.

Казалось бы, речь идет об опасностях уже другого рода, а не об опасности для журналиста следовать ценностям гражданского общества? Но мостик тут есть. Я хочу, чтобы журналист был не героем, а профессионалом. Положение обязывает, профессия требует. Ты выбрал ее - добровольно. Ты выбрал - ее. Это равносильно профессиональной этике врача. "Я не люблю вставать ночью", - говорит врач и не едет на ночные вызовы. Можно представить себе такую ситуацию? От него не общество требует выполнения своих обязанностей, требует - профессия, точно так же и у журналистов.

В КАКОМ СМЫСЛЕ МОЖНО говорить о региональном сообществе журналистов? Человеческое общество состоит из людей черненьких и беленьких, толстеньких и худеньких, высоких и маленьких, мужчин и женщин; человеческое общество - совокупность разных людей. Точно так же и в журналистском сообществе. Оно состоит из самых разных журналистов - хороших и плохих, грамотных и не очень, способных и совсем нет. Но это сообщество.

В регионе, допустим, выходит сто пятьдесят газет. В каждой - от двух до пятидесяти журналистов, они составляют единое информационное пространство. Пространство, опирающееся на СМИ, как земля на три кита. Вот каркас сообщества. Сообщества организаций, редакций, компаний? Не только и не столько. Сообщество журналистов.

Журналисты, даже не состоя формально в какой-то организации, все равно действуют с оглядкой на мнение коллег. Даже если я говорю, что меня не интересует мнение журналистского сообщества обо мне, это неправда. Интересует. Когда журналисты говорят, что работают на читателя, на начальника, ...на хозяина, - это неправда. Лучшие ценители твоего труда прежде всего - журналисты. У них нет друг от друга секретов. Я всегда пойму, кто где сфальшивил, кто где наврал, потому что мы сами читаем все по-другому, читаем своим пером - будто переписываем материал.

РАЗДЕЛЯЮ ПОЗИЦИЮ, согласно которой журналистскому сообществу - в масштабах страны, региона - необходимо более серьезно отнестись к проблеме саморегуляции, в том числе и к проектированию профессионально-нравственных кодексов. Мои аргументы содержатся в трех фразах: (1) Судя по всему, против журналистики идет война. (2) Чтобы победить в войне, нужна регулярная армия. (3) Регулярная армия живет по уставу.

Для того, чтобы журналисты могли выстоять и сохранить свои свободы и свои обязанности перед обществом, мы должны построиться и "подобрать" ногу. Может быть, по-маршировать.

Странные ассоциации для кодекса профессиональной этики - маршировать в ногу? Напротив, я даже его разовью. Кодекс состоит из ряда команд. Группа, идущая не в ногу, не может выполнить команду, совершить маневр. Нам надо оглянуться друг на друга - с кем мы идем - и подобрать свои ряды. Иначе получается крестьянская толпа времен Томаса Мюнцера, штурмующая замок. Бегут с дреколем - и погибают.

Еще в процессе реализации прежнего проекта о журналистской этике - "Становление духа корпорации..." - я говорил, что кодекс "Тюменского курьера" уже есть, пусть и неписанный. И те требования, которые я предъявлял к сотрудникам, когда мы создавали газету пять с половиной лет назад, и требования, предъявляемые сегодня, - в принципе одни и те же. Дай возможность высказаться оппоненту, у него те же права напечататься, что и у тебя; проверяй информацию и прочие элементарные нормы профессиональной этики, простые "правила игры".

Часть такого неписаного кодекса - наша политическая линия. Все ее знают. Над нами не реют красные знамена. Наша газета светская - никакой поповщины. У нас нет, слава Богу, криминальной крыши (помогает то, что мы находимся в официальном здании? или то, что с нас и брать нечего?). Нам никто не диктует позицию. У нас действительно акционерное общество - это тоже кое-что. Мы выработали отношения с властью, и это заслуга не только моя, ("для каждого поцелуя нужны две головы"), но и городской власти. Недавно Киричуку сказал один из кандидатов куда-то... "Твой Гольдберг...". Тот ответил: "Он - не мой и я - не его".

Завершу свои размышления так. Журналистику не любили никогда, сейчас ее любят еще меньше, хотя и без нее не могут жить. Когда-то Патрик Кессель написал книжку о французской журналистике под названием "Враги общества". Я не считаю себя врагом общества. Я часть общества, я сторонник общества. Сказал бы даже, что я защитник общества, но, увы, о малых сих говорить не приходится.

Е. В. Горбачева

***“...В НАШЕЙ МАЛЕНЬКОЙ САНТА-БАРБАРЕ
ЖУРНАЛИСТУ ЛУЧШЕ НЕ РИСКОВАТЬ ВЕСТИ СЕБЯ НЕПОРЯДОЧНО -
УЖЕ ЗАВТРА БУМЕРАНГ ВЕРНЕТСЯ И СТУКНЕТ ЕГО ПО ГОЛОВЕ”***

МНЕ ЛЕГЧЕ РАССУЖДАТЬ о динамике нравственной ситуации в прессе через сравнение наших дней с 1986-88 гг. Именно тогда я начала работать в ханты-мансийской окружной газете "Ленинская правда", это же время было и "разгаром" перестройки. Пресса тогда была реальной "четвертой властью". "Корочки" члена Союза журналистов и редакционное удостоверение оказывали совершенно магическое действие на любые структуры - властные, хозяйственные, на простых людей. Любая публикация претендовала на определенный резонанс и, что самое главное, получала его. Достаточно вспомнить канувшие сегодня в лету книги учета писем! Критические письма, даже неопубликованные, отсылались в соответствующие инстанции для принятия мер, и адресат просто обязан был сообщить редакции о результате.

Мои воспоминания о возможностях "четвертой власти" в те времена окрашены положительными эмоциями не из-за тщеславия или тоски по ушедшим сегодня почестям. Просто тогда у нас действительно была возможность помочь людям реально решить очень многие вопросы, преодолеть конфликтные ситуации: отремонтировать старое общежитие, получить квартиру, избавиться от какого-то хама, который засел в казенном месте. И на этих "мелочах" основывалось уважительное отношение к газете простых людей, взгляд на нее как на народного арбитра. Очевидно, что мы не могли "наехать" на высокий уровень власти - наша работа "курировалась". Но и многие властные структуры боялись негативно засветиться на страницах газеты. Жаль, что такой возможности помочь людям у нас сегодня практически нет, хотя многие пенсионеры все еще – по привычке – начинают письма со слова "помогите". Самое большее, что мы можем сделать для них сегодня - рассказать об их проблеме "всему миру" и порекомендовать, куда обращаться для ее решения.

Следующий этап изменения ситуации в СМИ - печальный. Страна строит рынок, и газеты должны идти тем же путем. Почему это печально? Потому что государство перестало гарантировать зарплату, а информация стала товаром, который продается и покупается. Отнюдь не любой жанр, тема или идея пользуются спросом у людей, которые могут позволить себе покупать товар на информационном рынке. Если в советские времена партия содержала газету, то старалась делать это, на мой взгляд, достаточно деликатно. Сегодня газету могут иметь, во всех смыслах этого слова, кто угодно и как угодно.

Я наемный работник по натуре, человек, не способный и не стремящийся создать свое дело. Но сегодня, по сравнению с советскими временами, быть наемным работником противно. Нынешние издатели - бизнесмены или политики - намного циничнее прежнего единовластного и полноправного учредителя. Поэтому я готова разделить оценку,

данную нынешней ситуации в СМИ А. Симоновым: гласность поступила с прессой так, как богатый мужчина иногда поступает с женщиной: соблазнил, бросил и, наконец, выгнал на панель.

АВТОРЫ ПРОЕКТА предлагают порассуждать о профессиональной этике СМИ “в координатах гражданского общества”. Вообще-то эти слова, не вызывая категорического отторжения, “не греют” меня. Что я слышу в этом словосочетании? Во-первых, невозможно понимать гражданское общество как монолит, такой, каким было тоталитарное общество. Во-вторых, деловые отношения между гражданами - при большой доле симпатии друг другу, при маленькой, при наличии антипатии - все равно должны быть нормальным честным партнерством. При этом какие-то личные моменты, мотивы, душевные порывы, никуда не денутся, поскольку они в природе человеческой. В-третьих, в таком обществе велика роль частной жизни человека.

Но это скорее красивый идеал, слабо совместимый с нашей действительностью. Я подозреваю, что на мою жизнь он не спроецируется - не успеет. К сожалению, как наше общество далеко от этого идеала, так и отношения общества с прессой далеки от него. Далеки, в частности, не просто от норм человеческой морали, но и от норм деловой этики, “правил честной игры” гражданского общества.

Собственно, почему пресса должна быть лучше, чем это общество? Да, она могла и опережать ситуацию в нем, как это было во времена перестройки, когда пресса вела за собой общество, воспитывала его. Но сегодня общий ориентир у прессы утерян. Может быть, поэтому моя любовь к профессии журналиста тихо скончалась на закате перестройки. Писать мне стало бесконечно скучно - процесс стал неинтересен. Но есть возможность сохранять работу в газете, которая для меня действительно стала образом жизни, правда, уже в несколько ином качестве. Успев в юности попробовать себя в разных ипостасях, я освоила достаточно широкий круг функций, которые могу исполнять в газете. Мне интересен сам процесс ее формирования, производства, издательское дело.

Продолжая тему “воспитания” общества, скажу, что в идеале газета должна лишь предоставлять место, трибуну для выступления людей разных мировоззрений - тех, кто ориентирован на ценности гражданского общества, и тех, у кого другие идеалы. Нельзя принуждать читателя исповедовать только одну из систем ценностей, он должен иметь возможность выбирать (конечно, в этом случае речь не идет о пропаганде фашизма или ему подобных мировоззрений, несовместимых, на мой взгляд, со здоровой психикой - по крайней мере в нашей стране). При этом газета не становится пассивным зеркалом. По ее концепции читатель в любом случае будет чувствовать, к кому она относится с большей симпатией.

ОСОБЕННОСТИ столь популярных сегодня региональных выпусков столичных газет (такой является и «МК» в Тюмени») дают возможность конкретнее ответить на вопрос авторов проекта об особенностях миссии региональной прессы, масштабе гражданской ответственности журналиста регионального издания, “правилах игры” и т.п.

Разумеется, играет роль масштаб издания. Городские газеты значимы и популярны потому, что оперативно сообщают своим читателям о местных проблемах, тем самым отчасти помогая их решать. Одна из функций городской газеты - писать о том, где и какой сугроб не убран, на какой дороге яма - ее журналисты должны быть с читателем “накоротке”. Надо, чтобы постоянно работали “горячие” телефоны, пейджеры и прочие достижения цивилизации. Правда, такая газета сегодня, в отличие от прежних времен, часто играет роль “жилетки”, психотерапевтического центра, поскольку легко допускаю, что тот самый сугроб не уберут и после третьей публикации. У областной газеты уже другой масштаб: должна быть какая-то объединяющая идея, которая работала бы на всю область, отстаивающая интересы не отдельного местечка, а уже Места - с большой буквы. Что касается возможности и необходимости для журналистов региона поднимать глобальные темы, то есть пример передовиц Гольдберга в “Тюменском курьере”. К ним можно относиться по-разному - от иронии до восторгов, - но я считаю, что редактор и газета сделали верный ход.

Относительно региональных страниц столичных газет могу сказать, что журналистов нашего еженедельника интересует отражение духа региона в масштабе страны. Кроме того, формат газеты, заданный ее столичным вариантом, предполагает повышен-

ное внимание к людям необычным, событиям сенсационным, в чем-то эпатажным, диктует более неформальный язык и стиль.

Мне кажется, что “правила игры” нашей профессии в Москве нарушать легче, чем в Тюмени. В маленькой тюменской Санта-Барбаре вести себя непорядочно по отношению к своим собратям, а также к персонажам местного истеблишмента - большой риск. Все мы здесь ходим по одному - очень узкому - кругу, и если ты “нагадил” кому-то, то уже завтра бумеранг вернется и стукнет тебя по голове обязательно. Конечно, не всех журналистов это останавливает, не всем хватает мудрости задуматься о последствиях, но в принципе некоторые эпизоды учат, и учат очень хорошо.

Кроме того, на мой взгляд, провинциальный истеблишмент очень нежен и легко раним в сравнении со столичным, неоправданно болезненно реагирует на критические выступления в прессе. Сохранились остатки мании неприкасаемости. Московские политики реагируют поспокойнее, ибо играют по другим правилам: обо мне пишут - значит жив и популярен, а журналистам тоже надо жить, надо газету продавать. Пусть пишут. А потом, если надо будет, мы придем и купим их не задорого. В Тюмени же нервно-напряженные отношения между журналистами и истеблишментом, видимо, потому, что ни те, ни другие по этим правилам играть пока еще не умеют. Но, сдаётся мне, скоро научатся. Хотя, может быть, эта нервность и болезненность более естественны, чем цинизм правил?

ПРОБЛЕМУ (НЕ)СУЩЕСТВОВАНИЯ регионального сообщества журналистов лучше обсуждать в прагматическом ключе. Надо определиться с функциями. Формализованный союз будет играть определенную и вполне понятную роль: и доступ к федеральной тусовке, и, помимо трудовой книжки, подтверждение твоего профессионализма, и, возможно, собственно профсоюзную роль. Мне также близка роль сообщества как неформального единства, носителя духа братства. Ряд журналистских тусовок, проведенных по инициативе «МК» в Тюмени» и, на наш взгляд, доставивших коллегам удовольствие, подтверждает мысль о том, что журналистский клуб необходим.

В любом случае, толчок к объединению должен произойти “снизу”, от “рядового состава”, от людей моего поколения. “Командный состав” от всего устал, старшему поколению не нужны ни тусовка, ни защита - оно достаточно защищено своим авторитетом, положением. Молодые, которые еще только пришли в журналистику, не знают, что такое Союз журналистов. Журналистам же нашего возраста (от тридцати до сорока) – тем, кто успел побывать в прежнем Союзе, кому еще пахать и пахать до высокого положения и до полной усталости, - Союз нужен. И если начавшийся в Тюмени процесс оформления сообщества учтет эти аргументы, успех возможен.

Я РАЗДЕЛЯЮ СУЖДЕНИЯ тех авторов, которые призывают к активизации процесса саморегуляции сообщества. Но как бы не стать нам жертвами самообмана. Конечно, нужна более активная саморегуляция, чтобы над самими собой же приподняться. Но среди мотивов большего внимания к роли наших профессиональных ассоциаций, внутренних кодексов и т.п. должен доминировать мотив самосовершенствования, а не противостояния власти. Нашей власти вряд ли можно успешно противостоять через активизацию саморегуляции. Как существа физические, а не состоящие только из одних душевных порывов, мы будем вынуждены пока играть по правилам, которые нам навязут.

М. И. Добрянский

***“...СТАРАЮСЬ ИСКАТЬ СВОЙ ВИРДЖИНСКИЙ ТАБАК СРЕДИ НАВОЗА,
КОТОРЫЙ НАС ОКРУЖАЕТ”***

Я ОКОНЧИЛ обычный филфак университета и поэтому, прежде чем говорить об этике журналиста, вспомню урок литературы из школьной программы. Тургенев. Стихотворения в прозе. «Двое друзей сидят за столом, пьют чай. Невероятный шум поднялся на улице. Слышны стоны, ярые ругательства, взрывы зловредного смеха. “Кого-то бьют”, - заметил один из друзей, выглянув в окно. “Преступника? Убийцу?” – спросил другой. “Кто бы он ни был, нельзя допустить бессудную расправу, пойдем заступимся за него”. - “Да это бьют не убийцу”. – “Не убийцу - так вора”. - “Все равно пойдем заступимся за него, отнимем его у толпы. И не вора, так кассира, железнодорожника, военного поставщика,

российского мецената, адвоката, благонамеренного редактора, общественного жертвователя. Все-таки пойдём и поможем ему”. - “Нет, это бьют корреспондента”. – “Корреспондента? Ну, знаешь что, допьём сперва стакан чая”».

Корреспондентов (читай журналистов) били 100 лет назад, бьют сегодня и будут бить в конце XXI века. Скорее всего потому, что никакой этики журналиста нет и не будет. Есть только “правила игры”, например, оперативность информации, ее четкость и достоверность. Есть корпоративная конкуренция в плане творчества. И есть живые люди с их вечным “срочно в номер” и достаточно поверхностными познаниями абсолютно во всех сферах бытия. Они примерно одинаково разбираются в экономике и политике, медицине и педагогике, компьютерах и культуре. Им надо просто успеть с пожара на вернисаж или с пресс-конференции на фуршет. Но даже нехитрые “правила игры” в последнее время часто нарушаются. О каждом таком случае быстро узнают все “собратья по перу”. Узнают и так же быстро забывают...

Себя я, по большому счету, к журналистам с большой буквы не причисляю. Я скорее благонамеренный редактор, где-то адвокат, где-то общественный жертвователь. Очень и очень часто эфирное время используется не только для коммерции, но и для того, чтобы помочь людям.

У большинства же простых зрителей, читателей и слушателей негативное отношение к журналистике сегодня связано с тем, что веру в слово, сказанное или напечатанное, убили. Виноваты в этом и сами журналисты, и политики. Кто виноват больше – рассудит время.

Не берусь точно определить понятие “гражданское общество”, но в связи с тем, как я его понимаю, вполне определился со своей профессиональной позицией. На одном из семинаров, проводимых при поддержке Фонда Сороса, редактор службы новостей Би-би-си рассказал слушателям следующую историю. «Один из журналистов пришел на табачную фабрику и увидел на территории огромные кучи навоза, а в уголке, скромно, стоял мешок с отборным вирджинским табаком. “И все же они кладут в свои сигареты табак”, - сказал он и написал об этом». Я стараюсь искать свой вирджинский табак среди навоза, который нас окружает. Может быть, в такой позиции и заключается шаг к гражданскому обществу...

Гражданское общество и его ценности – ориентир сегодняшнего дня или далекого будущего? Хочу надеяться, что ближайшего будущего. Раньше я бы сказал, что через пятилетку, а сейчас – через одни выборы мы сможем сделать шаг к нему. И я не считаю, что установка журналиста на ценности гражданского общества губительна для него в наши дни. У человека любой профессии должен быть внутренний стержень, который в любой ситуации помешает солгать, слухавить или пойти на компромисс. Надо делать работу честно – будь то городские новости на “Радио-7” или “горячие материалы” для “СПИД-инфо”, “Труда” или “Московского комсомольца”. Тому, кто не идет на компромиссы, трудно, но в любом случае они останутся в этой профессии. Рынок диктует свои правила или идеология – честный человек останется самим собой.

СМИ не просто пассивно отражают жизнь: влияние общества и средств массовой информации - обоюдно. И они же вполне могут задавать обществу перспективу развития. Не только следовать за событиями, но и опережать их.

ДУМАЮ, что столь необходимые стране позитивные изменения придут из провинции. Именно здесь неписанные правила журналистского сообщества еще соблюдаются, в столице же приходится работать совсем по другому Уставу. Хотя с понятием “журналистская этика” там знаком каждый, но именно в Москве многие любят порассуждать на эту тему.

РЕГИОНАЛЬНОЕ профессиональное сообщество в Тюмени есть, но оно не структурировано. Много раз пытались собираться под крышей различных пресс-клубов, но, по всей видимости, встреч хватает и в ходе повседневной работы. А общие проблемы и вопросы, которые легче решать сообща, каждый решает своими силами.

Нас разделяет дележка “рекламного пирога”, который, в связи с последними событиями, все больше напоминает “рекламный коржик”. На первом месте стоит выживание своего издания, и это очень часто разводит представителей нашей профессии.

Казалось бы, весомым основанием для того, чтобы почувствовать необходимость сплочения, являются попытки ограничить свободу слова. Но и этот фактор не перевеши-

вает пока дележку “рекламного пирога”, а иногда и прямого финансирования из других источников. Здесь стоит обратить внимание на ассоциации предпринимателей. Они тоже конкуренты друг другу, но бизнесменам сообщать гораздо легче решать вопросы налогообложения, взаимоотношений с властью и контролирующими структурами.

Возможно, что возрожденный не так давно региональный союз журналистов станет объединяющей структурой, но лишь при наличии хорошего организатора. Причем совсем не обязательно он должен сам быть журналистом. Если лидера у союза не найдется, то долго этой общественной организации не прожить. Но, к счастью, именно среди журналистов есть по-настоящему активные люди, не стоящие на коленях перед золотым тельцом. Да и создание общественных объединений, движений и союзов, во многом благодаря концепции гражданского общества, стало сегодня вполне реальным делом. Возможно возникнет новое объединение профессионалов, значит. будут правила игры, правила работы и профессиональная этика.

Пока еще гражданское общество в России не достигло уровня развития, чтобы создать эффективные рычаги контроля над властью “снизу”, надо объединяться. Сначала по профессиональному признаку, а затем и политически.

Е.О.Кох

“...ГЛАВНАЯ ЗАПОВЕДЬ - НЕ СОВРИ”

К СОЖАЛЕНИЮ, А.Симонов, неоднократно говоривший о грехопадении наших СМИ во время президентских выборов 1996 года, больше прав, чем не прав. Действительно, желая спасти от одного зла, СМИ выбрали другое: манипуляцию сознанием общественности.

Однако многие изменения в журналистской этике начались раньше, когда газеты стали печатать платные материалы. Это была еще не реклама политических деятелей, а коммерческая реклама. И до принятия закона о рекламе было не понятно, когда журналист искренне восторгается кем-то или чем-то, а когда - просто отрабатывает деньги. Во времена моего студенчества спор вызывал вопрос о том, имеет ли право журналист участвовать в рекламе. Во всем мире это запрещено, а у нас редакторы газет, когда пытались создать российский профессиональный кодекс, пришли к выводу, что пока запрещать нельзя, и сошлись на том, что журналист может участвовать в рекламе, но только под псевдонимом, т.е. не используя свое имя. Но и сейчас запрет на участие журналистов в рекламе выполнять трудно, от безденежья, наверное.

Возможно, я говорю о моральных проблемах сегодняшней прессы, связанных с рыночной экономикой, с безденежьем редакций и журналистов, с проблемой выживания и т.п. не так напряженно, как мои старшие коллеги. Но говорю об этом более спокойно не потому, что меня это не тревожит: хоть каким голосом об этом говори - ничего не изменится. Единственно, что лично я могу сделать, так это не писать рекламных статей. Но я не могу взять на себя смелость убеждать коллег не писать рекламу. Не могу их осуждать за это - у всех разные обстоятельства.

Главная заповедь для журналиста - не соври. Пожалуй, этим исчерпывается все. То есть пиши рекламу, если без этого не прожить, но при этом не хвали плохое, не говори “мне нравится”, когда на самом деле совсем не нравится. Это касается и политики, и вообще всего.

Я еще застала время, когда государство содержало журналистов. В начале рыночных отношений журналисты жили довольно беззаботно. Когда в «Тюменском комсомольце» больше месяца не было бумаги, мы, ничего не делая, получали зарплату. Какие это деньги были - партийные, комсомольские или какие-то остатки? Редакция была еще на содержании, но при этом уже свободна. Эта свобода позволяла быть и смелой, и честной. Но “свобода на халяву” не могла продолжаться долго.

Претензии к журналистам в связи с тем, что они пишут о гадком, противном, вытаскивают все на свет, толкают к насилию и т.п., по-моему, не обоснованы. В этом смысле журналистика - зеркало: что вижу, о том и пою.

Но есть и обратная связь: какая журналистика - такое и общество. Общество первично, но журналисты являются частью его, и поэтому журналистика также влияет на общество. Думаю, что отдельной журналистской этики - как таковой - вообще не существует. Она является частью общественной морали. А этика вообще - это ответственность. Значит, у нашего цеха должен быть общий кодекс, для того чтобы чувствовать ответственность и перед собой, и перед обществом, несмотря на моральный кризис самого общества.

Я СПЕЦИАЛЬНО НЕ ФОРМУЛИРОВАЛА для себя понятие "гражданское общество". По-моему, это общество людей, которые не столько боятся государства, сколько ощущают свою ответственность за все, что происходит. Для журналиста, стремящегося ориентироваться в своей профессиональной деятельности на ценности гражданского общества, это означает осознание своей ответственности.

Именно поэтому журналист должен сформулировать для себя этический кодекс. Сформулировать заранее, пусть и методом проб и ошибок, свои правила: это я делаю, а это - не делаю. В повседневной практике нет времени подумать о правилах игры. Чаще всего этические ошибки, которые я допускаю, на 90% зависят от отсутствия времени. Невозможно осознать свою ответственность: выделено место на полосе, нельзя сорвать график. Об этом в первую очередь думают журналисты. Поэтому более важная ответственность - перед читателем - должна быть продумана и сформулирована заранее.

НЕ УТОПИЧНО ЛИ рассчитывать на то, что журналисты будут ориентироваться на ценности гражданского общества? Во-первых, до сих пор на них никто и не ориентировался. Поэтому-то, я думаю, возник крен в сторону государственничества. Если бы мы все ориентировались на ценности гражданского общества, не было бы ни этого крена, ни этого хаоса.

При этом следование ценностям гражданского общества не означает, что журналист обязан буквально идти на подвиг. Определенная компромиссность вполне допустима: так было прежде и так, видимо, будет всегда.

Разумеется, у компромиссов есть предел. Сейчас я достаточно лояльно отношусь к власти, это совпадает с моими убеждениями. По своему политическому курсу она близка мне (при всех ее недостатках), я за нее голосовала. Конечно, меня не устраивает, что чиновники берут взятки и т.д. Однако я допускаю, что не смогу заниматься журналистикой в обществе, которое сменит свои социально-политические ориентиры. Если такого рода власть позволит встать к ней в оппозицию, возможно, продолжу профессиональную деятельность. Если не позволит, перейду в чисто информационный жанр. Может быть, придется вообще распрощаться с журналистикой.

НАВЕРНОЕ, НЕ СТОИТ подразделять журналистов на столичных и региональных. Четкого различия между ними, по-моему, нет. Конечно, в большом городе немного выше вероятность встретить крупную личность, там и больше возможностей для ее роста. Но и посредственных авторов там не меньше, чем здесь, просто там они менее заметны. И надо бы различать пишущих в одну из многочисленных газет, которые дальше Садового кольца не распространяются, и тех, кто пишет для национальных изданий. Последние просто вынуждены думать масштабнее, глубже, ибо их слово влияет не на отдельную ситуацию, допустим в Тюмени, а на общество в целом. Конечно, это не мешает и провинциальным журналистам поднимать глобальные вопросы. В качестве комплимента моему шефу Р.Гольдбергу могу сказать, что у него материал, допустим, о работе гаишника может закончиться публицистическими выводами о судьбе России.

Может быть, трудно различить правила этические и профессиональные. Например, следует встретиться со всеми участниками, допустим, какой-то истории перед тем, как писать о ней. Конечно, это делается прежде всего для того, чтобы у редакции не было неприятностей, чтобы не пришлось в суде отвечать за ошибки.

На планерках в нашей редакции не только рассматриваются информационные или стилистические качества текстов, ведутся споры на морально-правовые темы, но и бурно обсуждаются спорные с этической точки зрения материалы. Правда, на первой странице моей газеты редакция может напечатать фотографию трупа. Я бы никогда этого не допустила, так как это может оскорбить чувства родственников умершего. Такие случаи, к сожалению, были.

ГОРОД У НАС НЕБОЛЬШОЙ, все тюменские журналисты друг друга знают, знают, кто чего стоит. Можно это называть сообществом, можно просто тусовкой, но некоторые моральные рефлекс существуют. Может быть, это и не правильно, но в первую очередь я думаю о том, что скажут обо мне коллеги. Для меня их мнение более важно, чем мнение читателей. Наверно, потому что читателя я не могу представить, не знаю, кто читает меня и читают ли вообще (разве что иногда кто-то позвонит). А коллеги - конкретные люди, мнение которых мне важно. В этом смысле мы - сообщество.

Общественное мнение в своих оценках не очень строго. Не знаю, что надо натворить, чтобы с кем-то перестали здороваться. Хотя некоторая ирония по отношению к тем, кто пользуется довольно дешевыми трюками, чтобы завоевать читателя, есть. Не знаю, чувствуют ли они эту иронию, но со стороны она очень заметна. Еще раз: у нас все-таки достаточно мягкое сообщество. Проявляется это в том, что откровенно третировать никого не будут. В любом случае, как бы низко кто-то ни пал. Иное дело, что другие редакции могут его не взять. Помнится, газета «Тюмень-2000» была довольно скандальной. Но, тем не менее, помню, что люди разделяли газету и человека.

ЕСЛИ БЫ САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ стало постоянной заботой журналистского сообщества, то, возможно, сегодня не было бы повода для таких регуляторов, которые пытаются создать политические силы. Если бы этический кодекс имел достаточное влияние на поведение журналиста, возможно, у этих сил не было бы повода «давить» на СМИ. А если бы и начало (что уже ощущается), общество стало бы на сторону журналиста. А пока оно явно на стороне государства: СМИ во многом утеряти доверие своей аудитории.

В.Ю.Князев

«...РОЛЬ ЖУРНАЛИСТОВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ - БЫТЬ ЕГО ЦЕПНЫМИ ПСАМИ»

НЕ МОГУ ВСПОМНИТЬ: учили ли меня в университетские годы правилам профессиональной этики. Наверное, учили. В любом случае, у меня такое ощущение, что я с этими правилами и родился. «Не кради» - если уж чью-то заметку переписываешь, сошлись на первоисточник; «перепроверь информацию» - по крайней мере, из двух-трех источников, «не публикуй материал, не выслушав противоположную сторону», и т.п. Нарушение этих табу иногда приводит меня - я человек не очень-то эмоциональный - просто-напросто в ярость, ибо, нарушая эти правила, мы, журналисты, сообщество журналистское, очень плохо выглядим перед остальным обществом. В конце концов это привело к тому, что мы потеряли доверие общества. Да, степень доверия к СМИ пока остается выше, чем степень доверия к правительству, другим общественным институтам, в том числе и церкви, но все же она упала катастрофически.

Может показаться странным, что я начал характеристику нравственной ситуации в СМИ с проблемы доверия к прессе, утерянного нами из-за пренебрежения «правилами игры», а не, например, с проблемы ангажированности СМИ властью и бизнесом. «Заказуха» и меня достала. Мало того, что приходят с мешками денег и чемоданами компроматов, но иногда еще ведут очень серьезные разговоры, до угроз доходит: «Подумай о своей семье, прежде чем отказываться публиковать материал». Все это - производная от общей тенденции падения нравов. И не только в журналистике, но и в обществе. Упрощенно говоря, если нам удастся восстановить высокие моральные качества журналистики, эта тема сама собой отпадет.

При этом мне не нравится тезис о том, что журналистика - зеркало общества. Роль «зеркала» предполагает пассивность, а журналистика - активная часть общества, хотим мы этого или нет, с положительным это знаком или с отрицательным.

КТО-ТО ИЗ ВЕЛИКИХ сказал, что его свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека. В такой позиции, на мой взгляд, представлена квинтэссенция понятия «гражданское общество», общества, столь ценящего свободу.

Хорошо бы найти столь же лаконичное и емкое понятие связи этики СМИ и ценностей гражданского общества. Мне приходит на ум, что в Америке журналистов называют

“цепными псами демократии”. Чисто американское определение и очень емкое. Цепной пес и свобода. Казалось бы, совершенно несовместимые понятия, тем не менее, для меня роль журналистов в гражданском обществе состоит в том, чтобы быть его цепными псами.

Реально ли это в наши дни? Не требует ли стремление журналиста жить по правилам игры гражданского общества какого-то героизма? Просто надо выполнять свои профессиональные обязанности, а это особого героизма не требует. Не надо воровать чужие материалы, не надо за деньги поливать грязью “заказанного” человека, впрочем, и без денег - не надо. Если участвуешь в выборной кампании, то уж напиши рядом с опубликованным тобою материалом - “материал платный”. Иначе читатель сам и не разберется: он, в массе своей, к сожалению, не очень высокого уровня. (За исключением, может быть, без нужной скромности, читателей нашей газеты, газеты с определенной аудиторией.) И читателю сейчас трудно понять, особенно в переломные моменты - выборы, перевыборы, - цели тех или иных публикаций. Он, конечно, может догадаться, что это компромат. Но журналист даже в этой ситуации должен попытаться сохранить лицо, хотя бы ремаркой “публикация платная”. И это никакой не героизм, просто норма.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО журналистов может иметь несколько ипостасей. Например, профессиональная организация журналистов как организационная форма регионального сообщества. Может быть сообщество по интересам. Журналисты, пишущие на экономические темы, или, например, в Москве появилось очень интересное сообщество - гильдия судебных репортеров.

От чего нам отталкиваться - от географии или от профессиональных интересов? В любом случае, в Тюмени есть некое сообщество журналистов, хотя бы потому, что они живут в Тюмени, работают в Тюмени и на тюменской, что называется, тематике. Конечно, при таком подходе можно увидеть наш цех лишь как нечто аморфное. Большинство замкнуто в своей редакции. Общаемся, разумеется, и за пределами редакции, но можно ли увидеть признаки сообщества в том, что мы с Горбачевым пьем кофе, со Строгальщиковым играем в преферанс? Общаемся, не более того. Конечно, поднимаем какие-то наши общие журналистские проблемы, обсуждаем их.

Но если говорить в строгом смысле, то регионального сообщества журналистов у нас в Тюмени нет, во всяком случае, организационно оно не оформлено. Можно объяснить это конкуренцией. Объективно СМИ друг с другом конкурируют, хотя мы иной раз утешаем друг друга, что “Сибирский посад” совершенно не конкурент компании “Регион-Тюмень”. Конкурент, ибо мы работаем на одном рынке, рынке информации, новостей. И наличие конкуренции - это фактор, который разрушает сообщество.

И все же у цеха есть общий интерес. Например, очень серьезная проблема, том числе и моральная, проблема выживания СМИ. К сожалению, СМИ не самодостаточны, и мы не можем обойтись без помощи либо государства, либо крутых ребят. На этой платформе мы, собственно говоря, пока и объединяемся. Но это скорее всего созерцательное сообщество, активных действий по влиянию на власть мы не предпринимаем.

Другой фактор, потенциально стимулирующий сообщество, - мнение коллег о нашей работе. Конечно, мы склонны к снобизму. Для меня, например, мнение какого-нибудь мальчика, которого я учил в этой редакции запятые расставлять в его заметках, мало чего значит, но все же значит. Мнение зубра, с которым мы пьем кофе? Если откровенно, я его мнение знаю, поэтому оно мне тоже неинтересно.

Более всего для цеха важны общие правила игры, которые я, нравятся или не нравятся, должен принимать. Но дело-то в том, что у нас такое сообщество не сформировалось. Есть отдельные мнения коллег. Они для меня значат, безусловно, очень многое. Хотя я и могу этак сверху на эти мнения посмотреть, но про себя мне важно знать их. У нас профессия такая - мы хотим нравиться и коллегам, и аудитории. Для меня важно нравиться и тем, и другим, хотя, конечно, следовало бы отдать приоритет аудитории.

ХОТЯ ИЗВЕСТНА МАССА примеров, когда кодексы профессиональной чести журналиста, так же, как и клятва Гиппократа, не работают, такой кодекс должен быть. Прежде всего - в мозгах каждого журналиста. А для того чтобы забить ему в мозги этот кодекс, его нужно разработать. Такие кодексы есть в зарубежных СМИ, и они соблюдаются журналистами. У нас же, появившись такой кодекс, вряд ли многие ему следовали бы. Но он должен

быть. Потому что если сегодня его исповедуют лишь два человека, то завтра их будет двадцать. Постепенно он войдет в кровь каждого журналиста.

Должны ли кодексы быть внутриредакционными или надредакционными? Мне кажется - надредакционными. А для каждой редакции есть устав, в котором могут закрепляться основные моральные принципы.

Представим, что некий надредакционный кодекс создан. Что изменилось? Сразу - ничего. Это очень тяжелая, требующая массы времени и совершенно невидимая работа - как любая воспитательная работа, она, вообще-то, не видна. Но кто-то ее должен делать, в том числе союзы журналистов. В том числе и ветераны журналистики. Не важно то, что они при советской власти были "подручными партии" и все прочее. Журналистские принципы и тогда существовали, и не самые плохие принципы. Во всяком случае, когда я говорил об ощущении, что с правилами журналистской этики как бы и родился, то имел в виду, что начал впитывать их уже с первых лет работы в районной газете в самом глухом районе Курской области.

Слишком много зависит от того, разберемся ли мы с проблемами своей этики. Кому-то кажется, что написать заказную статью - это совершенно морально, поскольку ты зарабатываешь деньги, кормишь семью. Имеет право на существование такая точка зрения? Мне кажется, имеет. Но с точки зрения корпоративной этики она, конечно, недопустима.

А.К.Омельчук

***"...ТОЛЬКО ТОТ, КТО ПОЗНАЛ ГЛУБИНЫ ПАДЕНИЯ,
МОЖЕТ ПОЗНАТЬ СВОБОДНЫЙ ВОЗДУХ ГОРНИХ ВЫСЕЙ"***

ОЦЕНИВАЯ ситуацию в журналистской этике сегодня и пять лет назад, я бы начал со сравнения прежней и сегодняшней ситуаций в самом обществе. Пять лет назад были иллюзии, что гражданское общество в России - достаточно близкая перспектива. За прошедшее время мы поняли, что путь к нему очень неблизок. Может быть, нынешнее поколение идеалистов с социалистическим прошлым уже и не доживет до того времени, когда можно будет уверенно считать, что в России утвердилось гражданское общество.

Большое общество находится на пике своего кризиса, возможны два варианта: летальный исход и путь выздоровления. И тяжелобольной может выздороветь, если все пойдет естественным путем, путем к цивилизованному обществу, гражданскому обществу. Если наши законы и дальше будут ориентированы не на некое эксклюзивное евроазиатское пространство, называемое Россией, а на общецивилизационные "правила игры". Сегодня это единственный повод для оптимизма - общество в бреде, в "полумертцательном" состоянии все же идет в правильном направлении, не соглашается на путь большевистской стабильности, которая заведет в тупик, на социальное кладбище.

Корпорация журналистов - производное времени, дитя общества, и потому сегодня она находится в таком же состоянии сумасшедшего разброда, как и все общество. Если общество продажно, то и журналисты не могут быть неподкупны. Если общество неразумно, то и журналистская корпорация не может возвыситься над этим и проявить исключительный разум неких верховных жрецов, наоборот, мы видим в журналистских трудах гипертрофированное неразумие. Если общество не знает перспективных ориентиров, то и журналисты не знают их. Если общество живет одним днем, а иногда одной минутой, то и журналисты живут одним днем, не понимая, что каждый непросчитанный шаг - это шаг в пропасть.

Что касается динамики в ценностях и "правилах игры", то, очевидно, происходит движение в сторону безнравственности. Свирепствует цинизм, естественный для переходного периода, переходного этапа - очень сложно оставаться чистым, когда бредешь через болото. Многие иллюзии - свобода прессы, ее независимость - утрачены, причем утрачены окончательно. Сегодня, наверное, никто в журналистской среде не стыдится поговорки о музыканте, которому заказывают музыку, никого она не приводит в нравственное смятение.

Но, я думаю, этот неизбежный этап болезни надо пережить. И, наверное, на журналистскую корпорацию распространяется этический тезис о том, что только познавший глубины падения может познать, что такое свободный воздух горних высей. Как бы это ни было прискорбно, как бы мы ни стенали по этому поводу, но это неизбежный этап любого возрождения. Да, в состоянии болезни очень сложно говорить о возрождении, но я считаю, что этот цинизм обратим, хотя бы потому, что дает понять, как глубоко мы упали.

И НЕ НАДО ДУМАТЬ, что на смену общечеловеческой морали идет некая новая мораль рыночного общества. Казалось бы, новой для нас является мораль, отстаивающая человеческий интерес. Действительно, это нормально, когда я исповедую свой интерес. Но чтобы продать свой товар, я должен найти покупателя. И если я обобрал своего покупателя "до нитки", то он у меня больше ничего не купит. Это не "рыночная мораль", это мораль самоубийства. Значит, даже на рынке я, продавец, учитываю интерес своего покупателя, и потому неизбежна взаимоувязка интересов. Но это не особая "рыночная мораль", а нормальная человеческая мораль. Ведь мы с моим покупателем понимаем друг друга, я поступаю своими хищническими инстинктами, я не живу одним днем, я раскладываю свою жизнь до последнего смертного своего часа и думаю, чем будет торговать на этом рынке мой сын.

Это и есть "правила игры" для гражданского общества, общества, в котором каждый человек увязывает свой интерес с интересом другого. Кажется, что в привычных для советских времен "правилах игры" это и называлось принципом "ты - мне, я - тебе". Но в гражданском обществе нет блатмейстерских отношений. Человек гражданского общества блюдет свой перспективный интерес и уже поэтому учитывает ваш интерес.

В СВЯЗИ С ЧАСТО высказываемым тезисом о том, что сегодня в России наблюдается усиление тенденции этатизма, полагаю важным отметить, что на самом деле набирает силу не государство. Государство больно - и потому в нем начинает свирепствовать бюрократ. Реально давление государства на журналиста проявляется в давлении - от имени больного государства - чиновника, который действительно зажимает все ростки свободы. Причем не только журналистской, но и предпринимательской, частной инициативы, частного интереса. Правда, наши доморощенные капиталисты сделали все для того, чтобы скомпрометировать предпринимательство в глазах общества. Они привели массы людей к обнищанию, и сегодня простой человек именно в бюрократах видит защитника своих интересов. Я не имею в виду честных чиновников, но чиновники-кровопийцы - эта угроза для России, пожалуй, посильнее любой другой.

В этом смысле важно различить необходимость общественного влияния на выработку "правил игры" для СМИ и влияние бюрократическое. Сами по себе нравственные обязательства СМИ перед обществом - не являются нетерпимой уздой. Правда, не надо забывать и о состоянии общества, в том числе о его собственном нравственном кризисе, и о том, что нравственная ситуация в СМИ - зеркало этого кризиса. Журналистская братия - это достаточно серьезное, умное, разумное, размышляющее сообщество, но его корни - в этом обществе. Однако, если эти обязательства станут предписывать не общество, а бюрократ, если именно он будет определять, что нравственно, а что - безнравственно, то получится, скорее всего, кодекс безнравственности.

Я ДУМАЮ, ЧТО тактически идея о необходимости для журналистского сообщества поспешить в деле саморегулирования, заняться выработкой собственных правил игры, не дожидаясь, пока им навяжут чужеродные правила, верна. Но еще раз повторю, журналист живет по нормам своего общества. Более того, он заражен этим обществом больше, чем кто-либо другой. Да, журналист - это еще не сточная канава, но он более, чем другой специалист (даже более, чем социолог), включен в контакты с разными людьми, представителями разных профессий, исповеданий, жизненных мировоззрений. Он всех их в себя вбирает, заражается бактериями больного общества.

ЕСТЬ ЛИ У ЖУРНАЛИСТОВ, работающих в регионе, некая особость в миссии, в правилах игры и т.п.? Одна из особенностей столичной журналистики - темпы жизни. В столице, в отличие от провинции, журналисты более озабочены сенсациями, заинтересованы в собственной раскрутке и т.п. Поэтому они не всегда задумываются о том, как на их материалы реагирует аудитория. Иначе на телевизионных каналах не было бы доминирования катастрофического мышления. Мы не видим у столичных телекомпаний никакого стремления утешить зрителя, никакой информации, способной показать зрителю, что еще

не конец света. Приедешь во Владивосток и вдруг понимаешь, что там идет нормальная жизнь, и она не сводится к проблемам Дальэнерго или Черепкова. Приедешь в Кузбасс и видишь, что там живут нормальные люди, как и во всей России.

Я думаю, что у провинциальных журналистов большая ответственность перед аудиторией - здесь аудитория дышит тебе в лицо, смотрит тебе в глаза, она просто тебе ближе. А столичные журналисты, работающие на всю страну сразу, аудиторию не чувствуют - как, наверное, в Кремле не чувствуют страну. При этом, однако, не забудем, что общество болеет, а журналистика - его зеркало.

Было бы совершенно несправедливо намеренно занижать планку региональной журналистики. Работа журналиста - это в любом случае размышление, даже у репортера. Казалось бы, он привык мыслить ногами, но и он размышляет о жизни, потому что сами ситуации, в которые он попадает, заставляют думать.

Гражданское общество - просто нормальное общество. Мы же живем в ненормальном обществе. Поэтому и каждый журналист в регионе не может не думать примерно так: "Я нормальный, сосед - нормальный, почему же наше общество так неразумно?". Другое дело, что журналист в регионе не балаболит на абстрактные темы, а переводит все на язык житейских понятий.

ЕСТЬ ЛИ ЧТО-НИБУДЬ реальное за выражением "региональное сообщество журналистов"? По-моему, это не естественное понятие. Эта идея как своеобразная "отрыжка" идеи социализма. Ведь социализм может быть будущим человечества, в социалистической идее много разумного. Может быть, и идея "регионального сообщества" - "отрыжка" из будущего.

Возьмем такой пример: господину Богоделову захотелось создать Тюменский союз журналистов. Он приложил к этому свою незаурядную энергию - для чего-то этот союз ему нужен. А мне это не надо: достаточно много других забот. С коллегами пообщаюсь и без союза. Социальные проблемы я решаю в профсоюзе культуры (хотя, может быть, журналистам надо бы в другом профсоюзе находиться).

С другой стороны, союз нужен. Когда возникают какие-то профессиональные вопросы, скажем, нужен ли кодекс нравственности журналистов? В этом случае должны посоветоваться два цивилизованных сообщества - Государственная дума и профессиональный Союз журналистов. Они послушают нас, мы послушаем их. Они изобрели закон, мы поразмышляли над ним и сказали, что сегодня приемлемо, а что вообще неприемлемо, во все времена. Для такого цивилизованного разговора какой-то союз профессионалов должен быть.

И вот этот человек, В.Богоделов, приложил немалые, незаурядные усилия по созданию регионального сообщества. Он - лидер этого дела, инициатор и лидер. И что же делает сообщество? Отторгает его. Выбирает человека заслуженного, интересного, но который вряд ли положит себя на алтарь сообщества. А ведь был человек, который готов был нести этот крест. Сообщество не поняло своего интереса. Кому они сделали плохо? Этот пример доказывает, что сообщество, которое не понимает своего интереса, безжизненно, недееспособно. Нет никакой жизнотворной идеи, которая его бы объединила.

У одной газеты - свой интерес, у другой - свой. Одна газета лижет одну "задницу", другая - другую "задницу". Когда в прежнее время их заставляли лизать одну "задницу" скопом, казалось, был общий интерес. Сейчас, по крайней мере, три ветви власти и каждая изобретает свои средства массовой информации - подконтрольные, подвластные. Вообще сегодня в СМИ больше конкуренции, чем тяги к корпорации.

Конечно, есть естественные функции защиты профессиональных интересов. На каком уровне и каким образом они должны воплощаться - не знаю. Будет ли это именно региональное сообщество, или мы поручим такую защиту каким-то профессионалам? Мировое сообщество нашло свои ответы. Как это будет сделано в России, я сегодня сказать не решусь.

Ю. И. Пахотин

**“...ОБЫКНОВЕННЫМ СОЛНЕЧНЫМ ЗАЙЧИКОМ НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЕШЬ.
СМИ, КАК ВЫПУКЛОЕ ЗЕРКАЛО, СОБИРАЮТ СВЕТ В ПУЧОК”**

Я НЕ МОГУ рассматривать динамику норм этического поведения журналистов без анализа связи жизни СМИ с экономикой. То, как за пять лет изменились экономические основания деятельности СМИ, существенно травмировало журналистскую этику.

Еще пять лет назад у нас оставались надежды на Полторанинский проект, который, во-первых, запрещал органам власти быть учредителями средств массовой информации, во-вторых, позволял органам власти предусматривать в бюджете определенные грантовые средства, на которые заказывались материалы, касающиеся пропаганды демократических реформ, паблик-рилейшнз-акций власти. Это обеспечивало минимальный этический стандарт взаимоотношений средств массовой информации и власти, а также экономически поддерживало СМИ.

Но потом все надежды рухнули. Органы власти и управления не только стали учредителями средств массовой информации, но заменили идеологическую цензуру прежних лет еще более жесткой удавкой - экономической. Поддерживать этические стандарты СМИ стало в такой ситуации довольно сложно. Опять, как и в советские времена, следование профессиональной этике становится предметом мучительного выбора каждого журналиста. Жесткая привязка СМИ к бюджетным деньгам требует от журналиста известной самоотверженности и в отношениях с семьей, и в отношениях внутри редакции. Если он не слабоволен, то не будет поддаваться давлению, но все же ему нелегко слышать: “Ты что же, хочешь, чтобы мы оставили голодными свои семьи, чтобы из-за твоих острых публикаций власть не дала нам денег из бюджета?”.

(Я отвлекаюсь от возможного вопроса об этической ситуации в частной прессе, ибо в нашем регионе не вижу частных СМИ. Да и как говорить о серьезной журналистике на новых радиоканалах? Если это и журналистика, то совсем другая.)

Итак, очевидные изменения экономической базы СМИ показывают, что “правила игры”, по которым должна жить пресса, сегодня оказываются вне забот государства и общества. Лишь журналисты независимого издания могут позволить себе такую роскошь, как массовое соблюдение этических норм. В большинстве же сегодняшних СМИ этические нормы остаются лишь личным выбором каждого журналиста, причем выбором очень трудным. В каждой редакции есть определенное число журналистов, которые ни за что не нарушат этические нормы. Но они их не нарушали и пятнадцать лет назад при отсутствии гласности и демократии, они их не нарушали пять лет назад, не нарушают и сейчас.

В МОЕМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ гражданское общество отличается прежде всего тем, что все граждане подчиняются единому для всех своду законов. Во-вторых, в таком обществе каждый человек может реализовать то, что он хочет, если это находится в нормальном правовом пространстве. Применительно к деятельности журналиста это означает, что, реализуя свой творческий замысел, он не должен спрашивать себя и коллег о последствиях. Например, если он напишет критический материал, не отразится ли это на бюджете редакции. Чтобы миллион всяких властей не был фактическим цензором. Чтобы не оглядываясь на них, каждый человек, а не только журналист, занимался своим делом, чтобы никто не лез в дела других, никто не считал себя единственным человеком, который знает, что народу нужно и что народу не нужно. Раньше это знала партия, сейчас это знает или тот, кто платит деньги, или тот, у кого власть. Пока это не уйдет из нашей жизни - гражданского общества нет.

Разумно ли в условиях, которые еще далеки от гражданского общества, призывать журналистов к ориентации на его ценности? Еще неокрепшие журналисты переведут вопрос об этих ориентирах в плоскость теоретическую. А по поводу повседневной практики скажут, что если они похваливают власть, то ведь за ее реальные успехи. Работая не рядовым журналистом, а редактором, я с этим часто сталкивался. Журналист никогда не признается, что он пишет для того, чтобы заработать себе на жизнь. Не для того, чтобы реализоваться как личность, как журналист, а чтобы жить, чтобы зарабатывать деньги, чтобы его заметили. А ведь что такое премии, которые дает не Союз журналистов, а тот же мэр, городская власть? Тему конкурса или гранта городская власть формулирует

вполне определено: “Чистота нашего города” или, к примеру, “Продвижение рыночных реформ администрацией города”. И журналист искренне полагает, что выполняя такое задание, зарабатывает премию честным путем.

Означает ли исполнение журналистом своей профессиональной роли в духе ценностей гражданского общества обязательное противостояние власти? По-моему, жить в гражданском обществе - это просто не замечать, есть власть или нет. Журналист в таком обществе пишет и не задумывается о том, что потом скажут в том или другом доме власти. И вот когда так будет, можно с уверенностью говорить о наличии условий для массового соблюдения этических норм в журналистике.

ПРИ ЭТОМ САМА ПРЕССА находится в особых отношениях с гражданским обществом. СМИ - не просто составная, а доминирующая часть его. Во-первых, они создают информационное поле для региона, страны, мира. Во-вторых, СМИ - единственный способ сделать власть морально легитимной. СМИ от имени народа должны требовать то, что народ хочет, спрашивать, когда его желания осуществляются, выяснять, почему президент занимался оральным сексом вместо того чтобы решать проблемы Ирака или выхода Восточной Европы из экономического кризиса. СМИ - это связующее звено между гражданами, между гражданским обществом и государственными институтами. Нет у власти другого способа подтверждать постоянно свою легитимность, удачность или неудачность нашего выбора.

И пресса - не просто пассивное отражение жизни, так сказать “зеркало общества” (и государства). Обыкновенным солнечным зайчиком ничего не сделаешь. СМИ, как выпуклое зеркало, собирает свет в пучок, направляет его в нужное место и, при необходимости, способно не только освещать, но и жечь.

А качество “зеркала” больше всего зависит от интеллектуального потенциала самого журналиста, редакции, иначе вместо зеркала окажется транслятор, как это случается с партийной, допустим, коммунистической прессой.

Ведь партийная пресса испортила гигантскую популяцию журналистов как прежних времен, так и теперешних. Почитайте любую партийную газету, например, нашу “Трудовую Тюмень” - там все то же ленинское: “Лев Толстой как зеркало русской революции”, “Партийная организация и партийная литература”. Они и сегодня точно так же работают, постоянно транслируя свои подсчеты: сколько забастовок, сколько народу вышло на улицу, сколько власть денег не додала. То есть у них своя задача, обуженная до уровня марксистско-ленинского взгляда на существующие проблемы.

ИНТЕРЕСЕН ЛИ ДЛЯ региональных журналистов тот масштаб осмысления задач и забот своего цеха, который обычно выбирает центральная пресса, могут ли и должны ли мысли простого смертного журналиста возвышаться до такой планки, как судьбы всего общества, спасение России и т.п.? Я думаю, что хороший журналист всегда мыслит глобально. Он легко перейдет от дырявой крыши к общим проблемам. Помню, приезжал в Тюмень известный режиссер, у него мой брат был переводчиком. Режиссер спросил брата: “Что же это у вас лужи не уберут около почтамта?”. Брат потом мне говорит: “Ну как я ему объясню, что для того, чтобы у нас лужи убрали, надо революцию произвести, полностью сменить всю систему”. Журналист не может не писать о протекающей крыше, потому что за ней стоит конкретный человек со своей бедой. Но хороший журналист прекрасно понимает: для того, чтобы эти крыши чинились без обращения гражданина в редакцию, надо сделать то-то и то-то, и он очень легко перейдет от крыши к задачам развития гражданского общества. Я вам голову на отсечение даю, безо всяких проблем. Иначе ему надо менять профессию.

ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД в рамках проекта “Становление духа корпорации” я отвечал на вопрос авторов проекта о возможности влияния на формирование регионального сообщества журналистов абсолютно однозначно: “Зачем?”. Еще год назад я бы повторил этот ответ. Сегодня же, после того, как у нас произошла учредительная конференция Союза журналистов Тюменской области (не помню, когда бы столько наших журналистов соби- рались на свои мероприятия), я утверждаю, что созрела необходимость нашего объединения.

И не для того, чтобы в профсоюзном духе решать социальные и прочие проблемы. Прежде всего, для того, чтобы прояснить и соблюдать общие “правила игры”. Чтобы создать некое сито для отбора профессионалов, чтобы журналистом считался собственно

журналист, а не любой сотрудник массы всевозможных новообразований. Не замахиваясь на критерии элитарности, мы, тем не менее, стремимся вернуть гордое имя журналиста как уважаемого обществом человека. При этом понятие “журналист” предполагает набор специальных качеств, и те, кто варится в газете, выковывают в себе эти качества, впитывают их как бы из самой атмосферы некие нормы и правила взаимоотношений внутри редакции, с другими изданиями, с властями, с гражданами. Эта сумма качеств превращает обыкновенного специалиста, окончившего факультет журналистики, или какой-то другой вуз, в журналиста настоящего. Вот для этого создан наш Союз журналистов.

Не слишком ли мы много берем на себя, создавая “сито”, отсеивая “наших” от “ненаших”, по каким-то своим субъективным критериям деля журналистов на чистых и нечистых? А как иначе? Нет другого способа кроме отбора. Рекомендация Союза журналистов - это рекомендация одного порядочного человека другому порядочному человеку. Первое “сито” - первичная организация, где каждого человека знают как облупленного. Второе “сито” - правление Союза, где сидят люди, не по одному десятку лет отработавшие в печати. Иногда ведь в первичке видят, что человек не годится в журналисты, а сделать с ним ничего не могут. Он профнепригоден, он пишет такую дурь - в любом смысле, от стилистического до интеллектуального, - что это невозможно на массовую аудиторию выпускать, а он считает себя журналистом и говорит: “Дайте мне знак Союза журналистов, членский билет, я - профессиональный журналист”.

Это наше дело - кого принимать, никакой дискриминации у нас нет. Если нами отвергнут какой-то человек, то что он потеряет? Просто не будет членом творческого союза. У нас нет дополнительных льгот, членство в нашем союзе - лишь знак профессионализма. Ты можешь всю жизнь работать в газете, и тебе ничем не помешает то, что ты не член нашего союза. У нас восемь лет не было Союза журналистов. И кому это помешало? А устанавливать свои нормы и правила, я считаю, - наше дело.

ИЗВЕСТНЫЙ аргумент в пользу культивирования этических кодексов - в ситуации внешнего давления на прессу надо заняться саморегулированием - вполне работает и для нашего союза. Думаю, что мы обязательно создадим некий комитет по этике. Предстоит поработать и над кодексом. Сейчас у любой редакции нет оснований убрать из своих рядов журналиста, который не отвечает этическим нормам, действующим в жизни цеха даже и без специального оформления. И в эпоху партийного контроля над СМИ были же в нашей работе нормальные принципы, границы, переходить которые было нельзя. Например, было безнравственно включиться в компанию травли с подачи партийного комитета. Сегодня оформленные в кодекс нормы жизни редакции могут создать атмосферу, в которой журналист сам покинет сообщество, ибо поймет, что это не только мое индивидуальное, или моего коллеги, а общередакционное этическое требование.

Не получается ли так, что кодекс сводится к запретительным нормам, чтобы подчеркнуть основания для отказа в приеме в Союз журналистов? Будет ли такого рода документ называться Хартией, Кодексом или Этическим уставом редакции, он призван не отличать одну газету от другой, а формулировать моральные принципы, по которым человек достоин называть себя членом журналистского сообщества. Если не брать партийные газеты, то эти принципы будут одинаково приемлемы и для “Тюменской правды”, и для “Тюменской правды- сегодня”, и для “Тюменских известий”, и для прочих.

А побудительные нормы нужны скорее для других документов, фиксирующих приверженность конкретной редакции к тому или другому направлению газеты. Если я напишу о своей газете, что она проповедует общечеловеческие ценности, привержена развитию демократии, идеалам свободы, равенства, братства и прочего, и прочего”, - то это не этический закон, а оформление направления газеты.

Е. В. Плетнева

“...Я ПИШУ СВОИ МАТЕРИАЛЫ МЕТОДОМ КИНОКАМЕРЫ”

ИЗМЕНЕНИЯ в моральной атмосфере СМИ напрямую зависят сегодня от рыночных отношений в экономике. Вольно или невольно мы попадаем в зависимость от этих от-

ношений. Классик сказал, что, живя в обществе, человек не может быть от этого общества свободным, журналист - тем более. Ведь он не просто продукт, он наиболее активная часть этого общества.

Если раньше "Тюменской правде", единственной в области общественно-политической газете, рупору КПСС, оказывали всестороннюю помощь и поддержку, то теперь она такое же ЗАО, как и многие другие. Со всеми экономическими выкладками. А это значит, что журналисты, как и прочие работники этих ЗАО, месяцами не получают зарплату и вынуждены шустрить, чтобы, хоть как-то решить насущные проблемы. Многие этого не понимают. Ладно, приходит бабулька и просит помочь ей с вывозкой дров. За окном зима, а органы местного самоуправления будто забыли, что одинокой старушке восемьдесят лет и во дворе у нее ни одного полешка. Тут бросаешься на "амбразуру" не задумываясь. Но... приходит вполне зажиточный предприниматель, долго рассказывает о своих путешествиях по странам зарубежья. И там-то он побывал, и там, а потом просит: "Мне нужно написать и опубликовать в газете материал. Понимаете, мэр Тюмени не подписал мне документ на строительство особняка рядом со зданием городской администрации. Пообещал и не подписал. Вы можете мне помочь?". Но, извини, дорогой, это же твой шкурный интерес, с какой стати я стану "лаять" на мэра за чей-то особняк?!

А если за деньги? Все равно не буду, хотя, чего скрывать - пишем и за деньги. Почему не разрекламировать, к примеру, ЗАО "Заречье", если у него, без сомнения, лучшая в области мебель? И рассказать об этом хочется, и тощий кошелек порадовать копеечкой: ведь хилая зарплата отмечалась в нем два месяца назад. Вы можете меня осуждать, но, честное слово, очень кушать хочется. Мы попали в рынок, мы зависим от него. Это, естественно, влияет на наше сознание, на отношение к людям, к делу. Но влияние рынка на журналистскую этику зависит, прежде всего, от самого журналиста. За деньги можно продаваться, а можно их просто зарабатывать.

В большую журналистику я пришла в 1990 году на реформаторской волне. Мне казалось, что в прежнем обществе очень обижали и унижали маленького человека, он не мог перешагнуть через партийную машину, через сложившийся клан чиновников от КПСС и построить свою жизнь по-своему. И вот с коммунизмом покончено. Я полагала, что пришедшие ему на смену реформы позволят наконец-то поднять этого маленького человека, максимально ему помочь. От реформаторов прежде всего ждала справедливости и... скорого результата. "Пройдет пять-шесть лет, - думала я, - и все мы заживем, как шейхи в Эмиратах". Тогда я часто задавала своим героям наивный вопрос: "Когда? Когда наступит всеобщая нирвана?". Сначала мне говорили, что скоро, потом пространно рассуждали о том, что в Америке, мол, реформы идут вот уже 150 лет. Прошло время, мои взгляды стали меняться точно так же, как они менялись в народе. Я ведь журналист-сельхозник и чаще общаюсь с крестьянами, чем с чиновниками в разных "...страциях". И если вижу, что на селе не происходит того, чего я ждала, чего ждали простые люди, если понятие "воровать" стало национальной идеей, то почему, ради чьих "высоких" интересов я должна врать себе и людям. Чтобы надо мной, журналистом, смеялись? Кто после этого мне поверит? Кто станет уважать? Нет, я не скатываюсь на позиции коммунистов, с ними мне однозначно не по пути, но и реформаторов нынешних я, мягко говоря, не понимаю. Я отражаю жизнь методом кинокамеры, такой, какая она есть. В этом моя журналистская позиция.

ЖУРНАЛИСТ не слуга общества, даже и гражданского. Он должен, как в зеркале, отражать то, что в этом обществе происходит. Отражать, значит информировать и, пропуская все через собственное "Я", формировать общественное мнение. В том числе и через свое понимание морали. Изрядно пожив при социализме, а теперь и при, так называемом капитализме, я пришла к мысли, что моральнее десяти библейских заповедей, наверное, ничего нет. И в этом плане, когда с кончика пера готово сорваться обличение или нравоучение, я часто задумываюсь: а имею ли я право обличать и учить других? Что стою, что значу я сама? Безгрешнее ли я тех, кого хочу публично выстегать или убить словом? Поэтому мой любимый жанр - зарисовка. Показывать жизнь такой, какая она есть, - это и будет, на мой взгляд, формированием общественного мнения.

Я никогда не считала прессу четвертой властью, нет, она лишь зеркало. Она не может быть лучше или хуже того общества, чьим продуктом является. В любом обществе есть черное и белое, есть серое и серо-буро-малиновое. Такие и мы, журналисты. Возь-

мам милую мне деревню. У одного крестьянина все плохо: работы нет, деревню развалили, фермеров-кулаков расплодили, коров порезали, пашни бурьяном заросли, раньше двери домов закрывали разве что на палочку (чтоб соседи видели, что дома никого нет), а теперь свинью со двора унесли. Все плохо, заворачивайся в простыню и ползи на кладбище. А в соседнем доме живут бабушка с дедушкой, и все у них прекрасно: дети выросли, выучились, в городе живут, внуки в гости приезжают. Корова хорошо доится, курочки несутся, фермер за аренду земельного пая сена накосил, губернатору спасибо, пенсию вовремя платит. Дедушка на гармошке играет, бабушка кружева крючком вяжет. Все хорошо и жизнь вокруг замечательная. Светло после этой встречи на душе у журналиста. А зайду-ка еще к фермеру. Там свои проблемы. “Я этому правительству и этому президенту налоги платить не буду, - говорит он, - потому что я их не уважаю, они деньги мои, кровью и потом заработанные, все равно украдут”. Вот она жизнь, в каждом дворе своя, о ней я и пишу, отражая все нюансы и повороты общества, в котором мне довелось жить. А к людям отношусь, как к произведению искусства, как к индивидуальной работе очень мудрого и профессионального мастера. В этом смысле неинтересных людей нет.

МОЖНО ЛИ считать, что миссия провинциального журналиста менее высока, чем миссия журналиста столичного? Когда я приезжаю из районов и вижу на экране телевизора очередное заседание Госдумы, всегда в ужасе думаю: как же далеки они от народа. И депутаты, и те “журналиги”, которые их обслуживают. Москва - государство в государстве. Всех ее жителей, в том числе и журналистов, совершенно не интересуется, как живет провинция, что творится в глубинке. Москвичи существуют в своем, придуманном, мире. Почему придуманном? Да потому, что столица государства не может существовать вне этого государства, и когда-нибудь это наваждение лопнет, как мыльный пузырь. Но пока все так, как есть, поэтому и журналисты - зеркало столичного общества - отражают то, что мы потом видим, слышим и читаем, а именно - возню вокруг борьбы за власть.

Провинциальный журналист, стараясь помочь конкретному человеку, порой в сто раз делает гораздо больше, чем тот, кто всю жизнь трется у ног власть придержащих. И продается на всю страну без зазрения совести. Возьмите Доренко, когда он защищает Б. Березовского. Чьи уши торчат из-за его спины? Наивно полагать, что народ этого не понимает. И пусть он порхает в верхах и пытается делать вид, что он очень важное лицо, он для этого народа все равно продажная шкура. Пока генералы не будут знать, как живут их солдаты и что они по этому поводу думают, - грош цена этим генералам.

ТЮМЕНСКИЕ журналисты общались пока на уровне “Привет! Ну, как у вас, платят? Нет? И у нас не платят”. Меж тем, послереформенные годы показали, что сообщество журналистов необходимо, прежде всего для того, чтобы отстаивать свои права. Жизнь доказывает, что в период между выборами интерес к нам, журналистам, сильно ослабевает, случаются моменты, когда хоть на площадь с транспорантами выходи. В этом смысле сообщество может сказать свое слово. Нужно сообщество и в профессиональном плане. Лично мне важна оценка моего творчества со стороны коллег, конечно, если это мнение конструктивно и не носит субъективно-щипательного характера. Впрочем, я всегда отличаю плевела от зерен. А журналист из другой газеты может сказать еще больше, и критика, иной раз, ценнее, чем похвала.

Что касается формирования общих позиций, то у каждой газеты должна быть своя - тем они и интересны. Однако есть темы, чаще всего морального плана, над которыми нелишне работать сообща. Проституция, наркомания, брошенные люди, умирающие старики и так далее. В этом направлении все газеты могут и должны, на мой взгляд, выработать общую позицию. Были в практике “Тюменской правды” разные случаи. Приехали мы как-то в одну из заброшенных деревень. Хозяйство реформировали, люди без работы, детям по десять лет, а они еще в школу не ходят - отправить не на что. Ни одеть, ни обуть. Вернулись в редакцию, собрали вещи, сгрузили их на УАЗик и обратно. Нас ждали. Увидели редакционную машину, навстречу бегут: “Фонд милосердия приехал!”. Конечно, каждую деревню не обогреешь, но вместе нам проще достучаться, “доходиться”, добиться и как-то сдвинуть с мертвой точки решение социальных проблем.

В ПРИНЦИПЕ идея самоорганизации сообщества неплохая. Хуже от того, что тюменские журналисты задумаются о профессиональном кодексе, не будет. Но дело в том, что кодекс живет (или не живет) в самом человеке. Может, от рождения, может быть, воспитывается с годами. Поэтому один журналист почитывает писанный кодекс и на него по-

плевывает, а у другого и неписанный - в чести. Третий прочитал какой-то вариант, задумался - это ему подходит, сам искал в этом направлении. В любом случае человек будет выбирать то, что ему близко. И не приживется никакой кодекс, если не найдет отклика внутри человека: потому что человек - сам себе кодекс.

Такой же кодекс, вернее, кредо, запрограммирован в любой газете. Пусть не оформленный. В нашей редакции есть направление, которое многие газеты не поддерживают. Это работа с письмами читателей: устанавливаем контакты, отвечаем на их вопросы, пытаемся как-то помочь. Каждое опубликованное письмо - это сохраненный подписчик. Можно оформить это в виде нормы кодекса "Тюменской правды", но зачем? Мы и так живем по этим правилам. Или еще - хотели бы сохранить статус общеполитической газеты и всех четырех учредителей: областную администрацию, администрации двух наших округов и города Тюмени. Отстаивать чьи-то отдельные интересы мы бы не хотели. Это тоже можно записать в нормы кодекса, но грош ему цена, если губернатор области от нас откажется. И как мы тогда выполним записанные нормы?

Мой кодекс сидит во мне. Никому не удавалось еще его поправить. Я очень люблю свою профессию, но, если кто-то сильный попытается сломить меня, как журналиста, и заставить писать что-то, противное моему внутреннему кодексу, я просто уйду из газеты. Можно выращивать на даче петрушку и быть, тем не менее, уважаемым человеком.

О. Л. Урлапов

***"...ЕСЛИ ОБЩАЕШЬСЯ С ЖУРНАЛИСТОМ, ИМЕЙ В ВИДУ, ЧТО ТЫ
ОБЩАЕШЬСЯ НЕ ПРОСТО С СОСЕДОМ ИЛИ ДРУГОМ,
А С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ СМИ"***

НАС УЧИЛИ - и наставники, и сама жизнь, - что журналист обязан поступать по принципу: пришел, увидел, сделал свое дело. Поэтому он должен действовать активно, даже агрессивно. Те, кто знают цену и своему времени, и времени собеседника, ведут себя именно так. В противном случае - рискуют остаться ни с чем. Отсюда и понятие журналистской этики, за которой - этика общества.

Если вы меня спросите десять лет спустя: "Олег Леонидович, изменилась ли журналистская этика?", я скажу: "Нормы такой этики не изменились, а вот реальное поведение журналистов - с точки зрения этих норм - да. Журналистская этика неизменна, а люди изменились".

При этом оценивать соответствие практики и норм - не просто. Потому что один считает, что этика соблюдена, другой - не соблюдена, а третий скажет, что иначе в данной ситуации поступить не мог. Но сам процесс обсуждения того, соблюдена или нет в определенном случае журналистская этика, полезен. Может быть, этот журналист поймет, что действительно в этой ситуации был неправ. Осмыслит это и в другой раз уже не сделает. Или решит, что если он хочет чего-то добиться, то в таких ситуациях действовать нужно только так, иначе не получит информацию, не выполнит задание.

Говорить о нравственности профессии журналиста сложно. Журналистика - вторая древнейшая профессия - сама по себе подразумевает, что ты продаешь свой интеллектуальный продукт. Если ты, конечно, не свободный пиит и не философ Диоген, живущий в бочке. Но это не значит, что вторая древнейшая обязательно обречена на аморализм. Журналистика выполняет социальный заказ, служит определенным целям. Но при выполнении этой задачи она ориентируется на ценности этики, культуры.

Раньше, когда жизнь не была такой жесткой, не надо было ежедневно, ежесекундно заботиться о хлебе насущном, можно было обсудить свои творческие планы с кем-то из коллег за бутылочкой вина. И появлялось, особенно после третьей рюмки, чувство некоего журналистского братства, взаимопонимания, особой этики этой профессии, ее миссии: мы, журналисты, чуть ли не посредники между социумом и Богом. Была такая иллюзия, которая сегодня пропала. Реально же от культуры журналиста, его мировоззрения зависит в конечном итоге результат, который мы прочтем, услышим, увидим в СМИ.

ЧЕСТНО ГОВОРЯ, я никогда не формулировал для себя понятие гражданского общества. Считал, что живу в заданном каком-то пространстве, в том обществе, какое есть. Другое дело, станет оно лучше (свободнее с точки зрения свободы нашего выбора, свободы гражданских инициатив и т.п.) или нет - зависит и от тебя тоже.

Соответствуют ли СМИ духу гражданского общества? Если говорить не о высоких нормах, а о реальных нравах, то СМИ вполне соответствуют духу нашего сегодняшнего, далеко не гражданского, общества. При этом важно помнить закон отрицания отрицания. Ельцин был хорош десять лет назад, когда за него активно все агитировали, в том числе и СМИ: разрушитель тоталитарной системы, двигатель прогресса и все такое прочее. Говорят, что в 1996-ом именно СМИ навязали Ельцина народу. Но, во-первых, само общество, в любом случае, мудрое: народ достоин того правительства, которое он выбирает. Пресса - и зеркало общества, и глас народа. Во-вторых, СМИ были разные. Кто вас заставлял читать газеты именно левого или именно правого толка? И все же вариант наших сегодняшних СМИ лучше варианта тоталитарных времен.

ГОВОРЯТ, что в Тюмени есть сообщество журналистов - возродили союз журналистов области. Я не состоял в прежнем, не состою и в новом. Но вот услышал по радио "Эхо Москвы", что журналиста "Вестей" Михаила Пономарева уволили. Подхожу к коллегам, интересуюсь, как действует новый союз журналистов. Я предполагал, что мы можем выступить в поддержку Пономарева (хороший мужик, правильные вещи говорил), отправить заявление от своей первички в Москву, чтобы знали о нашей солидарности с ним. Прямо об этом говорить не стал, а просто хотел узнать, жива ли эта первичка. Оказывается, жива, провели учредительное собрание, надо собрать взносы, значки выпустить... Я понял, что сообщество для них скорее формальная структура, чем структура солидарности.

А реальное сообщество сегодня - коллеги по редакции, у которых есть свой опыт, свое мнение, и они всегда могут высказать тебе свою оценку. У нас, по-моему, это еженедельно делается на планерках, летучках. Но, честно говоря, меня мало интересует мнение коллег из других редакций, как, собственно, и других журналистов мало интересует мое творчество - у всех много своих проблем.

ДАЙ БОГ, чтобы у кого-то хватило ума сформулировать профессионально-нравственный кодекс, причем так, чтобы это не вызвало у журналистской братии отторжения, и она готова была бы действительно руководствоваться этими принципами (а кто против - просто нечистоплотные люди).

Я помню судебный процесс в связи с тем, что Федор Сизый написал статью с компроматом на партийного чиновника высокого ранга, напечатал ее в "Комсомолке", а Ю.Бакулин сделал перепечатку в "Тюменских известиях". Бакулина тут же привлекли к ответственности. Должны ли такие вопросы регламентироваться этическим кодексом или для этого достаточно юридических документов?

Для меня наиболее важны конкретные, прикладные аспекты профессионального кодекса. Например, если я делаю какой-то серьезный звонок, то обязательно позвоню с телефона, снабженного диктофоном, чтобы записать беседу. Считается ли этичным, если я записал беседу, не предупредив собеседника? Зависит ли это от того, намерен ли я использовать запись в своих целях или не намерен? Встает этический вопрос: могу ли я не предупредить? Считаю, что могу. Для собственного пользования я могу сделать запись, вообще никого не поставив в известность. В случае, если какой-то "наезд" возникнет, эта запись всплывет.

Человек должен понимать, что значит общаться с журналистом. Это ведь как на следствии: все, что сказано вами, может быть использовано против вас. Если ты общаешься с журналистом, имей в виду, что общаешься не просто с соседом или другом, ты общаешься с представителем СМИ. Я журналист и для меня главное раскрыть все, что представляет общественный интерес, но может быть кем-то прихлопнуто, скрыто. Моя задача - сделать тайное явным.

Возьмем феномен спешки - у журналистов всегда будет ситуация "срочно в номер!". Но вот по факсу что-то не пропечаталось, а уточнять некогда и ты домысливаешь. И возникает противоречие срочности и точности информации. Старое, вечное противоречие.

Борис Полевой вспоминает свой репортаж про какого-то хорошего человека, допустим, председателя колхоза. Чтобы сказать о герое что-то теплое, Полевой описал, как

этот человек просыпается, собирается на работу и подходит к зеркалу. Прежде, чем надеть кепку, причесывает волосы, чтобы выглядеть на людях опрятно. Когда очерк вышел, герой его пришел к Полевому. Снимает кепку и... Полевой видит, что тот - лысый!

Вот в таких ситуациях возникает много этических моментов.

С. А. Фатеев

**«...КОНЦЕПЦИЯ НАШЕГО ТЕЛЕКАНАЛА ВЫРАЖАЕТСЯ СЛОВОМ “ЛАД” -
МИР, СОГЛАСИЕ, ДОБРОТА»**

ПОЗВОЛЮ СЕБЕ не согласиться с тем, что наша пресса аморальна, что сегодня практически нет неангажированной журналистики. Полагаю, что такого рода диагнозы могут родиться лишь в столице. Мне, провинциальному журналисту, довелось поработать некоторое время в Москве, затем очень часто встречаться со столичными журналистами в разных регионах (в Карелии, Одессе, в Приднестровье, в Тюмени) и меня всегда поражало, пусть меня извинят, некоторое столичное фанфаронство - всех примерять на столичную мерку.

Да, российской журналистике пришлось не сладко и в ситуации с выборами Ельцина, и с войной в Чечне. Уж слишком легко было занять недостойную позицию, легко можно было все списать на общую ситуацию, сказать, что мы вынуждены были, борясь с коммунистом Зюгановым, прославлять Ельцина. Но не все же этим занимались тогда и не все ведут себя подобным образом и сегодня, когда нагнетаемые в обществе страсти еще сильнее. Выбор зависит от самого журналиста. От того, насколько он честен, какой стержень в нем и каков предел допускаемых им компромиссов.

Я помню ситуацию времен своего возвращения в Тюмень после работы в Одессе. Буквально через несколько месяцев началась война в Чечне. Войска 11 декабря вступили в Чечню, а 12 был День Конституции, и у меня было запланировано прямое включение из Тюмени на радиостанции “Маяк”. И я, никого не поставив в известность, высказал свою точку зрения: вводить войска было нельзя. Возмущение руководства и мой ответ: “Извините. Я прошел войну в Приднестровье и на своей шкуре знаю, чем такого рода “установление конституционного порядка” заканчивается”.

Поэтому я против тотальных обобщений по поводу состояния журналистской этики. И я говорю не только про себя, но и, например, про своего однокурсника. Конечно, какие-то важные моменты информации иногда приходится оставлять за скобками, за рамками газетной или эфирной публикации. Но мы находим другие варианты возвращаться к этой теме, постепенно, медленно, но доводим эту информацию до аудитории. Еще раз: все зависит от выбора, совершаемого конкретным журналистом даже в самой неблагоприятной ситуации.

ПО МОЕМУ ПРЕДСТАВЛЕНИЮ, гражданское общество предполагает некую цель, которая объединяет подавляющую или хотя бы значительную часть этого общества. Что касается гражданского общества у нас в России, то говорить о его становлении в сегодняшней аморфной ситуации очень трудно. Да, мы уходим от прежнего - тоталитарного типа общества, с нашей - тогда - несвободой, но все же с уверенностью в завтрашнем дне. Сейчас с этой уверенностью труднее, зато появился выбор. И, может быть, свобода выбора для каждого человека, пусть она ограничена экономическими рамками, - это и есть признак нарождающегося гражданского общества.

Как-то я сказал одному своему очень уважаемому коллеге, руководителю одного из популярных в Тюмени СМИ: “Я борюсь за здравый смысл”. “Но ведь здравый смысл у каждого свой”. “Нет, - говорю я, - здравый смысл не только в том, чтобы выжить любым путем. Здравый смысл в том, чтобы вокруг себя создать такую обстановку, чтобы выжить не только тебе, но и твоим близким, окружающим, обществу”. И это, по-моему, одна из координат гражданского общества.

Как процесс становления гражданского общества связан с моральной ситуацией в СМИ? Во-первых, по мере продвижения нашего общества к более свободным параметрам, пресса получала возможность говорить о том, о чем раньше было запрещено гово-

речь. Одновременно встала проблема этической способности жить в такой ситуации, справиться с неожиданно открывшейся свободой при отсутствии соответствующих правил игры. Но все же пресса получила возможность саморазвития, вся пресса - и столичная, и региональная. И уже это обстоятельство позитивно влияет на общество.

Что касается заново складывающихся “правил игры”, в том числе с точки зрения взаимоотношений СМИ и общества, то я скажу о них на практических примерах. Помню слова пришедшего на ОРТ Б.А.Березовского (я тогда работал на ОРТ) о том, что “телевидение - это атомная бомба, когда захотим, тогда и взорвем, против кого надо, против того и взорвем”.

Второй пример, связанный с приднестровским периодом моей биографии. 1992 год. Война в Приднестровье. Дело дошло до пикового момента, в Бендерах началась бойня, в мирный город вошли танки. Мы приехали с этих съемок с большой душой: трудно было смириться с тем, что власти страны не реагируют на гибель наших соотечественников. У нас были большие сложности с перегоном этого материала, запоздали немного - программа “Время”, для которой он предназначался, уже шла. На экране Ельцин и Кравчук на пляже в Догамысе сдували друг с друга пылинки, среди голых девочек обнимались: “...давай на “ты”, Леня-Боря”. Доренко - ведущий, Добродеев - директор программы “Время” пошли на риск и через минуту после окончания перегона материала дали его в эфир, показали горы трупов на улицах Бендер. Они потом говорили мне: “Если бы ты перегнал такой “взрывной” материал заранее, то он наверняка бы не пошел или пошел урезанным”. На следующий день в Приднестровье прилетел А.И.Лебедь.

Позже я смотрел, как журналисты работали в Чечне, и мне, честно говоря, временами становилось страшно. Пресса вместо того, чтобы помочь решить эту проблему, наоборот, разжигала страсти, подогревала их, сталкивала русский народ с чеченским народом, со всем Закавказьем. Я понимаю, ориентировались на западные образцы журналистики, давали “горячий” материал. Но есть масса свидетельств того, что, зачастую, чуть ли не 90% материалов, которые показывали с места боев, не соответствовали действительности. Журналист, как правило, опаздывал и для него делали инсценировку. Я это знаю по Приднестровью.

Степень честности прессы должна быть главной заботой всего нашего сообщества журналистов.

СКЛАДЫВАЕТСЯ ЛИ региональное сообщество тюменских журналистов? Пока его можно назвать сообществом в очень приближенном виде. Но без него нельзя - наше ремесло нас к этому вынуждает. Бывает, журналисты враждуют на страницах газет, но не могут не общаться, и порой кто-то хочет, а кто и не хочет подавать друг другу руку, но профессия требует находить какой-то консенсус.

Чтобы преодолеть аморфность нашего сообщества, нашлись энтузиасты, которые собрали учредительную конференцию Союза журналистов Тюменской области. Конференция показала, что очень многим небезынтересно, что же собой представляет наш цех, как же всем нам дальше существовать в этом мире. Во-первых, так или иначе, каждый из нас подвержен различным жизненным ситуациям, в которых хочет найти элементарную защиту если не у власти предрержащей, если не у закона, то хотя бы у своих коллег по цеху. Некую профсоюзную солидарность. Во-вторых, слишком много наносного и грязного появилось у нас в журналистике. Создание организационной формы профессионального сообщества позволяет уже отбором в него влиять на нравственную атмосферу цеха. Вступившие в союз на добровольной основе должны сами держать планку добросовестности, честности, других стандартов профессиональной этики. Тех же, кто нарушил их, бросил тень на всех нас, мы терпеть в своем сообществе не будем.

СОГЛАСЕН С ВЫДВИГАЕМЫМ сегодня тезисом о необходимости активизации процесса саморегулирования отечественных СМИ. Полагаю, что значительную роль в этом процессе может и должен сыграть этический кодекс журналистов. Конечно, он не должен быть догмой, но его необходимость диктуется сегодняшней жизнью. Ведь многие из нас понятие “свобода” истолковали как полную бесконтрольность, беспардонность, наглость, безответственность. Что хочу, то и ворочу. То, что мне хозяин говорит, то я и буду делать. Если завтра мне будет платить другой хозяин, я буду говорить про первого абсолютно противоположное. Порог ответственности, моральный и нравственный, размывается.

Смотрю на того же, уважаемого мною прежде, Сергея Доренко, вижу, что с ним происходит, и просто страшно за нашу профессию становится. Два дня назад молодой сотрудник нашей компании сказал мне: “Я хочу предложить новое понятие - “панельная журналистика”. Не просто продажная, а панельная”. Понимаю, на позицию, сходную с той, что занял Доренко, воздействовать трудно, но все равно нужны какие-то рамки, “правила игры”. Надо определиться.

На практике попытка выбора достойных ориентиров осуществлялась, когда мы с Р.Гольдбергом создавали информационное агентство “Сибинформбюро”, телекомпанию “Ладья”. Решили пойти от слова “лад”. Наш офис был тогда на берегу Туры, по реке плыли пароходики и мы вспомнили слово “Ладья”. Когда потом в словаре Даля увидели расшифровку слова с корнем “лад”, сразу поняли - это то, что нам нужно. Не только нам, а нужно людям, нужно жителям нашего края. Ведь недаром Тюмень называют островком если не благополучия, то стабильности, согласия (хотя и у нас возникают бури и катаклизмы, но не такие, которые за край перехлестывают). Поэтому концепция нашего телеканала - лад, мир, согласие, доброта.

Настраиваю молодых журналистов, которые к нам пришли, и они этой идеей заразились. Да, и в стране, и в регионе много конфликтов, много ситуаций, когда нам приходится занимать определенную позицию, подчас жесткую, но главное - здравый смысл каждого.

Компании всего полтора года в эфире, еще много ошибок, не все получается как надо. Тем не менее, наша концепция верная. Нельзя людей настраивать на раздор, на конфронтацию, сталкивать лбами, делать врагам. Нельзя. Это противоестественно человеческой природе.

Часть 2. Дистанцированная экспертиза

2.1. Взгляд из Тюмени

Л.С.Березин

“...БЕРУСЬ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО В ТЮМЕНИ СУЩЕСТВУЕТ ВЕСЬМА ЛИБЕРАЛЬНАЯ СРЕДА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ”

ЧТОБЫ ОЦЕНИТЬ нравственное состояние СМИ сегодня, надо вспомнить, от какого состояния журналистика развивалась в течение последнего десятилетия. Вспомнить, что было в стране 70 с лишним лет, в какой системе запретов, в какой внутренней борьбе формировался каждый журналист. Затем важно осознать, какой Рубикон перешли журналисты с выходом Закона о СМИ: катарсис, внутреннее очищение. Это был расцвет журналистики как творческой профессии, а в конечном итоге - расцвет прессы как морального центра общества. И уже с этой позиции надо оценивать рубеж 1996 года, когда журналисты в борьбе за высшую цель, которой они считали свободу, многим поступились с точки зрения морали.

Как к этому относиться? В 1996 году журналисты выступили как политики, зафиксировали себя как ветвь власти (все, что было до этого - не более чем пар, который не находил выхода в течение многих лет запретов и давления). В этом смысле роль СМИ в избирательной кампании 1996 года надо вывести за пределы оценки профессиональной и нравственной ситуации в журналистике. Это явление другого порядка.

Как это повлияло на общую моральную атмосферу в журналистской среде? Повлияло, как и всегда бывает, неоднозначно: на одних - отрицательно, на других - положительно, потому что журналисты почувствовали, что ставя перед собой задачу, они могут ее добиваться в общенациональном масштабе, в какой-то степени даже планетарном. Это, конечно, задавало ту шкалу, с которой они оценивают все свои последующие шаги. И мы должны оценивать. Другое дело, какой нравственный смысл в свои действия вкладывают конкретные журналисты: можно найти тысячу примеров, когда этим пользовались как во зло, так и во благо.

В целом же СМИ как профессиональная корпорация стали намного профессиональнее, эффективнее, результативнее. Но среди них осталось ровно столько же подлецов и ангелов, сколько было и до этого. Ничего в этом смысле не изменилось.

ГРАЖДАНСКОЕ общество - по моей рабочей версии - это соответствующим образом структурированное человеческое сообщество, которое способно регулировать свои внутренние связи без посредничества государства, используя соответствующие процедуры - поиск компромисса, защита прав меньшинства и т.д.

Гражданское общество не является царством чистой этики. Этот способ организации совместной жизни с точки зрения этики может быть интерпретирован двояким образом. Это очень жесткое общество, в значительной степени противоречащее ментальности как российского “массового человека”, так и журналистов: как профессиональная корпорация они в равных пропорциях репрезентируют существующие в обществе настроения вокруг гражданского общества и его ценностей. Часть журналистов пугается того, к чему ведет гражданское общество, даже если на словах поддерживает его номинальные лозунги. Другая часть журналистов сознательно идет на формирование вокруг них позитивного общественного мнения исходя из внутренних убеждений. При этом никакой особой нравственной заслуги (как и нравственной провинности в первой группе) здесь нет: что они думают, то и пишут. При этом, разумеется, и те, и другие имеют определенную общественную поддержку - социальные группы, профессиональные корпорации и т.п.

Способны ли СМИ создавать благоприятные предпосылки для формирования гражданского общества? Конечно, способны, пропагандируя некоторые базовые принципы, на которых строится гражданское общество: честная конкуренция, индивидуальная свобода и ответственность, трудолюбие, частная собственность и т.д. Пропагандируя и, одновременно, показывая, насколько результативно эти основы формируются, какие обстоятель-

ства тормозят их развитие. Нравственный ориентир СМИ в этом случае очевиден: нравственность есть правда, за пределы этой формулы В.Шукшина никуда не уйдешь.

Риск для журналистов, решивших ориентироваться на ценности гражданского общества, возникающий, по мнению некоторых экспертов, в связи с отмечаемой ими опасностью возврата этатизма, я лично не считаю достаточно реальным. На самом деле происходит не возврат этатизма, а реванш номенклатуры (номенклатурного принципа организации власти). Вольно или невольно, но Примаков выдает его за возврат государству функции реально управляющей системы. Для журналистской среды это не будет очень заметным: частично сменятся хозяева, частично - приоритеты, оценки, но не фундаментальные, базисные, а скорее нюансы, акценты. Гражданское общество, частная собственность, индивидуальный успех останутся ориентиром для СМИ, потому что сама номенклатура уже существенно изменилась. Кроме того, если в некоторых регионах ситуация сохранилась в первоизданном виде, унаследованном от времен обкомов и агитпропов, то в других регионах ситуация вокруг журналистики более либеральна. Тюмень, например, всегда была более либеральным регионом, хотя и с заметной тенденцией к восстановлению органами власти кабальных для СМИ традиций в информационном пространстве.

РЕГИОНАЛЬНОЕ сообщество журналистов - это некая локализованная в пространстве часть профессиональной корпорации. Вряд ли можно говорить о существовании такого сообщества в советское время, характерное наличием сообщества журналистов лишь в масштабе всей страны. Возможность самоорганизации журналистской корпорации страны, само ее существование как некоей группы, противопоставляющей себя другим, в прежние времена определялись рядом базовых факторов. Во-первых, унификацией идеологического пространства, во-вторых - единством системы финансирования, в-третьих, наличием немногих кадровых центров, которым высочайше доверялось формирование идеологической оснастки режима, в том числе журналистских кадров. Сегодня этих факторов практически нет, нет поэтому и сообщества в масштабе страны: можно говорить лишь о некоем "центровом" московском сообществе журналистов и сумме региональных сообществ. Не более того.

В региональном сообществе тюменских журналистов как базовой единице доминируют центробежные силы, ведущие к его распаду. Последнее собрание журналистов в Тюмени, на котором образовался Союз журналистов Тюменской области, показало, насколько в журналистской среде велика внутренняя конкуренция, насколько мощны интересы, питающие эти центробежные силы. Тем не менее, пока есть некое единство в поиске источников финансирования, пока не ушло еще из профессии прежнее сообщество журналистов, многие ветераны которого являются признанными в регионе мэтрами, можно говорить, что региональное сообщество журналистов есть. Будет ли оно существовать дальше - поручиться не могу.

Если говорить о "правилах игры" этого сообщества, прежде всего следует отметить, что в Тюмени весьма либеральная среда для развития журналистики, достаточно высокая свобода слова. Можно успеть написать две - три статьи, критикующих губернатора, до тех пор, пока, так сказать, его "рука" до тебя доберется. Либеральная среда всегда поощряет многообразие, и в Тюмени сложились журналистские коллективы нескольких типов: помимо традиционных здесь есть редакции как дружеские компании ("Тюменские ведомости"), профессиональные студии ("Тюменский курьер"), своеобразные "торпеды" ("Тюмень-2000").

Наличие в регионе трех субъектов РФ также является важным фактором развития информационного пространства, во многом определяет "правила игры". СМИ должны решать для себя проблему выбора: взять деньги у того или у этого субъекта РФ? у каждого из них? попытаться дистанцироваться от всех и сохранить свободу выражения своей позиции, в том числе и отстаивания базовых принципов гражданского общества, стремления к диалогу, компромиссу, к сохранению открытыми каналов коммуникации? И здесь весьма важно существование профессионального сообщества, которое помогает держать эти каналы открытыми.

С середины шестидесятых годов область как единый социально-экономический территориальный организм существовала лишь номинально. Был достаточно искусственный конгломерат территорий, различных в социально-экономическом смысле и, главное,

развивающихся в прямо противоположных направлениях: южная территория - аграрная, северная - индустриальная. А это не просто специфика хозяйства, это – разная судьба. После либерализации внутренних политических, бюджетных и финансовых отношений этот процесс освободился от искусственных ограничителей и зашел сегодня уже очень далеко. Поэтому тюменские газеты общественно-политического характера совершенно не интересны на Севере, особенно на Ямале, они никому там не нужны, кроме органов власти, которые хотели бы ориентироваться в политической ситуации, складывающейся на юге области. Тогда как газеты функциональные - “Квартирный вопрос” (информация об обмене жилья, условиях его долевого строительства в Тюмени), “Товары и цены” (предложение товаров и услуг, информация о поставщиках) - “идут” на Севере очень хорошо.

Если в области нет развитого пространства единых социальных интересов, то, соответственно, нет и унифицированного информационного пространства. Можно сказать, что сейчас сложились три информационных пространства и три сообщества журналистов, которые эти пространства обслуживают. В чем-то эти сообщества сохранили связи - есть, например, корпункты областных газет. Сохраняются старые связи - чисто компанейские, гуманитарные. Но не более того. Ставить на эти связи, проецируя на будущее прежнее понятие регионального сообщества журналистов в Тюмени, - бессмысленно.

ПЕРСПЕКТИВНА ли идея самоорганизации сообщества журналистов как способ противостояния давлению государства на СМИ? Среди факторов такого подхода я вижу сразу несколько фантомов. Прежде всего, если государство будет вмешиваться в деятельность СМИ, то, разумеется, не с целью популяризации неких нравственных кодексов профессиональной деятельности журналистов. Оно будет вмешиваться как некий политический субъект, который рассматривает журналистов в качестве нежелательных свидетелей и непрогнозируемых участников событий. В этом смысле, если журналисты хотят каких-то этических хартий, они вольны их сочинять. Но это будет еще одна бессмысленная бумажка в ряду тех, которые журналистские сходки только и продуцируют. Полагаю, что дальше вопроса о формировании журналистского профсоюза интерес журналистов к самоорганизации не идет. Надо ли самоорганизовываться как профессиональной корпорации? А зачем?

Чтобы не накинули узду сверху? Этот вопрос журналисты решили в 1996 году: участвовали в президентских выборах так, чтобы государство не накинуло свою узду. Они справедливо рассудили, что одной узды - издателя - им хватает. Тем более, что у нас бытует убеждение, что диктат издателя не так существенен, как диктат агитпропа.

Для нормального функционирования средств массовой информации нужны некоторые правовые ограничители. Закон о СМИ, раньше считавшийся образцовым, обнаружил много дыр: им не отрегулированы важные, неведомые прежде, отношения редакционного коллектива с издателем, отношения издателя с финансирующими организациями и т.д. Есть и много другого, что нужно нормативно регулировать в законодательном акте как системе правовых ограничителей.

Однако ни в коем случае нельзя отдавать усовершенствование Закона о СМИ самим журналистам. Мой опыт работы с предложениями тюменских журналистов показал, что все сведется к требованию льготного режима налогообложения СМИ в духе 100-процентного государственного патернализма.

Если журналисты - это зеркало общества, им надо попытаться реально увидеть и самих себя, чтобы не оказаться спянной круговой порукой корпорацией, противопоставляющей себя обществу, паразитирующей на нем профессиональной группой.

В. С. Горбачев

**«... У “НИХ” ГАЗЕТЫ ЖИВУТ, А У НАС - ВЫЖИВАЮТ.
И ЭТО БОЛЬШАЯ РАЗНИЦА»**

СЕГОДНЯ пресса поставлена в такие условия, что для того, чтобы просто-напросто выжить, надо, грубо говоря, в той или иной степени продаваться. О какой морали в этом случае можно говорить?

Недавно меня пригласили на встречу студентов отделения журналистики нашего университета с редакторами районных газет. Студенты, с некоторым даже вызовом в глазах, спрашивают, можем ли мы опубликовать что-то такое - этакое, против чего-то, за кого-то? И один из самых авторитетных районных редакторов ответил: "Я напечатаю все, за что мне заплатят". У ребят прямо-таки челюсти отпали. В принципе ответ прозвучал так: "Если это не будет противоречить закону и нам заплатят, то я напечатаю и коммунистов, и демократов, и директора молочного комбината - потому что жить не на что".

Получается вроде, что от отечественной прессы ждать какого-то морального духа нечего. И все же это не совсем так. Когда-то, еще в пору перестройки, у меня была любопытная встреча в Москве с корреспонденткой английской "ТАЙМС". Она говорила о своей свободе так: "Если хозяин газеты приверженец Тэтчер, а мне ее позиция не нравится, я пойду работать в другую газету". Сегодня и у нас появилась предпосылка свободы журналиста. Только в областном центре издается около двадцати газет. Но "у них" газеты живут, а у нас - выживают. И это большая разница. Раньше в Тюмени было всего две газеты - "Тюменская правда" и "Тюменский комсомолец". Как хочешь, так и работай. Но сегодня даже популярные среди молодежи "Тюменские ведомости" испытывают финансовые затруднения. После 17 августа произошел обвал рекламы. Не на что рассчитывать, кроме как на то, что кто-то что-то даст. Это факт.

Пресса живет по тем же законам, что и общество. Но все же у СМИ есть возможности "играть" по-своему, многое зависит от личности редактора или руководителя компании. Если это действительно авторитетные люди, если они знают, что их поддерживает общество, они имеют возможность "играть" на некое опережение. Умный лидер понимает: если его газета не будет иметь свою позицию, она никому не нужна. Мне всегда в этом плане вспоминаются "Известия" хрущевских времен и "своя игра" главного редактора А.Аджубея. Газета по многим параметрам перестала играть по принятым в те годы правилам. Правда, ему так было позволено - это во-первых. Но, во-вторых, он сам себе позволил - такой был человек. Другой бы не стал этого делать, а у него появилась возможность - и он ее использовал.

Поэтому считаю, что тезис "СМИ - зеркало общества" - не индульгенция для журналиста, он на нее просто не вправе рассчитывать. Он должен отстаивать - пускай не всегда, но в принципиальных вопросах - свое право и право своей газеты или канала на свободу слова, на свою позицию. (Ведь у Высоцкого в "Охоте на волков" один все же выпрыгнул за флажки.) Это право у него есть, его реализации он, в большинстве случаев, может добиться, если он - личность, если он - фигура, которую владельцу, хозяину просто нельзя терять.

Я НЕ ОЧЕНЬ ЧЕТКО понимаю, что такое гражданское общество, к созданию которого нас призывают. Для меня это слишком теоретизированное понятие. Но для себя говорю, что это общество, живущее по каким-то справедливым, разделяемым большинством, нормам - доброты, ответственности и т.д. Координаты ценностей такого рода - ориентиры и для журналистов. Если они окончательно еще не испорчены своей профессией или деньгами.

Как понять - испорчен профессией? Журналистика, как говорят, вторая из древнейших профессий. И никуда от этого не денешься. На мой взгляд, профессиональный подход к делу у журналиста - это жить по правилам "второй древнейшей", но, в то же время, - постоянное желание из этих правил выскочить, потому что никому не хочется добровольно жить по этим правилам. Отсюда постоянное внутреннее борение.

Естественно, что журналист просто по своей натуре человеческой должен ориентироваться на определенные нравственные идеалы. Другое дело, насколько это возможно в реальном обществе и насколько он сам этого хочет: ведь удобно не вылезать, не препираться, получить свой кусок хлеба с маслом и заткнуться. Нормального журналиста - нормального профессионала и нормального человека - не надо призывать ориентироваться на ценности гражданского общества. Он по своей натуре к этому стремится. Призывать надо, наверное, само общество. Скорее даже не общество, а властные слои, чтобы они создавали необходимые условия для деятельности СМИ, которые выполняют в обществе свои необходимые функции. В частности, журналист должен быть обеспеченным человеком. Если он решается прыгнуть через флажки, зная при этом, что его ударят,

то, по крайней мере, он должен быть уверен, что месяца три может искать работу и за это время не сдохнет с голоду.

ОТЛИЧИЕ профессиональной миссии провинциального журналиста от миссии журналиста столичного заключается только в масштабах охвата аудитории. Как ни странно, размышлять о судьбах страны и безобразном дорожном покрытии - значит, в принципе, говорить об одном и том же. Все связано между собой. Самая высокая политика связана совершенно очевидными нитями с протекающей крышей дома.

СЕГОДНЯ в словах "региональное сообщество журналистов" я не слышу ничего, даже метафоры. Настолько сейчас разобщены конкурирующие журналисты и издания. Создавали союз журналистов области, но половина журналистов так и не пришла. Намеренно? Каждая газета оттягивает на себя определенное количество рекламодателей, спонсорских денег и т.д. При этом для отстаивания общих интересов нет адресата, к которому следует обращаться. Это факт.

А общие интересы есть. Например, журналисты общественно-политических и других изданий очень хотели бы отстранить от своей дороги газеты чисто рекламного плана, издания бесплатной рекламы. Говорят, что Лужков чуть не принял такой указ для Москвы, чтобы ограничить бесплатную рекламную прессу. Есть и общие политические интересы цеха, его защищенности (правда, пока в Тюмени особого давления властей не было). Есть, наконец, интересы профессионального общения. Каждый варится в своей кастрюльке. В конце концов постоянно витают вопросы не только об укрупнении регионов России, но и укрупнении региональных газет.

Если у нас так много общих интересов, почему же не складывается сообщество? Во многом это зависит от субъективных моментов. В частности, от лидера, которого нет. Такого, например, как в Московском союзе журналистов, являющемся мощной силой, где заправляет сейчас наша землячка Люда Попова, после замужества Щербина - человек сверхэнергичный, предприимчивый.

Конечно, слабость регионального сообщества объясняется и тем, что исчезает авторитет прессы, вместе с доверием к ней. Раньше прессу боялись - она могла вмешаться в решение важных проблем, позже - имела возможность публиковать компромат. Сейчас же столько этого дерьма, что никто никого не боится, никому это не страшно. Об этом можно и по почте судить. Когда я начинал работать в "Тюменской правде", приходило множество писем, в которых газету считали "последней инстанцией". Сейчас такие письма идут редко. И вообще количество их сократилось. А те что приходят - просьбы о консультации (как квартиру приватизировать?). И все реже с просьбой о помощи: люди начинают понимать, что не пресса вершит дела, - лучше к пахану сходить, он все быстренько порешает.

Я РАЗДЕЛЯЮ точку зрения тех, кто считает саморегулирование прессы, в том числе и через кодексы профессиональной этики, весьма насущной задачей СМИ. Что дала прессе безграничная свобода? Сколько в ней отрицательных моментов этического плана! В том числе и тех, что приводят к утере доверия к СМИ. Журналист должен думать о саморегулировании и с точки зрения защиты общества от самого себя и своего сообщества как частного по отношению к целому. Значит, кодекс должен отразить проблемы нашего нравственного самоограничения, зафиксировать общие "правила игры". Тем более, что риск от их нарушения сегодня не меньше, а, может быть, и выше, чем в советские времена. Одно дело, когда меня могли вызвать на бюро обкома и дать по шее. Другое дело, когда я знаю, что если допущу серьезную ошибку, то в наше смутное время вообще могу лишиться работы да еще подведу моих коллег и товарищей по газете, потому что ее закроют. Вернее, не закроют, она закроется сама, ибо без финансовой поддержки просто прогорит. Это более жестко.

С. Л. Жужгин

“...КОГДА ПОЯВИЛИСЬ ДЕНЬГИ И ЗАКАЗЧИКИ,
ОБНАРУЖИЛИСЬ И ПРОБЛЕМЫ С ЭТИКОЙ”

Моральная планка в нашей профессии опускается. Но в этом, мне кажется, ничего страшного, неестественного нет. Дело в том, что журналистика всегда была “второй древнейшей”. Журналист не может существовать отдельно от общества. Нет в этом смысле журналиста свободного: любого можно купить. Казалось бы, еще десять лет назад, в коммунистическую пору, не было продажных - особого негативного смысла я в это прилагательное не вкладываю - журналистов? Но мы все были продажные уже потому, что являлись наемными работниками у власти, у коммунистов, и, не имея реальной свободы слова, отстаивали интересы своих нанимателей. Когда этот период закончился, первое время журналистика вообще не знала, куда двигаться - свободы много, а журналисты привыкли работать в строгих рамках. Но когда появились деньги и заказчики, тут-то и возникли настоящие проблемы с этикой.

Журналисты начали откровенно продаваться - уже в негативном смысле этого слова, а не просто наниматься, как в советскую эпоху. В Москве в большей степени: очень многие издания, электронные средства массовой информации куплены. В регионах - в меньшей, вероятно, потому, что меньше денег, журналист региональный будет куплен за деньги на порядок меньше, чем в Москве. В регионах еще, мне кажется, сохраняется то, от чего мы ушли: здесь еще не “достигли” того состояния, когда каждый журналист готов продаться. Хотя многие уже готовы, но просто нет предложений.

Разумеется, есть исключения. Но и относительно основной массы надо рассуждать трезво. Пошел журналист к какому-то хозяину и продался. Он начинает защищать в своих публикациях, в телевыступлениях, на радио интересы своего хозяина. Но одним журналистам хозяева не мешают исполнять свой долг, соблюдать профессиональную этику, а другим мешают. И в такой ситуации два журналиста могут поступить по-разному. Один скажет: “Если ты будешь навязывать свою позицию, я у тебя больше не работаю, даже за сумасшедшие деньги - мне не велит мой профессиональный кодекс”. А второй: “Я сделаю все, только заплати в два раза больше - наплевать на этику, наплевать на кодексы”. И все, что я говорил выше об изменениях в моральной ситуации в журналистике, касается второго типа журналистов. Их большинство, абсолютное большинство, как мне кажется. Просто каждый из них продается за разное количество денег.

Но все-таки есть пути решения этих проблем. Во-первых, это союзы журналистов, но не творческие, а профессиональные союзы, которые будут не только защищать журналистов юридически, экономически, но и выявлять этические конфликты.

КАК ЛЮБОМУ ГРАЖДАНИНУ мне приходят в голову мысли о том, в каком обществе мне бы хотелось жить. Наверное, в том, где свято чтутся законы, соблюдается порядок, где совсем не обязательно знать, кто председатель правительства - достаточно президента, который заботится о государстве, а государство заботится обо мне, где бы моим долгом было избирать кого-либо, кто будет руководить каким-то сообществом - кварталным, областным. При этом государство должно меня защищать, учить, лечить, платить зарплату, в конце концов. Вот если достигнем такого состояния общества, я готов назвать его и гражданским.

Но пока у нас нет определенности относительно общества, которое мы строим. Соответственно и СМИ не имеют четких ориентиров. Раньше он был - “светлое коммунистическое завтра”. И мы, профессионалы, отражающие интересы правящего класса, стремились и народ ориентировать в том же направлении. Сейчас ориентиров нет, а если бы появились, - появилась бы и общенациональная идея - “За единую крепкую Россию”, “За Россию без коммунистов”, “За Россию с коммунистами” “... с «Яблоком»”. Думаю, что очень многие журналисты откликнулись бы на это и начали продвигать эту идею. А под национальную идею, думаю, вспомнили бы и кодекс профессиональный, вернулись к этике, попытались бы сплотиться.

Без такого рода идеи моральная планка профессии опустилась настолько, что, например, журналист заведомо идет на конфликт с правосудием, для того чтобы отработать заказные деньги. Заведомо идет: знает, что говорит неправду, что не проверил факты,

что напрямую оскорбляет человека, что за этим последует суд. И готов идти на это, потому что хозяин заплатит за моральный ущерб.

Правда, появившись национальная идея, СМИ могут и не справиться с ее пропагандой: журналисты сегодня скорее летописцы. Мы отражаем действительность без какого-либо анализа и без соотнесения фактов и перспектив общества. Есть, конечно, среди журналистов аналитики, социологи, прогнозисты. Но в основной своей массе мы превратились в репортеров: разучились писать публицистические статьи, делать аналитические обзоры. На тюменском телевидении и радио нет ни одной аналитической программы, в газетах - все, что угодно, кроме хорошей публицистики.

ЖУРНАЛИСТ может ощутить существование регионального сообщества только тогда, когда ему скажут: "Ты поступил плохо. Ты не наш, мы совершенно другие цели преследуем, играем по другим правилам и не желаем терпеть тебя в своем сообществе. Работай себе на здоровье, но к нам больше не приходи". Неважно, кто это скажет - Гольдберг, Наумова или совсем молодой журналист. Общественное мнение должно быть как-то структурировано, организовано. И когда я говорил о том, что журналистов Тюмени надо объединять только в профессиональный союз, то имел в виду, что так сказать о своих "правилах игры" может именно профессиональный, а не просто творческий союз.

ТЕЗИС О ТОМ, что саморегулирование и есть способ поддержать журналистскую этику более естественным путем, чем это делают сверху, на мой взгляд, работает. Но для меня пока остается загадкой то, как сегодняшняя власть может повлиять на свободу журналиста? Ведь есть закон о СМИ. Хорош он или плох (безусловно, он сейчас плох), его нужно совершенствовать, мало того, нужен отдельный закон о телевидении и радио. Но сегодня действует этот Закон. И любое средство массовой информации, любой журналист, если не нарушают законы, могут не бояться никакой узды "сверху". Никакой высший совет по нравственности не может привлечь то или иное издание или конкретного журналиста, если они не нарушили закон.

А саморегулирование нужно журналистам не только для того, чтобы противостоять власти, но и для организации цеха. Именно саморегуляция поможет нам сохранить свое лицо. Без этого мы, вольно или невольно, подталкиваем общество к раздраю. Кстати, давая государству повод накинуть узду на СМИ.

М.В. Коллегов

***"...ЖУРНАЛИСТИКА, КАК НИ СТРАННО, СТАЛА ЧЕСТНЕЕ.
ИЛИ ЦИНИЧНЕЕ - КТО КАК ХОЧЕТ ЭТО ПОНИМАТЬ"***

НА МОЙ ВЗГЛЯД, в моральном кризисе нашей прессы не было какого-то определенного рубежа, например, в 1996 году. Кризис возникал и развивался исподволь, незаметно для самих журналистов. По себе знаю этот феномен: варишься в сиюминутных обстоятельствах, а посмотреть с "высоты птичьего помёта", как иногда выражаются, не получается. Только потом осознаешь внутренний дискомфорт и начинаешь размышлять о его причинах.

До определенного, известного всем нам момента, мы жили в некоей перевернутой вселенной, почти изолированной от цивилизации. И вдруг, хотели мы того или не хотели, оказались частью мирового сообщества. Родное государство, худо-бедно решавшее за нас почти всё, вдруг отодвинулось куда-то, оставив на пронизывающем ветру, и мы обнаружили, что сами должны нести ответственность за все, что делаем. Что касается правил игры, то сегодня это правила выживания, весьма напоминающие таковые времен Клондайка.

Тем не менее журналистика, как ни странно, стала честнее. Или циничнее - кто как хочет это понимать. Циничнее по отношению к самой себе, к окружающим, к ситуации. В данном случае это слово не несет негативного оттенка. Может быть, более точно сказать, что профессиональная мораль стала трезвее, рациональнее? Во всяком случае оба типа журналистов, о которых я сейчас скажу, свидетельствуют об этой тенденции. Первый

пример - папарацци. Мы помним шум по их поводу. Но ведь что делает журналист, охотящийся за альковными сценами? Да он просто зарабатывает средства на жизнь и авторитет среди таких же братьев по цеху. Он просто профессионал. А издатель дает ему такое задание потому, что это интересует часть публики. Что же касается самих объектов охоты, то те, кто так жаждал славы, пусть теперь не кокетничают обидами – знали на что шли.

Это - пример тех самых правил игры, назовем их циничными, трезвыми или рациональными. Или рыночными, ибо рынок - это и есть трезвость, по большому счету. Еще со времен, когда бусы меняли на кокос. Конечно, бывают перехлесты, нарушение неписаных правил профессии, но это вопрос меры, вкуса, такта, собственной культуры. Не более того. По тем же правилам, кстати, играют журналисты, которые любят побывать в горячей точке, ведомые и азартом, и стремлением к славе.

Есть и другого рода профессионализм. Не так уж сложно заработать себе авторитет на жареных фактах. А ты попробуй сделать конфетку из повседневной рутины, а не из убийств, пожаров и т.п. Попробуй из обыденности сделать такой материал, который не даст зрителям оторваться от экрана или газетной полосы. Но правила игры и в этом случае вполне рациональные. И для прессы, и для её аудитории. Кстати, оба типа профессионалов были и в советские времена (хотя тогда “горячие” журналисты чаще увлекались санкционированным разоблачением).

Однако изменились условия содержания в террариуме: слегка повысили температуру, света дали побольше. И человек растерялся в этих новых условиях. Его культурный багаж, почти весь предшествующий опыт вдруг сделались ненужными. Он перестал понимать, где оказался. А соответствовать хочется. И не столько хочется, сколько жизненно необходимо. И он пытается играть в рынок, остаться на плаву.

НАВЕРНОЕ, образ гражданского общества укладывается в несколько принципов, например, в принцип равных возможностей, принцип ответственности и т.п. Что же касается ситуации с прессой в таком обществе, то здесь кто платит, тот и заказывает музыку. И это соответствует духу гражданского общества. Ведь купившие прессу корпорации находятся в перманентной борьбе друг с другом. Иначе бы цивилизация не эволюционировала. И корпорации, купив СМИ, проводят через них идеи (каждый – свои), преследуют интересы (каждый – свои), тем самым и выражая смысл демократии. Идеальны ли такое состояние общества, ситуация с прессой и т.п.? Вряд ли. То, что мы видим в странах развитой демократии, наверное, ближе к идеалу, чем то, что мы имели при знакомом нам социализме, и все-таки и это не идеал. Владелец того или иного “рупора” может быть еще большим носителем тоталитарного, чем советские вожди. Мораль этих владельцев может быть не более чем ханжеской, а ханжество - тоже, в определенном смысле, продукт тоталитаризма.

Ну, конечно, пресса - зеркало общества. Но не в том распространенном смысле, когда говорят, что этика прессы не может быть выше этики общества. Если представить цивилизацию в целом или нашу отдельно взятую страну в виде ползущей амебы, то всегда есть отросточки-лидеры, протянутые вперед - они, цепляясь, подтягивают основное тело, это великое болото, населенное бюргерами; но есть и задние отростки, которые подтягиваются за телом амебы всегда последними. Так и с продвинутыми группами общества в целом, и с журналистами, с профессиональными авторитетами, носителями высокой морали. Высокой в том смысле, как ее понимал, к примеру, Вернадский.

НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ сегодня ценности гражданского общества скорее обманными ориентирами, не требуют ли они от журналиста своеобразного героизма? Размышляя с позиции постшестидесятника, я, в отличие от того, как оценивают сегодняшнюю ситуацию шестидесятники, считаю, что никакого отката от ценностей гражданского общества, никакого наступления этатизма сегодня нет. Уже просто потому, что наша страна еще и не выходила кардинально из тоталитарной ситуации, не освобождалась от состояния давления государства на человека. Нам лишь показалось, что общество освободилось. Мало что изменилось - надо избавиться от эйфории. Мы еще никуда не шли, мы только собираемся. Поэтому не стоит сильно переживать за журналистов, ориентируя их на ценности гражданского общества. Те, кто не вымер при советской власти, не подставятся и сегодня. Мы все вышли из “совка”, где эзопов язык был основным. И если сегодня придется к нему вернуться, многие будут даже рады - опять можно будет проявить всю меру непри-

знанного таланта. Тем более, что хотим мы этого или нет, но сохранить анклав, закрытый железной занавеской, России не удастся. Этот период прошел. А когда нагрянет действительно гражданское общество, от журналистов героизма и вовсе не потребуются. В таком обществе необходим голый профессионализм, - чтобы донести до аудитории правду-матку той группы лиц, которые тебя купили. И чтобы не затеряться в толпе тебе подобных - те ведь тоже режут правду-матку от некой группы лиц.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ журналист - характеристика условная. Дело-то ведь не в том, на каком горшке ты сидишь, а в твоей личности. Некоторые, например, ощущают себя гражданином страны, а то и мира, но никак не Тюмени только. У многих нет комплекса перед Москвой или Питером. И если различать журналистов, то отнюдь не по тому, кто из них пишет о крышах и дорогах, а кто - о судьбах страны.

Журналист-ремесленник (в хорошем смысле слова) вполне профессионально, доброту тащит ляжку в газете, на телевидении, часто стараясь просто выжить. Он готов драться за каждый рубль, иногда противно бывает смотреть, как он продается. В то же время, он готов рассуждать и о судьбах страны. Но проблема индивидуального выживания и судьба страны для него – вещи разные. Для него эти проблемы существуют как бы раздельно.

Когда началась перестройка, то во многих головах созрела шальная мысль, что жизнь меняется, что появился шанс. Кто пробовал отследить, сколько человек мысленно сказали про себя: “Ура, я сжег мосты!”, бросили насиженное место с тогда еще гарантированной зарплатой, сформировавшимся имиджем, авторитетом, со всем прочим? Чтобы избрать для себя совершенно самостоятельный путь, надо решиться. Сидеть в пионерском концлагере куда как удобно! Накормят, напоят, спать уложат, правда, поднимут в одно и то же время и так далее. И все твои заботишки сведутся к тому, чтобы урвать себе лишнюю ложечку овсяной каши. А если кто-то скажет: “Нет, ребята, я буду иметь гораздо больше, если сам о себе позабочусь”, толпа посмотрит на него с завистью-ненавистью: посмел! Лишь единицы в такой ситуации смогли все бросить и уйти “на волю”. И в провинции, и в Москве с Питером. И хотя в столицах изначально были более готовы к подобной “перемене вех”, и там, а еще более в провинции, довольно большая, если не большая, часть журналистов так и осталась в “совке”. И ей вполне комфортно ждать в этом сыром теплом подвале, когда свалится манна небесная, государственный пирог. Авось дадут очередные федеральные деньги на тот или иной телеканал или вымирающую, никому не нужную газету. А если федералы не дадут, может быть, даст область. И сидят на трех рублях по-прежнему, не уходят! Продолжают любить свою профессию за то, что она выделяет их из народа, делает знаменитыми независимо от того, чего они стоят на самом деле. Вынесло тебя на экран либо потому, что ты, чем-то отличаясь от прочих, и причисан был тщательнее всех, либо потому, что у тебя язык правильно подвешен, либо потому, что устраивал “ответственного зрителя”, не раздражал его и т.д. И так ты там и остался.

За огульное обобщение – pardon.

ВОПРОС О ТОМ, есть ли в Тюмени некое журналистское сообщество, не имеет однозначного ответа. И есть и нет. Есть - в тусовочном понимании слова, есть в том смысле, что каждый чувствует этот часовой механизм, где зубчики друг за друга зацепляются, без которых он крутится вроде бы не должен. Но я бы это сообществом называть не стал. Все-таки сообщество, в моем понимании, создается на более высокой платформе, на духовном уровне, если хотите. В Москве журналисты умудрились - назовем это здоровым цинизмом - продаться грамотно, цивилизованно, с контрактами. И при этом они способны общаться и даже дружить. В Тюмени, мне кажется, иначе. У меня такое ощущение (впрочем, я могу ошибаться), что здесь каждый занят собственным курятником. Столичное профессиональное сообщество я тоже не вполне принимаю, хотя там часто комфортнее. Там проще. Там отказались от сантиментов, “соплей”, которые провинциалов окружали и раньше, и сейчас. Многим это не нравится, они говорят, что в столицах все отношения строятся по принципу “баш на баш”. На самом деле - нет. Просто они знают, чего ты стоишь. Определили твою стоимость, заключили договор. В душу не лезут, но разговаривают почти всегда приветливо - общая культура сказывается. И стараются дер-

жать слово. Начиная от того, чтобы встретиться вовремя - с точностью до минуты, - и кончая денежными отношениями, даже согласованными устно.

В провинции, мне кажется, пока не совсем так, хотя тенденция эта уже становится заметной.

С. М. Киричук

**“...ПРЕССА, ОСВЕЩАЮЩАЯ ТЮМЕНСКУЮ ГОРОДСКУЮ ЖИЗНЬ,
СВОБОДНА ОТ ДАВЛЕНИЯ СО СТОРОНЫ ВЛАСТИ”**

БЫЛО ВРЕМЯ, когда я видел в прессе просто инструмент для передачи информации. Сегодня считаю, что журналисты - серьезная профессиональная корпорация, влияющая на ситуацию в обществе. Влияющая как на деятельности государственной и муниципальной власти, так и на становление гражданского общества. При этом качество влияния зависит от качества взаимодействия СМИ, власти и общества.

Начну с принципов моих взаимоотношений с городской прессой. Считаю для себя аксиомой, что у журналиста может быть мнение, совершенно отличающееся от моего. При этом, мне кажется, я могу различить, где в мнении журналиста лукавство, а где - действительно особое видение проблемы. Поэтому предпочитаю серьезную критику в свой адрес, а не “продукцию” журналистов, которые, подставляя факты, высвечивают проблему “по заказу”.

Слово “заказ” здесь звучит с негативной нагрузкой. Да и в масштабе общероссийских проблем работа журналиста “на заказ”, в том числе и социальный заказ, морально уязвима. Конечно, если бы у нас была стратегия развития общества, если бы она с доверием воспринималась гражданами, тогда, наверное, СМИ, выполняя “заказ” на ее разъяснение, играли бы достойную роль. Однако сегодня журналисты - как и большинство россиян - не знают такой стратегии, вместе со всеми не знают, каким должно быть “светлое будущее”, каким будет “свет в конце тоннеля”. Поэтому журналист, работающий “на заказ”, действует, может быть, и профессионально, но не по своему внутреннему убеждению. И я не считаю, что большинство журналистов - корыстные люди. Скорее это беда для журналистов, если они вынуждены исполнять тот или другой “заказ”.

Не следует ли из этого рассуждения, что если я сам выступаю в роли заказчика от имени городской власти, то журналист, сотрудничающий с мэрией, - это обязательно человек с сомнительными моральными устоями? Ни в коем случае. Когда я выступаю заказчиком в городских грантах для СМИ или соучредителем некоторых СМИ, мой личный взгляд на свою работу и то, как ее освещают СМИ, - разные вещи. Если мы с какой-то группой журналистов сходимся в понимании стратегии развития города, ее конкретных проявлений и отдельных действий городской власти, в этом случае журналисты - независимо от моей воли - положительно освещают политику, проводимую органами местного самоуправления. Однако, если местная власть допускает ошибки, те же журналисты возмущаются неправильными действиями, не ощущая никакого давления со стороны мэра.

Приведу пример. Городская администрация - учредитель нескольких СМИ: “Тюменской правды”, “ТВ-города”, “Радио-ностальжи”, “Радио-семь”, “Тюменский курьер”. И если вы проведете анализ выступлений этих СМИ, то не увидите безоглядной поддержки действий администрации, городской думы, главы города. Чаще всего вы обнаружите разумное толкование тех или других процессов, которые происходят в жизни города, тех ситуаций, которая возникают благодаря нашим правильным или неправильным действиям. И мне представляется, что пресса, освещающая тюменскую городскую жизнь, вполне свободна от давления со стороны власти.

Возьмем для сравнения “ТВ-Центр”, московский канал. Я регулярно смотрю, как в его передачах представлен опыт московского правительства, мэра Москвы, пытаюсь определить истоки и корни определенных решений, их социальную и политическую подоплеку, стараюсь извлечь полезные решения тех проблем, которые у нас в Тюмени или не решаются, или решаются хуже, чем там. Но мне не нравится манера работы многих жур-

налистов этого канала - явно проправительственная. Я бы не сказал, что она заказная. Скорее всего, в ней проявляется "добровольный заказ".

ВЫСТРАИВАЯ отношения тюменской городской власти и городских СМИ я стремлюсь объяснить слабости нашей прессы прежде всего слабостями нашей работы с журналистами. Например, о программе "Город", весьма критичной в отношении власти, иногда говорят: "Мелко пашут". Но, во-первых, надо отметить, что программа на наших глазах меняется к лучшему, становится профессиональнее. Во-вторых, это мы, именно мы - пресс-центр, официальные службы мэрии, может быть, не всегда успеваем с информацией о работе администрации, ее отдельных служб.

И все же, на мой взгляд, в работе СМИ просматривается тенденция, от которой им предстоит отказаться. Проблемы городской жизни в их подлинной глубине наверняка не сводятся к недоработке каких-то конкретных деятелей городской власти, как это чаще всего представляется журналистами. СМИ обращаются только к власти, как будто это единственная сила, которая решает проблемы города, и весьма редко апеллируют к общественному мнению, к очагам нарождающегося гражданского общества.

Наша пресса готова показать глубину, корни проблем через обнаружение "крайних" - конкретных деятелей власти, обвиняемых в том, например, что дом какого-то ведомства - недавно принятый в муниципальную собственность - разморожен, жить в нем невозможно, или, наоборот, дом ведомственный, в нем невозможно жить, а муниципальная власть его не принимает, потому что в ней работают черствые чиновники. А ведь корни сегодняшних проблем города заложены давным-давно. Со всех сторон только и слышно, что в Тюмени плохие дороги. Представьте, мы за 75 лет прежней власти не могли сделать в России хорошие дороги, а за 10 последних лет можно?

Становление местного самоуправления началось лишь с 1991 года, и потому доминанта подлинного местного самоуправления - принятие гражданами решений под собственную ответственность и под собственное исполнение своих же решений - до сих пор не сформировалась. Как человек, работающий в этом институте власти, особое внимание обращаю на то, что местное самоуправление - "точка роста" гражданского общества. Но попыток влиять на сознание горожан в этом направлении слишком мало, в том числе и со стороны СМИ. Правда, я не склонен обвинять журналистов в невнимании к задаче формирования культуры самоуправления. Полагаю, что и в этом плане городские власти должны не столько предъявлять претензии, сколько помогать прессе. Насколько успешны наши попытки?

Один из последних конкурсов на лучшее освещение городских проблем - "Налоги" - не просто сбор налогов, а как общая тема: какие налоги действуют в городе, кто их платит или не платит, куда расходуются эти денежные средства и т.д., поскольку наполненный городской бюджет - основа благополучия горожан. Что может быть важнее для создания в городе подлинного самоуправления? Увы, наша пресса не откликнулась, тема оказалась потусторонней, отчужденной. И в том, что журналисты не хотят принять эту тему, есть несколько причин. Среди них - неоднородность интересов самого городского сообщества. Вероятно, многим журналистам трудно критиковать крупных неплательщиков, проще ругать власть - она как бы и создана для того, чтобы принуждать неплательщиков налогов. Принуждение никому не нравится, и когда журналист критикует такое принуждение, он хорошо выглядит в глазах своих читателей. В итоге, на мой взгляд, пресса слабо воздействует на городское сообщество, на городские группы интересов, на отдельных горожан.

НЕ ЗНАЮ, ДОЛЖНА ЛИ пресса воспитывать свою аудиторию, как это было, например, при советской власти. Может быть, и не должна, но мне бы очень этого хотелось. По-моему, пресса имеет на это и полное право, и необходимые возможности. Вот пример. Совсем недавно в "Тюменском курьере" появилась статья с ехидной интонацией по поводу уборки снега. Разумеется, все претензии - к администрации города. Получается, что и при отсутствии налоговых поступлений в городскую казну администрация решит эту насущную проблему. Но ведь так не бывает, и журналисты это знают, и жители нашего города. Но они выстраивают своеобразный щит между собой и властью: у них, у этой власти, много чиновников, они получают невероятно большую заработную плату, содержат много персональных машин, допускаю нецелевое использование денежных средств вместо того, чтобы заплатить детские пособия или выделить деньги на лекарства и т.д. Но на

деле с помощью всех этих аргументов решается другая задача: горожане не признаются самим себе, что они-то и не желают делать так, чтобы в нашем городе был порядок. Конечно, это и следствие определенного менталитета, но, по-моему, пресса способна воздействовать на такую ситуацию. И ситуация начинает меняться. Так, уже сегодня журналисты расхватывают в администрации списки тех, кто не платит налоги с продаж, чуть ли не в очередь становятся за их получением. Сегодня нарасхват информация о наших действиях по уплате налогов крупными налогоплательщиками. Журналистов интересует, как мы работаем с Сибнефтепроводом, какие меры будут предприняты для активизации машиностроительного комплекса, как мы будем поддерживать достаточно хорошо развивающиеся в последние два года предприятия легкой промышленности, переработки и т.д. Журналистов это интересует, значит, городское сообщество не остается в стороне.

АВТОРЫ ПРОЕКТА спросили, не вкладываю ли я в слова благодарности журналистам во время встреч с ними смысл больший, чем просто вежливость? Во-первых, это, конечно, вежливость. Во-вторых, я стремлюсь подчеркнуть, что всю информацию, касающуюся городской жизни, которую они, журналисты, выдали, я знаю. Мне кажется, для журналиста важно знать, что глава города читает его материалы. В-третьих, только на первый взгляд может показаться странным говорить “спасибо” всем журналистам подряд, в том числе и тем, которые могли - то ли по заказу, то ли из-за низкого профессионализма - несправедливо представить деятельность городской власти. Я все еще продолжаю считать, что, в большинстве своем, журналистам довольно сложно даются “заказные” публикации. Вижу, что изложено, на мой взгляд, абсолютно неверно, пытаюсь убедить себя, что просто у автора не хватило времени, возможностей, способностей, профессионализма.

Разумеется, не все так благостно и идеально в отношениях прессы и власти. Но даже когда, например, “Тюменские известия” вынесли в заголовок лишь часть моей фразы из послания - “Чуда не ждите, чуда не будет”, оставив за его рамками другую часть, подчеркивающую, что самое главное, “чего нельзя делать - это ничего не делать”, я говорю журналисту “спасибо”. Он этой искаженной фразой привлек большее число читателей. А читатели, я уверен разберутся.

Сегодня всем нелегко, какой стороны жизни не коснись. Становление органов местного самоуправления только-только началось. Средства массовой информации могут оказать колоссальную помощь в этом объективностью своих суждений о процессах городской жизни.

В.Е.Селиванов

***“...ИНТЕРЕСЫ ИЗДАТЕЛЯ И ОБЩЕСТВА ВСЕГДА В ДИСБАЛАНСЕ.
ГДЕ РАВНОВЕСИЕ? ПУСТЬ БУДЕТ ПЯТЬДЕСЯТ НА ПЯТЬДЕСЯТ”***

ГРАЖДАНСКОЕ общество - антипод тоталитарному. Это общество, в котором, скажем так, не внешние силы являются для человека стимулом развития, а собственно человеческие - желания, способности, интересы. В таком обществе стимул к выстраиванию человеком своего собственного вектора жизни, от рождения до смерти, определяется тем, что он сам для себя значит. Если тоталитарное общество заставляет всех людей слышать только одного человека, вождя, то в гражданском обществе каждый человек слышит другого человека, сверяет свои интересы с его интересом. Стремление человека познать самого себя, развить свой потенциал становится в гражданском обществе не только предметом регулирования через закон, но и задачей саморегулирования - через мораль, через неформализованный гражданский договор, который строится не просто на букве, но и на духе.

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЦЕННОСТИ гражданского общества могут и должны явиться координатами для СМИ? Общество изобрело прессу как средство и форму коммуникации, как социальный институт, который профессионально и организационно обслуживает его интересы. Изначально СМИ создавались теми, кто хотел влиять на общественное мнение. Альтруистов, которые хотели бы, чтобы общество благодаря СМИ само себя слы-

шало, найти очень трудно. Но является ли такая жестко пропагандистская, формирующая мнение аудитории функция прессы ориентиром с точки зрения ценностей гражданского общества? Полагаю, нет. Но уже сегодня существуют предпосылки для появления нового качества СМИ. Достаточно обратить внимание на то, что сегодня в ряду спутниковых каналов, в том числе и принимаемых в нашей стране, все больше становится каналов, 24 часа в сутки показывающих природу, моды, новости - и все без комментариев. Эта чисто информационная тенденция электронных СМИ, по-моему, отражает будущее прессы, ибо телевидение наиболее продвинуто в понимании того, чего хочет аудитория.

По мере движения к гражданскому обществу СМИ будут терять свою нынешнюю - "классическую" - идеологическую заданность, ориентацию на интересы хозяина и т.д. К чему это приведет? Общество будет делиться, по большому счету, не на богатых и бедных и даже не на образованных и не образованных, а на людей интеллигентных и не интеллигентных, на людей нравственных и безнравственных. Постепенно СМИ будут уходить от идеологической ангажированности классов, социальных групп и ориентироваться на более фундаментальные для человеческой сущности ценности.

Разумеется, речь идет о более или менее прогнозируемой перспективе, а не о реальности наших дней. Одно дело - ценности гражданского общества как далекая перспектива, другое дело, когда мы говорим о сегодняшней возможности для СМИ ориентироваться на эти координаты.

Отношение журналиста к своей профессии имеет два аспекта. Во-первых, он может видеть в ней единственную для себя достойную возможность самовыражения. Во-вторых - средство для существования. Немаловажно при этом *что* конкретный журналист ставит на первое место, а *что* - на второе. По-моему, при столь маленькой зарплате большинство наших журналистов скорее служат профессии, чем живут за ее счет.

Особый вопрос - как журналист реализует свою профессию с точки зрения общества? Если он осознает себя представителем "четвертой власти", то такой властью можно пользоваться и как трибуной, и как дубинкой, при этом в самой власти можно жить по законам стаи. У некоторых журналистов нет собственной позиции - они лишь озвучивают чужие идеи. Есть журналисты с собственными идеями социального плана, в том числе и радикальными идеями. Вспомним, например, период начала перестройки и статью К.Лагунова по поводу берегов демократии. Он понимал, что серьезно подставлял себя, ибо шел вразрез с доминирующими настроениями. Можно вспомнить и диссидентские публикации. Или сегодняшнюю традицию "слива" компромата. В этом случае журналисты выполняют функцию "полупроводников" чужих идей или замыслов. Во всех случаях такого рода общество должно решать вопрос о соотношении ценностей свободы слова и ограничений на пользование СМИ как инструментом-дубинкой, причем инструментом "заказным".

Очень важно, как журналисты интерпретируют статус "четвертой власти", как они относятся к известной формуле о "второй древнейшей" и что слышат в формуле "пресса - зеркало общества", как они реагируют на общественные оценки в условиях сегодняшнего, вполне определенного, состояния нашего общества.

Любой опус журналиста - это не пассивное воспроизведение "жизни", но искусственно созданная реальность. Это и результат того, что информация пропущена через ремесло, определенные способы работы конкретного журналиста.

Несомненно, что любая интерпретация формул, характеризующих природу СМИ, ставит их в конфликтное отношение с какой-либо группой интересов, идеологической доктриной и т.п. А ведь от них требуют - или хотя бы ждут - определенной позиции: хвалить губернатора или ругать, поддерживать городскую власть или критиковать и т.п.

Вряд ли можно сказать, что наши СМИ - лишь "пассивное зеркало". Например, у тюменских журналистов есть общекорпоративная позиция в отношениях с администрацией.

Как же выйти на то, чтобы СМИ все-таки служили для общества зеркалом? Возьмем город Тюмень. Что нас, горожан, сейчас заботит больше всего? Снежные сугробы, нельзя нигде пройти. А в СМИ об этом пишут? Как раньше - бьют в набат? Ведут постоянные рубрики? Ни того, ни другого. Но газеты же живут. Значит, они находят тех, кто платит за информацию, которая не является, на первый взгляд, актуальной для большинства горожан. Конечно, интересы издателя и общества всегда будут в дисбалансе. Но где найти равновесие? Пусть будет пятьдесят на пятьдесят.

КАК СОВМЕСТИТЬ саморегулирование сообщества журналистов и регулирование, которым занимается администрация? Каковы возможные “правила игры” при таком совмещении?

С одной стороны, я - как чиновник, который занимается прессой, - должен быть заинтересован в том, чтобы СМИ стали независимыми, самостоятельными. Чтобы их деятельность финансировало, покупая прессу, само население, чтобы журналисты постепенно становились профессионалами, через которых общество выражает себя. Значит, одно из “правил игры” - сделать все, чтобы пресса постепенно становилась финансово независимой от государства.

И как это делать? Наш департамент пытается сейчас ввести конкурсную систему отбора исполнителей наших грантов, чтобы победившие в конкурсе СМИ получали от нас заказы на отражение политики администрации и публиковали материалы, которые нужны населению: но у них нет перспективы получения коммерческого заказа (например, проблема наркомании молодежи, образовательные программы). Конечно, это определенное регулирование. Однако, если редакция имеет возможность закрыть свои финансовые потребности собственной деятельностью на 80 - 90%, то заказ, дающий лишь 10% такой потребности - нормальная ситуация. Ведь и в координатах гражданского общества предполагается отражение в СМИ разных интересов, значит государственная власть тоже имеет право выразить свои интересы через форму заказных грантов.

Например, в эти дни идет процесс заключения договоров с региональным телевидением. Первая задача администрации - обеспечить разъяснение ее политики, провести информационные кампании и т.п. Вторая - предвидеть самые актуальные потребности телеаудитории. Например, мы считаем, что на региональном телевидении за счет средств бюджета должна быть создана молодежная программа. Какой именно она будет - это определит сама зрительская аудитория. Но передача должна вести целенаправленную работу против современных общественных язв - наркомании и т.д. И мы заказываем эту программу не из PR-овского интереса, а в интересах будущего нашего общества.

В то же время, я - как чиновник - заинтересован и в повышении профессиональной ответственности СМИ. Ограничения так или иначе необходимы, но, в идеале, их должно создавать само общество. Сегодня здесь действует один универсальный механизм: покупают - не покупают. Достаточен ли он? В любом случае, предстоит длительный процесс формирования в обществе системы ценностей, с позиции которых будет оцениваться деятельность СМИ.

Трудно представить систему “правил игры” между СМИ, властью и обществом. Но я уверен, что процесс их формирования и исполнения не может быть односторонним. Если, например, общество не будет активно выражать свою заинтересованность в качестве прессы, например, в активизации ее интерактивного потенциала, т.н. “обратной связи”, трудно рассчитывать на то, что пресса будет действительно ответственной.

Мы в свое время провели работу по районным, областным и федеральным газетам. Оказалось, что материалов в виде рубрики “Телетайп” или “С места события” становится все больше и больше. Пробежать по поверхности, чтобы зафиксировать факт - это слишком просто. А материалов, которые заставили бы аудиторию задуматься, позволили увидеть проблему во всех ее проявлениях, очень мало. Возьмем, например, проблему самоуправления. Человеческая - “обывательская” в хорошем смысле слова - суть этой проблемы открывается очень редко. Хочу пожелать тюменским журналистам стремления к жизненной глубине в материалах, которые мы читаем в газетах, слышим по радио, видим с экранов.

В. Л. Строгальщиков

“...МОЖНО ГОВОРИТЬ ОБ ЭТИКЕ ТОРГОВЦА? ЧТО Ж, ТОГДА ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ И ОБ ЭТИКЕ ТОРГОВЛИ ЖУРНАЛИСТОМ СВОИМ ТАЛАНТОМ”

Я ДОСТАТОЧНО рано перестал “питать иллюзии” и понял, что журналистика - такая же профессия, как и все. Мы - торговцы своим талантом, торговцы новостями. Можно говорить об этике торговца? Что ж, тогда давайте говорить и об этике торговли журналистом своим талантом. Но ведь это последний бастион, наверное, который надо сдать в самом себе, и тогда уж, повесив на себя вывеску с надписью “...”, выйти на улицу.

Обязательно ли наемный работник, продающий свой талант, тем самым оказывается человеком этически сомнительным? Да, с точки зрения старого воспитания, вбитого в нас. Конечно, моральные ценности тех времен могли быть нереальными, а то и обманчивыми. Но ведь мы были рады обманываться: ждали, когда партия вообще уйдет в кусты и разрешит писать святую правду, а такой правдой мы считали то, что знали сами.

Можно ли теперь примирить самого себя, свою совесть с новой реальностью – с “этикой торговца”, уверенно чувствовать себя, считая свою профессию достойной, несмотря на то, что ты все же продаешь свой талант? Прежде всего, надо различить варианты. Сам факт журналистской работы за деньги еще не ущемляет честь и достоинство журналиста. Например, если ты сначала написал то, что сам хотел написать, а потом нашел покупателя. Есть другой вариант: когда покупатель появляется заранее и говорит: “Напиши о том-то и так-то, тогда я тебе заплачу столько-то”. Ты начинаешь анализировать представленный материал и понимаешь, что его первичные установки не вполне отвечают реальности. И здесь или разругиваешься с заказчиком, или идешь на компромисс, к примеру: “Пусть я скажу не всю правду, но неправду говорить не буду”. А бывает, когда журналист говорит: “Хорошо”, - и пишет так, как ему заказали, - с теми фактами, которые дали, не глядя на то, являются они тенденциозными или нет, что за ними стоит, заслуженно эта статья возвеличивает человека или, наоборот, уничтожает его. Вот этот, последний, вариант для меня неприемлем. Пока я, в силу разных житейских обстоятельств, не встал голый спиной к голой стене, то есть пока у меня совершенно не кончились деньги, и остается возможность более или менее достойно их зарабатывать. Окажись я в иной ситуации, как поступлю - не знаю.

Итак, я говорил о первом элементе новой моральной ситуации в журналистике. Второй момент - непрофессионализм: торопливость, легковесность, необъективность, причем даже неоплачиваемая. Бесплатная торопливость, бесплатная легковесность, бесплатная необъективность. В конечном счете все это опять же упирается в деньги. Не получая месяцами зарплату, журналисты откровенно халтурят и подрабатывают в разных местах. Зарабатывают на жизнь. Поэтому на основное свое дело – службу в газете, которая до сих пор являлась светочем, – времени не остается, материалы пишутся “левой ногой”.

Третий момент новой моральной ситуации - потеря доверия своей аудитории. Серьезный грех СМИ – в отсутствии их публичного покаяния в том, что пресса, в массе своей, не берет на себя ответственность за то болото, в котором мы сегодня оказались. Но должна взять. Конечно, в тот момент, когда мы пошли в сторону демократии, показать ее в своем зеркале СМИ не могли: демократии еще и не было. Поэтому пресса являлась не зеркалом, а неким стеклом, на котором она рисовала образ будущей демократии и этим увлекала народ. Но когда, с течением времени, краски образа стерлись и стекло превратилось в настоящее зеркало, все, и честная пресса в том числе, увидели, что первичный рисунок и сегодняшнее изображение не совпадают. И народ, конечно, возмутился: “Вы нас обманули!”. Но пресса и не пыталась осознать, почему так произошло, и не признала публично своей вины, равно как и весь остальной народ.

МНЕ КАЖЕТСЯ, что большим грехом прессы после первых демократических выборов была выдача ею властям некой индульгенции: власти понравился первичный мораторий на критику, прессе понравилось, что власть сразу нашла деньги, чтобы ее содержать. Примерно то же самое произошло и в отношениях СМИ с только что народившимися тогда крупными нефтяными и газовыми структурами. В итоге это так понравилось и

тем, и другим, что процесс безобразно растянулся, как вялая резинка, которая уже не может иметь свое первичное состояние упругости.

Потому и произошло то, что мешает нам сегодня серьезно говорить о возможности гражданского общества. Для меня гражданское общество – это обоюдная и постоянная возможность избирателей влиять на власть, а властям - на избирателей. У нас нет ни того, ни другого. А как себя повели СМИ в ситуации взаимной безответственности власти и граждан? Например, наши региональные СМИ сначала робко пытались влиять на власть, затем - апеллировать к общественной сознательности и активности народа. Но потерпели провал и в том, и в другом - критику в свой адрес никто не любит.

Что происходит теперь? Когда я приезжаю в Москву, то покупаю примерно семь-восемь газет, зная, кому каждая из них принадлежит, - Березовскому, Гусинскому и т.д. Прочитав эти газеты, получаю достаточно объективную картину. Но у нас в регионе нет такого количества крупных “денежных мешков”, способных создать несколько самостоятельных газет, телестанций. (А имеющимся в наличии магнатам региональная пресса не нужна: они поняли, что центр принятия важнейших решений отнюдь не здесь, и отнюдь не от мнения так называемого электората Тюменской области, Ханты-Мансийского или Ямало-Ненецкого округов будет зависеть прохождение нужных документов в Москве, в правительстве или где-либо еще.) В итоге у читателя нет возможности получить объективную картину, сложив информацию разных по своим позициям СМИ. Может быть, такую картину можно получить из газет, поддерживаемых администрацией и думой? Едва ли: деньги-то все равно из одного кармана.

К большому нашему - журналистскому - сожалению, в регионах мы не являемся “четвертой властью”. Мы не влияем на аудиторию из-за малых тиражей и утраты ее доверия. Мы не влияем и на власть, потому что никогда “не кусаем” ее достаточно. Мы не нужны и лоббистам, и бандитам даже не нужны. Зачем им вкладывать десятки тысяч долларов в создание газеты, когда достаточно дать пять тысяч долларов взятки какому-нибудь чиновнику и нужный результат будет получен?

КОНЕЧНО, можно устраивать всякие семантические танцы, трактовать те или иные слова, но для меня синонимом регионального сообщества журналистов является профессиональная организация журналистов. Я сторонник превращения союза журналистов - регионального и всероссийского - в профессиональный союз с жесточайшей дисциплиной. То, что мы имели прежде - клуб по интересам пособников партии. И сегодня мы остались тем же клубом по интересам пособников - неизвестно только кому.

Нужно ли региональное сообщество самим журналистам? Да. Для того, чтобы выжить. Но не как клуб по интересам. В нашем сегодняшнем состоянии мы никому не нужны, разве что для создания видимости приличия - если есть территория, власть, население, то должна быть и пресса. Так же, как “положено” содержать футбольные или хоккейные команды.

Если первые три власти уже давно построены по принципу мафии, значит, и нашу - четвертую - власть мы должны строить на том же мафиозном принципе. Мафия – это семья, которая дерется за свое существование в определенной среде обитания. И мафия – это, прежде всего, жесточайшая дисциплина, которая прописывается в уставе этого регионального сообщества.

“Клуб по интересам”, который сейчас возродился в Тюмени, мне не интересен. Все равно они будут просить, чтобы “папа” дал им денег, “мама” дала денег. И на эти деньги будут устраивать конкурсы, вручать премии и два раза в год крепко выпивать в театре кукол. Я премию сам себе зарабатываю и сам выпиваю, когда хочу. И сам общаюсь с теми журналистами, которые мне нравятся. Мне их союз не нужен, потому что больше они ничего и предложить не могут. Нужна же организация журналистов на принципах профсоюза. Обидел, допустим, губернатор или мэр какую-то одну газету, - и все газеты, телекомпании и радио, которые входят в наш союз, объявили ему бойкот, например, целый месяц его имя просто не упоминают. Журналистов же, нарушивших это решение союза, выгоняют с волчьим билетом: они уже никогда не найдут работу по специальности в нашем регионе. Вот тогда нас начнут бояться и уважать: станут нормально платить и позволят говорить про те же власти больше правды, чем разрешают сегодня.

СОЗДАНИЕ такого рода журналистской мафии - тоже саморегуляция сообщества. Основой этой саморегуляции является устав, который можно назвать и кодексом. Кодексом нашей "семьи".

Сегодня наш главный враг – те, кто пытаются накинуть на прессу узду. Не объединившись и не спаявшись жесточайшей дисциплиной, мы защититься не сможем. И народ нас не защитит, потому что мы уже, честно говоря, ему не нужны. Да и не может он нас содержать.

Кстати, процесс удорожания газет и всего комплекса информационных услуг населению, в том числе и развал доставки газет, как это происходит на юге области, - не есть ли это осмысленный шаг, запрограммированный для того, чтобы перевести управление обществом от информационного многоголосья к эпохе проводного радио? Газеты утрачивают свое влияние. Телевидение, в том числе и независимые компании, будут обязаны или "ложиться" под государство, или у них не будет средств. Сама профессия журналиста теряет остатки уважения в обществе, если уже не растеряла. Мы возвращаемся к тому, что основной рупор воздействия на избирательскую аудиторию может свестись к проводному радио, по которому будут вещать те, кого власти назначат, и то, что власти скажут.

Т. А. Топоркова

"...СЕГОДНЯ ЖУРНАЛИСТ ЖИВЕТ ПО ПРАВИЛУ ЦИРКУЛЯ"

ОДИН ИЗ ЭТАПОВ морального падения журналистики - октябрьские события 1993 года. Другой этап связан с войной в Чечне. Следующий - президентские выборы 1996 года. И, я думаю, еще один этап связан с августовским кризисом. Мы еще не в полной мере на себе его ощутили и, возможно, в ближайшее время еще на одну ступеньку вниз опустимся. Естественно, что этот финансовый кризис повлияет на нравственную атмосферу в СМИ. Кроме того, повлияют и два года выборов. Конечно, региональные журналисты в меньшей степени избалованы деньгами и меньше ангажированы, чем столичные. Но и здесь уже идет процесс предвыборного распределения региональных средств массовой информации. Наверное, для многих из нас еще острее станет проблема выбора - почем продаться, кому продаться.

Оценивая нравственную атмосферу в прессе - я могу судить не только о региональной журналистике, - отмечу, что наш, сибирский, журналист скромнее, самоотверженнее, честнее. Потому что он сибирский. Потому, что ему труднее дается сам приход в профессию. У нас сегодня очень мало журналистов с профессиональным образованием. Как правило, это энтузиасты, люди, которые учились плавать по методу брошенного в воду щенка. И у них другое отношение к профессии: если московский молодой человек, оканчивая МГУ, ищет работу прежде всего спрашивая про зарплату, то у нас до сих пор журналисты стесняются задавать подобные вопросы.

Уже три-четыре года назад московские тележурналисты ни шагу не делали без заказа, бесплатно. А мы делаем фильмы без всякого заказа, выпрашиваем время на монтаж у президента ГТРК А.К.Омельчука. Например, сейчас делаем фильм про Крапивина. Я не знаю такого московского журналиста, который бы на это пошел, - может быть, у меня недостаточно широкий круг знакомых?

Допускаю реплику: наша работа без заказа - это не аргумент в пользу того, что провинциальные журналисты более самоотверженны, честны и т.п.; просто никто не дает заказов, а то, может быть, местные журналисты были бы еще более ангажированными, чем столичные. Но это не так. И в Тюмени есть дороги, по которым ходят за заказами, и мы знаем эти дороги. Но кто-то по ним ходит, а кто-то - нет. Вот для меня, например, очень сложно прийти к потенциальному спонсору, человеку, который меня не знает, и сказать: "Дайте денег, я сделаю хороший фильм". Такие слова очень легко может сказать, например, Политковский, который "окучивает" северные города, берет очень хорошие деньги и делает посредственные фильмы. Может быть, нежелание и неумение искать заказчиков - это наш недостаток, а не достоинство? Нет, это не предмет гордости или сожаления, это констатация факта.

Вот, например, молодое поколение журналистов. В чем их плюсы и минусы по сравнению с нашим поколением? Наверное, нам не хватает чего-то такого, что есть у них. Очевидно, им не хватает чего-то такого, что есть у нас. И в первую очередь, наверное, внутреннего осознания принципов и правил журналистской этики, того, что журналист может себе позволить, а чего - нет.

ЗАЧЕМ ДАЛЕКО ходить в поиске определений гражданского общества? Я думаю, что это общество, которое живет по заповедям. Что касается нашей страны, то сегодня у нас формируется гражданское общество со знаком "минус". Во всяком случае эпитет "гражданское" надо ставить в кавычки.

Отказавшись от тоталитарной установки на то, какая должна быть идеология, как мы должны поступать, оказавшись отпущенными в своем волеизъявлении на свободу, мы проявили себя не с лучшей стороны. Обнаружилось, что наше волеизъявление далеко не всегда отличается нравственной чистотой, благородными помыслами и т.д. На свет вылезло столько всякой грязи, пены. Разумеется, я не ратую за возврат к тоталитарному государству, но я хотела бы, чтобы гражданское общество было со знаком "плюс".

Как ведет себя наша пресса в этой ситуации гражданского общества со знаком "минус"? По-разному, но очевидно, что очень большую роль играет личностный фактор. От уровня нравственного порядка журналиста зависит очень много. Сегодня личность журналиста - это, пожалуй, последний фактор доверия, на который еще может ориентироваться аудитория.

Может быть, я обманываюсь, но нужно еще немного времени, чтобы в СМИ снова появились подлинно авторитетные личности (ведь еще совсем недавно какая-то женщина бежала за Кологривовым по коридору телецентра, наступив на собственного двухлетнего ребенка). Все-таки люди в нашем регионе чуть-чуть "подмороженные": у них сохранилось остаточное уважение к средствам массовой информации. Им все еще нужны герои, любимцы, лидеры. Поэтому сегодня нас строже оценивают, к нам приглядываются и, я думаю, в скором времени они определятся в том, какому журналисту можно доверять, а какому - нет.

НЕ НАДО ОСОБОЙ МУДРОСТИ, чтобы понять рискованность поведения журналиста, решившего в наши дни ориентироваться на ценности гражданского общества. Я не раз сталкивалась с тем, что частный хозяин какого-то издания или государственный издатель расправлялись с журналистами, отстаивающими свои ценности. И я сегодня ориентирую студентов на простую честность, честь. Значит, мы должны каким-то образом таких ребят подстраховать, научить их выживать в современных условиях. Принципиальность и осторожность - вещи совместимые. Гражданское общество вполне допускает компромиссы, обходные варианты. И умению идти на компромисс тоже нужно учить.

Не зная рецепта балансирования между принципиальностью и рациональностью, ответственностью и цинизмом, я пытаюсь все же работать с нашими студентами в этом направлении. С каждым отдельно. Если я вижу, что этот молодой человек уже весьма образован, у него есть способности писать, и рука у него набита, то с ним я работаю на развитие принципиальности, ответственности и т.п. норм журналистской этики, задаю ситуации, может быть, эксперименты провожу. А если я вижу, что девочка, приехавшая с Севера, хорошо пишет, но нет в ней необходимой наглинки, значит ставлю ее в другие условия, - посылаю на практику в редакцию, где она получит нужные качества.

РАССУЖДАЯ о региональном сообществе журналистов в Тюмени, надо прежде уточнить: речь идет о том пресловутом Союзе журналистов, который был когда-то и который пытаются сейчас воссоздать? или о сообществе в менее формальном проявлении?

Когда я говорю о региональном сообществе, то прежде всего имею в виду уважение к своим коллегам. Есть много журналистов, которых я уважаю, с которыми я посоветуюсь, которым я никогда не перейду дорогу, которым я всегда честно скажу, что я думаю о их работе, если в ней есть что-то плохое. Но существуют журналисты, которым я такой правды не скажу. Вот что такое для меня сообщество. Думаю, что и для других журналистов.

Мне хотелось бы, чтобы журналисты были определенной силой. Я терпеть не могу союзы, не вступаю ни в какие общества, фонды, в любую структуру. Думаю, что если формально объединиться, то это ничего не даст. Но как быть в ситуации, когда увольняют хорошего журналиста и за него некому заступиться, нет инстанции, куда бы он мог обратиться? Если этот журналист среднего пошиба, он будет через суд как-то барахтаться.

Но глубоко порядочный журналист этого делать не будет. Считаю, что защита прав журналиста - это все-таки задача регионального сообщества.

Есть и второе основание для активности сообщества. Если, предположим, вновь создаваемый Союз журналистов Тюменской области займется материальными вопросами, я с ним, наверное, контактировать не буду. Потому что есть фатальная неизбежность - как только начинается сбор и распределение средств, моментально возникают финансовые нарушения, взаимные обиды, скандалы, ссоры. А вот если бы этот союз занялся распределением поступающих на его имя заказов... Допустим, Ямал выражает желание сделать фильм о геологах-первооткрывателях. И сообщество профессиональных авторитетов, к которому с этим заказом обратились, устраивает конкурс по этому заказу. Тогда, во-первых, поднимется уровень журналистских работ, и, во-вторых, журналисты получат финансовую поддержку. А сегодня мы знаем очень много случаев, когда заказная работа выполняется непрофессионально, иногда просто халтурно.

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ сообщества - это, конечно, меньшее зло по сравнению с госрегулированием нашей деятельности. Только я сомневаюсь, что сообщество журналистов сегодня способно решиться на некий общий кодекс. Я имею в виду сообщество в масштабах страны. Я, честно говоря, думаю, что и в рамках регионального сообщества журналистов это нереально. Не хватит силы мотивации и энтузиазма.

Может быть, страх ограничения гласности породит и мотивацию, и энтузиазм? Полагаю, что уровень журналистского цинизма на сегодняшний день выше этого страха. Думая о наступлении на гласность, журналист не забывает, где он работает, кто у него хозяин, какое у хозяина мировоззрение, к какой он партии принадлежит... И очень много других привходящих факторов, от которых зависит журналист. Может быть я ошибаюсь, но журналист живет по правилу циркуля. Очертит этим циркулем столько, сколько он лично может решить проблем. Сюда входит, наверное, и защита его семьи, близких людей. И это становится зоной его ответственности. Как в эту окружность уместить целое сообщество братьев-борзописцев?

2.2. Взгляд из Москвы

В. Л. Богданов

**«...Я БЫЛ СОВЕРШЕННО УДИВЛЕН, КОГДА НА “БАЛУ ПРЕССЫ”
ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК ПЕЛИ
“...ТРОЕ СУТОК НЕ СПАТЬ РАДИ НЕСКОЛЬКИХ СТРОЧЕК В ГАЗЕТЕ”»**

РАЗМЫШЛЯЯ О МОРАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ в жизни нашего журналистского сообщества сегодня, вижу в ней, к сожалению, мало оптимистичного. Такая оценка становится понятной уже при первом сравнении сегодняшней ситуации с ситуацией пятилетней давности.

Пять лет назад, отвечая на вопрос авторов проекта “Становление духа корпорации...” о ситуации в корпоративной этике, я отмечал, что, во-первых, надо различать должное и сущее и потому искать хотя бы элементы корпоративной этики, во-вторых, наша корпорация в масштабе страны объединяет сторонников разных социальных ролей, миссий прессы: воспитательной, информационной и т.д. Пресса такой и должна быть, совершенно разной, как сама жизнь. Поэтому она не должна жить по одним и тем же принципам, даже нравственные принципы могут быть разными. И здесь же я ставил вопрос: можно ли в этом случае жить в одной профессиональной корпорации?

Я вспоминал конфликт на Конгрессе российских журналистов. Когда мы принимали Этический кодекс, половина участников сказали, что будут жить по этим нормам. Другая половина возразила: как же они будут жить по этим нормам, если по Кодексу из числа профессиональных журналистов исключаются те, кто пишет заказные статьи, занимается скрытой рекламой, берет в руки оружие. Они говорили, что выживают только благодаря этому. Занимаясь скрытой рекламой, спасают газету, пишут заказные статьи - поднимают заработную плату. Это реальность. Зачем же нереальные нормы подписывать? Подписать и потом лгать самим себе, глядя друг другу в глаза?

Сам я согласен с тем, что мы не должны признавать право журналиста писать заказные статьи или заниматься скрытой рекламой. Не должны. Но следует осознать, что эти явления пока неустранимы. Сообщество должно иметь этические критерии, чтобы иметь представление о журналистах, которые не пишут заказные статьи, и о конкретных людях, которые это делают, занимаются скрытой рекламой. Есть газеты, как мы говорим, бульварные, “желтые”. И я не уверен, что журналисты таких газет останутся в Союзе журналистов. Может быть, “желтая” пресса не попадет в журналистское сообщество, поскольку те, кто предпочитает честную игру, не захотят быть в одном сообществе с “желтой” прессой именно по этическим убеждениям.

В-третьих, я пытался сказать, что пресса может заблуждаться, может иметь свою собственную позицию. Мы, когда не согласны с прессой, сразу кричим: “На чьи деньги она работает?”. Но, возможно, она просто “заблудилась” в ориентациях, в мнениях, отразила неизбежную субъективность журналиста. Объективно раньше отражали события “Информбюро” или “ТАСС уполномочен заявить”. А точки зрения прессы должны быть разнообразными - читатель или зритель сам определяет, кому можно верить, а кому нельзя. В этом смысле пресса может все: писать правду, неправду и так далее.

Но она не может нарушать права человека. И здесь единственно верный и точный подход в духе корпоративности: мы должны, с одной стороны, защитить интересы цеха, профессиональные, с другой - защитить самое святое - права человека. Права человека она никогда не должна нарушать, это для нее - табу. Люди бывают разными - простыми, великими, подонками, но права человека пресса должна защищать.

Итак, это размышления о ценностях и нормах нашей прессы пятилетней давности.

Возвращаясь к своей, весьма пессимистической, оценке этической ситуации в журналистике наших дней, отмечу прежде всего, что мы стали рациональнее, прагматичнее. Сегодня, может быть как никогда, для человека, который работает в газете, на телевидении, на радио вопрос собственного выживания встает как один из самых главных. И эта, вполне объективная, констатация является в какой-то мере оправданием прагматизма, оправданием весьма основательным: условия жизни стали более суровыми.

И все же, приемлемо ли такое оправдание, если мы говорим, пользуясь старыми терминами, о “деле, которому мы служим”? По-моему, неприемлемо. Конечно, даже при всех нарушениях прессой своей миссии и цивилизованных “правил игры”, правда и истина в конечном счете пробиваются к обществу, но в повседневной практике чрезмерная ангажированность прессы часто запутывает читателя, зрителя, слушателя, пытающегося разобраться в событиях, персонах, в их оценках, в потенциале лидеров и т.п.

Для современной журналистской этики характерна тенденция к реализму. Уходит романтика тех времен, когда всем нам хотелось “трое суток не спать ради нескольких строчек в газете”. Я был очень удивлен, когда на последнем, восьмом, балу прессы его участники вдруг запели эту песню.

В попытках понять современную моральную ситуацию в журналистике мне помогла недавняя командировка в Косово, в Югославию. По просьбе ЮНЕСКО, наша делегация стремилась объединить журналистский цех - югославский, сербский, албанский и т.д. И я был потрясен тем, насколько политически ангажированы журналисты в Белграде, в Косово. Первый вопрос, который они обязательно задают: с кем ты? за кого ты? А ведь на самом-то деле этнические конфликты не выражают суть отношений людей в этой стране, они - прикрытие каких-то политических замыслов отдельных фигур. И когда журналисты на страницах газет и экранах телевизоров начинают под личиной национального спасения воплощать чужие политические замыслы - это страшно, ибо оправдывается гибель людей, разрушение домашнего очага, тех отношений, которые устанавливались веками.

И я особенно остро почувствовал, что нечто подобное происходит в моей стране. Мы примерно также начинаем педалировать национальную тему, мы, журналисты, активно участвуем в “разогревании” этой темы, поддерживаем того или другого политика. Это, по-моему, достойно презрения: мы оказываемся не только политически ангажированными, но еще и позволяем использовать себя.

В итоге я смог сделать для себя важные выводы. Прежде всего о том, что мы, к сожалению, часто уходим от главных задач профессии, от того, что ждет от нас общество; забываем, что мы - глаза и уши общества, соглашаемся - из-за своей ангажированности - на роль инструмента политической технологии. Наблюдая эти отступления от профессионального духа в журналистской практике в Албании, Сербии, я лучше понял ориентиры и ценности нашего цеха. Есть главная ценность на Земле, дарованная богом или кем-то, - жизнь человека, судьба человека, права человека, если хотите. И наверное, для журналистики, особенно в современной ситуации, это главный ориентир.

Я ДУМАЮ, ЧТО ЭТИКА журналистики - это, вне сомнения, одна из основополагающих ценностей гражданского общества. И если наша страна решила строить гражданское общество, то и мы, журналисты, должны жить по достойным правилам.

Выделю как актуальную задачу гражданского общества - формирование культуры мира. Кстати, этот год был провозглашен ЮНЕСКО как год культуры мира. Вообще-то, я всегда относился к таким акциям весьма формально, но сейчас, побыв в Югославии, оценив ситуацию в собственной стране, прихожу к выводу о реальной значимости культуры мира. Поэтому наш Союз журналистов запланировал вместе с ЮНЕСКО проведение “круглого стола” о роли СМИ в развитии культуры мира. Считаю весьма практичным предстоящий разговор, ибо на нем будет представлено большое количество документов, вещественных доказательств, фотографий, газет, способных убедить, какой не должна быть журналистика, и побудить к выводу о том, что высокие ценности культуры мира - прежде всего, конечно, жизнь человека, права человека - вполне достойны того, чтобы быть ориентиром для журналистики.

НЕ СЛИШКОМ ЛИ РОМАНТИЧНО ориентировать столь трудно живущих сегодня журналистов на идеалы, ценности и нормы гражданского общества? Полагаю, что ценности гражданского общества - вполне реальный ориентир и для столичной прессы, и для региональной журналистики. И я хочу подчеркнуть скорее их общность в понимании духа своей профессии, чем различность. Наглядный пример такой общности - поведение цеха после убийства главного редактора газеты “Советская Калмыкия” Ларисы Юдиной. И столичные журналисты, и журналисты из регионов - люди весьма не обеспеченные, часто не получающие зарплату, с трудом находящие деньги, чтобы выпускать свою газету, - наглядно проявили и свою ответственность, и профессиональную солидарность. Газета “Советская Калмыкия” продолжает выходить из номера в номер, она стала “толстухой”,

современной газетой высокого уровня. Журналисты их разных газет - московских, самых разных регионов России по очереди издают эту газету. Они ездят в Элисту, собирают материал, возвращаются в свои редакции, собирают деньги на бумагу, печатают, возвращаются в Элисту, иногда, наверное, с риском - если не для жизни, то для здоровья точно - и распространяют газету.

Я считаю, что здесь проявляется очень высокая степень не только солидарности, но и гражданской ответственности, понимания миссии собственной профессии.

Наверное, есть подобные примеры, о которых мы не знаем, в жизни журналистов районных, городских газет, не получающих никакой помощи. Журналисты этих газет ухитряются как-то зарабатывать деньги и выпускать газету, которая так нужна сегодня в районном центре, в маленьком поселке. Эта не очень, может быть, заметная реальность внушает мне надежду.

И. М. Дзялошинский

**“...МНОГИЕ ЖУРНАЛИСТЫ ДУМАЮТ О СВОЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ МИССИИ,
НО БОЯТСЯ ГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ С ПОСТОРОННИМИ”**

ДЛЯ ТОГО, чтобы адекватно оценивать практикуемые в современной российской журналистике “правила игры”, важно разобраться в тех смыслах, которые мы вкладываем в это понятие. И прежде всего необходимо выяснить, какое смысловое значение имеет здесь слово “игра”. Обычно словосочетание “правила игры” используется для обозначения этических регулятивов профессиональной деятельности. Говоря “игра”, все понимают, что речь идет не об игре, а о деятельности. Однако в современной журналистике не все так просто. Дело в том, что понятие “игра” как нельзя более точно обозначает суть одного тревожного этического и психологического явления, возникающего в условиях, когда журналист вынужден искать способы оправдания своего профессионального поведения, не отвечающего стандартным канонам.

Материалы проводившихся нашим Институтом исследований региональной прессы показывают, что в первые годы перестройки и примерно до 1993-1994 года многие региональные журналисты рассматривали свою деятельность как социально значимую, а себя - как реализаторов некоей социально значимой функции. Слово “миссия”, может быть, и не использовалось ими, но они были уверены: если напишут, что-то изменится. Эта уверенность частично шла от прошлых времен, когда журналистика была не только средством пропаганды и агитации, но и инструментом социального контроля.

Начиная с 1995 года возникает модель профессии как *игры* - журналист четко отделяет себя как личность от себя как профессионала. Мои личные взгляды, интересы, убеждения – это одно, а мои действия как профессионала – это совсем другое. Доведенное до логического конца такое раздвоение личности называется шизофренией. Но я говорю не о клинических случаях доктора Джекила и мистера Хайда, а о состоянии, когда журналист снимает с себя ответственность за свои профессиональные действия на том основании, что сам к этим действиям относится не как к социально ответственной деятельности, а как к забавной игре. Которая, к тому же, неплохо оплачивается. Если же кто-то относится к этой игре серьезно, то это его проблемы.

Так проявился в конкретной ситуации новый феномен журналистики: перевод личностной самоориентации в игровую, фиктивную форму жизнедеятельности. И “игровые” журналисты не просто спасались от шизофрении, раздвоения личности, психологических конфликтов. Они еще и позволяли себе считать себя личностью. Игра как алиби. Но журналистика, по моему глубокому убеждению, – это не театр, люди – не зрители, а журналисты – не актеры.

Понятно, что, переводя себя в пространство игровой самореализации, журналист снимает с себя обязательство соблюдать правила *одной* игры. А ведь смысл любых правил игры в том, что они однозначно идентифицируют любую игру как данную, а не какую-то другую. Журналист-игрок игнорирует правила игры, если они не заложены жестко, в виде неумолимого закона, в механизм самой игры, а представляют собой некоторое доб-

ровольное соглашение. Отсюда полное безразличие российских журналистов к любым этическим и профессиональным кодексам, которые во множестве сочинялись, подписывались и тут же всеми нарушались.

Другой аспект проблемы, о которой мы ведем речь, связан с внешним множеством профессиональных культур. Любая профессиональная деятельность осуществляется по неким правилам, принципам, нормам, любой журналист пользуется наборами внутренних или внешних регулятивов. Весь комплекс технологий, принципов, идеальных образцов и, конечно же, этических и профессиональных правил, очерчивающих поле профессиональной деятельности, я и называю профессиональной культурой.

Проблема заключается в том, что в рамках развернутой, развитой, зрелой деятельности существует одна, может быть, две системы правил, отшлифованных десятилетиями (а иногда и столетиями) и являющихся очевидными, естественными, не требующими особой рефлексии. Такой была коммунистическая журналистика, таковы американская, британская пресса и т.п. В сегодняшней же российской журналистике налицо множественность систем норм-правил-регулятивов, они сталкиваются между собой, взаимопроникают, мимикрируют, одна покрывается другой и т.п. В результате журналист находится в ситуации постоянного даже не выбора, а замещения правил игры. Например, начиная работать как журналист социально ответственный, он переходит на игровую форму деятельности и серьезную политическую передачу переводит в рамки клиповой культуры. Причины этому могут быть разные: возраст журналиста, его предыдущая работа в рекламе или попытка найти новую форму. В любом случае здесь совмещены разные системы “правил игры”.

Итак, особенность сегодняшней ситуации, связанной с профессиональными и этическими нормативами отечественной прессы, прежде всего региональной (московской тоже, но тут уже есть несколько оформившихся - с точки зрения общих правил - групп), заключается в том, что в ситуации множественности равномоощных комплексов правил игры журналист не может рассматривать себя носителем определенной, строгой, выверенной профессиональной культуры.

ТЕПЕРЬ о проблемах взаимоотношений российской журналистики с гражданским обществом. Я исхожу из того, что гражданским можно называть только такое общество, в котором сама структура отношений ориентирована так, что гражданин рассматривает себя как ведущую силу общественного жизнеустройства. Гражданское общество – это не просто набор механизмов, структур, институтов, а некий дух, позволяющий конкретному индивиду постоянно ощущать, что он значимый элемент общественной жизни, что все остальные структуры существуют для того, чтобы он жил и развивался, чтобы его единственный голос был значимым аргументом в выборе путей развития общества.

Это возможно только в том случае, если общество стоит на трех равновеликих и прочных опорах: авторитетной и профессиональной власти, мощном и хорошо структурированном гражданском секторе и свободных, независимых и ответственных СМИ. Ни одна из этих структур не должна подавлять или подчинять себе другую, и ни одна из них не должна снимать с себя ответственность за действия двух других и общества в целом. Любой перекося во взаимоотношениях этих трех социальных структур ведет к деструктивным процессам в обществе и вынуждает людей приспосабливаться к этим деструкциям и сочинять в оправдание своим приспособленческим действиям самые дикие теории и экзотические “правила игры”.

Что же происходит у нас? Так уж случилось, но в силу постоянной переходности состояния российского социума, именно СМИ, начиная с 1985-1986 годов взяли на себя функции гражданского общества. Можно сказать жестче – журналистское сообщество узурпировало право выражать цели, интересы, ценности, чаяния граждан. Узурпировало вынужденно, ибо не было никаких иных механизмов и структур, которые могли бы демократическим путем консолидировать мнение граждан, не было и нет до сих пор.

Однако в процессе реализации этой миссии СМИ породили для себя и общества серьезную проблему. Сегодня пресса по-прежнему выражает от имени населения его интересы, ценности, представления, при этом, как правило, вообще не обращаясь к населению. В советское время журналисты были вынуждены каким-то образом учитывать мнение граждан – в силу того, что от них этого требовали, вспомним хотя бы отделы писем в газетах. Сегодня такой работы почти нет. И пресса, полная самых благих намере-

ний, постепенно перестала слышать мнения населения и стала рассматривать себя не как трибуну, а как голос гражданского общества. Население – само по себе, а пресса – сама по себе. Профессиональное сообщество, обслуживающее прессу, безусловно, относится к продвинутым социальным слоям, но может ли оно считать себя на этом основании голосом этого общества? Может быть, оно является голосом лишь самого себя?

К чему это привело? Главный редактор “Московских новостей” В.Лошак, выступая на одной из проводившихся нашим Институтом конференций, сказал: “На всех нас лежит тяжелейший груз ответственности за несбывшиеся надежды наших читателей”. И, в каком-то смысле, он прав. Пресса говорила как о реальности о том, что было лишь возможностью. А потом люди, которые верили всем этим фантазиям, сказали: “Ничего же нет: демократии нет, права нет, рынка нет – журналисты нас обманули”. Однако ощущение личной ответственности возникло лишь у некоторых журналистов, все остальные продолжают исполнять свои роли и петь написанные для этих ролей сольные или хоровые партии. Между тем, пока журналисты жили в счастливой иллюзии, что они-то и есть гражданское общество, в России возникал и формировался “третий сектор”, то есть негосударственные, некоммерческие, неправительственные структуры.

РАЗМЫШЛЯЯ о различиях в понимании своей миссии, профессиональных ценностей и “правил игры” московской и региональной прессы, должен сказать, что та удобная нравственная и профессиональная ниша, которую региональные журналисты занимали в постсоветские годы, начала разрушаться где-то в 1995-1996 годах. До 1995 года профессионально-этические нормативы, которые регулировали деятельность московской прессы и прессы региональной (я не беру здесь местную прессу, прессу районную – это вообще отдельный разговор, очень трудный, тяжелый), действительно существенно различались. Для московской прессы был характерен очень высокий интеллектуальный и профессиональный уровень, что давало ей основание рассматривать себя носителем истины о прошлом, настоящем и будущем российского общества.

Региональное журналистское сообщество смотрело на эти амбиции с двояким чувством. С одной стороны, конечно, была зависть – к уровню откровенности, роскоши мысли, масштабу профессионализма, который продемонстрировали очень быстро встроившиеся в новую ситуацию московские журналисты. С другой стороны, журналисты в регионах прекрасно понимали, что весь этот пир во время чумы, вся эта интеллектуальная роскошь - по большому счету - не нужны никому, кроме очень узкой московской тусовки. Региональный журналист знал, что люди, которые его читают, интересуются простыми земными вещами. Он именно об этих простых, земных вещах и писал. И поэтому рассматривал себя как человека, который стоит на земле, знает землю. Он укоренен, а они там, в столице – пустышки. Кстати, примерно то же самое происходило и с региональным политическим истеблишментом, да и сегодня эта тенденция осталась.

Агрессия, с которой региональные журналисты подчеркивали свою укорененность, говорила о том, что в их коллективном подсознании что-то неладно. Характерно, что все эти годы московские журналисты ни разу никаких инвектив в адрес региональной прессы не допускали. Московская пресса не критиковала региональную прессу. Она просто не обращала на нее внимания, что да – то да. На всех съездах, конгрессах в ответ на обвинения журналистов из регионов московские журналисты предпочитали отмалчиваться или, в лучшем случае, отшучиваться.

Начиная примерно с 1995 года противопоставление региональных и московского журналистских сообществ по этому принципу – мы укоренены, а они, прозападные, не имеют корней и прочее – начало терять смысл. Разделение пошло по другому критерию. Московская пресса стала все активнее срачиваться с бизнесом, а региональная – с властью. И то, и другое не очень приятно. Но если союз с бизнесом более или менее нов и психологически оправдан тем, что “так делают во всем цивилизованном мире”, то союз с властью, да еще “с этой властью”, да еще на фоне не совсем угасшей памяти о взаимоотношениях власти и прессы в советские времена, психологически оправдать российскому журналисту очень трудно. Психологически это невыносимая ситуация, потому что российский журналист в принципе не может быть союзником властей. А отсюда недалеко и до невроза. Или до разложения профессиональных этических нормативов.

Конечно, многие из журналистов это осознают. Отсюда вновь и вновь повторяющиеся бесплодные споры, главной мыслью которых является незамысловатое суждение о

том, что можно и с властью дружить, и порядочным человеком оставаться, и хорошее дело делать. И горячность, с которой некоторые коллеги доказывают эту мысль, глядя куда-то сквозь тебя вдаль, где прячется невидимый оппонент, говорит о том, что проблема “свербит”, не дает спокойно спать.

Отсюда и нежелание говорить о миссии профессии. Услышав словосочетание “миссия журналистики”, многие коллеги начинают использовать ненормативную лексику или притворяться деревенским дурачком – какая такая миссия? Надо просто писать правду, надо передавать объективную информацию. Остальное – не наше дело.

В российском журналистском сообществе уже сложилась за последние десять лет отчетливая уверенность в том, что оно никому ничего не должно, кроме как давать добросовестную, объективную, правдивую информацию. Любые попытки сказать журналисту, что он, помимо предоставления информации, должен еще выполнять социальную миссию, вызовут внутреннее неприятие, и болеть этой болезнью неприятия журналистами любой миссии, видимо, придется очень долго.

Я знаю, что многие журналисты давно уже задают себе сверх-вопрос: “Зачем мы все это делаем?”. Однако, если кто-то другой обратится к ним с таким вопросом, большинство не будет на него отвечать. Большая часть думающих региональных журналистов сейчас задают себе этот вопрос, но боятся об этом говорить с посторонними.

Значит ли это, что и не надо к ним “приставать” с этим вопросом? Нет, не значит, ибо журналистское сообщество по-прежнему обслуживает достаточно мощный инструмент возбуждения гражданских добродетелей.

А. Г. Рухтер

“...ДАВАЙТЕ ПОПРОБУЕМ ВВЕСТИ В ЖИЗНЬ СМИ ЭТИЧЕСКИЙ АУДИТ”

ПЫТАЯСЬ осмыслить динамику журналистской этики вообще, практикуемых СМИ “правил игры” в том числе, начну с замечания о том, что СМИ очень долго игнорировали изменение отношения к ним со стороны общества. Сейчас СМИ это почувствовали и, значит, появилась возможность повлиять на них. Дело в том, что главное, почему меняются “правила игры”, - изменение образа СМИ в обществе.

Еще десять лет назад журналист был героем общества, человеком, которому можно было верить. Конечно, не всем и не всегда - люди умели различать пропаганду. Журналист - уважаемый человек при власти коммунистов - стал еще более уважаемым во время перестройки. Пик такого уважения - конец восьмидесятых годов. Затем произошла переоценка: стало ясно, что журналисты могут ошибаться, и они - ошибаются, что журналистов можно купить, и они - покупаются, журналисты могут лгать, и они - лгут. На фоне всеобщей политической апатии СМИ стали терять многие признаки своей привлекательности. Это повлияло и на “правила игры”.

Одно из таких изменений связано с тем, что многие журналисты теперь пишут не для широкой, а для узкой, но профессиональной аудитории. Например, изменение правил для политического журналиста связано с пониманием им нового обстоятельства: он работает не для миллионов читателей, а в основном для тех, кто еще читает газеты и смотрит ТВ. Читают же и смотрят, скорее всего, те, кто занимается профессиональной политикой, либо те, кто являются экспертами. Это — его основная аудитория, а не абсолютное большинство читателей, и она, конечно, влияет на то, как он пишет.

Еще одно важное изменение в “правилах игры”: журналист стал меньше думать о том, насколько уважаем он среди коллег за пределами его издания. Это связано и с дальнейшим ухудшением корпоративности журналистских связей. В итоге - журналист уже меньше зависит от мнения своих коллег вне издания: мнение собственного коллектива стало важнее, чем то, что думают о нем журналисты извне.

“Правила игры” изменились и в том смысле, что журналист стал острее осознавать возрастающие ограничения своей независимости. Полагаю, что журналист сегодня не настолько независим от своего издания, как это было в 1989-1990 годах. Вырос рынок без-

рабочих журналистов, тяжелее стали условия труда, и вот уже журналисты стали культивировать в себе внутреннюю цензуру, опасаясь потерять свое место, заработок и т.д.

И конечно, изменения в «правилах игры» имеют этическую сторону. Раньше для журналиста такие оценки со стороны коллег, как «продался», «написал материал, который не должен был писать», «изменил своим принципам» и т.п., были бы позором, и он не мог бы ходить в Дом журналиста в течение полугода, потому что с ним бы никто не здоровался. Сейчас он может делать все то, что раньше считалось позором, и спокойно идти в Дом журналиста. Более того, многие коллеги с удовольствием помогут ему пропить гонопар.

СТРЕМЯСЬ содействовать развитию гражданского общества, СМИ не должны выступать игроком, приписывая себе статус «четвертой власти», которая претендует на выступление от имени общества. Иначе может произойти подмена власти гражданского общества «четвертой властью». Признаки такой подмены проявляются тогда, когда СМИ не просто поставляют информацию для формирования общественного мнения, но и пытаются манипулировать им.

Содействие становлению институтов гражданского общества может быть одним из ориентиров СМИ. Содействие через культивирование ценностей таких институтов. Стоять на защите интересов свободы граждан, поддерживать их стремление объединяться в силу самых разных причин - от поклонения Элвису Пресли до протеста против выкорчевывания деревьев - не просто рассказывая, какой «классный» клуб создан в микрорайоне «N», и тем «пропагандируя опыт». Важнее подавать эту информацию таким образом, чтобы укрепить потребность в самоорганизации, показывать, как много зависит от такой самоорганизации, как организуясь тем или иным образом, граждане влияют на свою собственную жизнь. Конечно, в наши дни мало кто в это верит, но без попыток в этом направлении и вовсе рассчитывать не на что.

ДА, МОЖНО говорить о влиянии финансово-экономического кризиса на средства массовой информации, для них обострилась борьба за выживание. Но это вовсе не означает, что с приходом кризиса ушло время говорить о ценностях гражданского общества как ориентире деятельности СМИ. Более того, я думаю, что сейчас еще более актуально говорить об этом, чем до кризиса, когда СМИ имели больше финансовых средств, больше возможностей развиваться и меньше зависели от государства.

Сейчас же приходит время настоящей конкуренции между СМИ. Многие из них на грани выживания, на грани умирания, но это, может быть, и хорошо, потому что стране не нужно такое большое количество газет, телестанций. Во-первых, потому что больше половины из них фактически копируют друг друга. Газета «А» ничем не отличается от газеты «В», скорее всего, обе они являются дайджестом газеты «С», а телекомпании «А» и «В» просто воруют материалы у телекомпании «С». Поэтому если умрут газета «А» и телекомпания «А», этого не заметят - станут читать газету «В» и смотреть передачи телекомпании «В». Во-вторых, сокращение числа средств массовой информации не повредит еще и потому, что это будет признаком конкуренции, а в конкуренции выживает сильнейший.

Разумеется, сильнейший может выживать по разным основаниям. У какого-то СМИ более крепкая поддержка и оно может пойти на определенные убытки, снизив цену на подписку, расценки на рекламу, привлечь инвестиции, не задумываясь о том, что газета убыточная. Конечно, это - нечестная конкуренция. Кстати, после августовского кризиса возможность нечестной конкуренции через банки или господдержку уменьшилась. Другие СМИ рассчитывают на успех в конкуренции за читателя и зрителя благодаря соблюдению правил честной игры. Задача общества и государства состоит в том, чтобы повлиять на конкурентную борьбу СМИ именно через достойные, этические правила. И в условиях кризиса попытаться сделать это легче.

НАСКОЛЬКО эффективно распространение этих выводов на ситуацию в региональной прессе? Вероятно, в Тюмени, например, ситуация хуже в том смысле, что если вы - журналист, редакция - хотите кому-то «продаться», то возможностей значительно меньше, чем в Москве. В Тюмени, насколько я понимаю, таких возможностей раз-два и обчелся. Но отличие только в том, что меньше свободы для маневра в продаже себя, а не в возможностях для честной конкуренции. Правда, если вы решили продаться, то, скорее всего, уже и продались, а если продались, то разговоры про гражданское общество и про его этические нормы вам не нужны. Такие разговоры интересны лишь для тех, кто хочет или

вынужден конкурировать более-менее честно. Для тех, кто осознает суть критической ситуации и хочет выжить за счет поиска новых путей журналистики, правил менеджмента и т.д.

МНЕ ТРУДНО говорить о (не)правомерности применения характеристики “региональное сообщество” именно к тюменским журналистам, но, я думаю, в принципе такая характеристика в большой степени метафорична. Хотя бы по тем причинам, о которых говорил выше, оценивая сегодняшние “правила игры”.

В то же время наличие или отсутствие, сила или слабость профессионального сообщества зависят от его количественной характеристики. Если людей, у которых, например, нет одной руки, мало, то они стараются держаться друг за друга. В этом смысле региональное сообщество может быть более сплоченным, чем московское сообщество журналистов.

ВОЗМОЖНО, размышления о потенциале регионального сообщества журналистов станут более конструктивными, если конкретизировать заинтересовавшую авторов проекта и предложенную на экспертизу его участникам идею “этического аудита” в СМИ, которую я по ходу дела высказал на международной конференции “Проблемы журналистской этики в теории и практике СМИ посткоммунистической России” в Санкт-Петербурге.

Суть моего предложения в том, чтобы сделать журналистскую этику модной. Как это сделать? Модным сегодня является слово “аудит”. Так давайте попробуем популяризовать практики этического аудита в СМИ. Такой аудит, поначалу, а может быть, и в дальнейшем, добровольный, следовало бы поручать проводить специалистам по этике, своего рода этическим технократам, назначаемым, скажем, журналистскими организациями совместно с редакциями СМИ. При этом исследовались бы журналистские материалы, опубликованные за определенное время, рассматривались бы жалобы читателей, возможные судебные иски, которые подавались против той или другой редакции. Подвергаемое аудиту издание заранее бы обязалось опубликовать его результаты, какими бы нелицеприятными они ни оказались. В противном случае - их с удовольствием бы опубликовали конкурирующие издания.

Среди аргументов в пользу этой идеи, может быть, основным является уже высказанный тезис о том, что в условиях честной конкуренции для того, чтобы победить, конкретное СМИ должно отличаться от других в лучшую сторону, быть более привлекательным для читателя.

Возьмем проблему тиражей. Объявляемые многими газетами тиражи в большинстве случаев - лживы. Чтобы привлечь рекламодателя, мы пишем не двести, а двести тысяч. Мы знаем, что это обман, рекламодатели об этом догадываются. Сейчас крепнет идея о создании тиражной комиссии, которая будет проверять реальный тираж типографии и разрешать газете ставить свою марку, свой логотип. Скажем, если половина газет согласится на это, а половина - нет, то газета с таким логотипом будет - по крайней мере теоретически - выглядеть более честно не только перед рекламодателем, но и перед читателем, ибо продемонстрирует свою прозрачность для тиражного аудита.

Такого же рода марки, знаки могут ставить и другие организации, проводя определенный аудит издания и показывая, что издание прозрачно с точки зрения указания владельца, например, что оно действительно принадлежит коллективу, а не банкиру “Х”, или что оно действительно существует за счет рекламы, а не за счет каких-то махинаций с наркотиками и так далее.

Различного рода аудиты возможны и полезны для изданий, которые участвуют в честной игре (тем, которые не участвуют в ней, “плевать”, будет ли у них стоять значок тиражной комиссии или нет, если вы получили деньги, например, от мэрии, то вам все равно). Возможна в этом же контексте и идея этического аудита.

Проблема всех наших проверочных комиссий и советских, и постсоветских времен заключается в том, чтобы найти честных контролеров. И это мне кажется гораздо более важным, чем разработать саму процедуру этического аудита.

Может ли быть инициатором и организатором такого аудита Союз журналистов? Не уверен, что он пользуется достаточным авторитетом среди самих журналистов. Может ли быть им некое сообщество “академиков”? Не знаю... Но выход, конечно, найдется.

Так же, как и выход из проблемы этического измерения деятельности того или иного СМИ. Проводя некую комплексную проверку его содержания, в том числе интервью-

беседы с сотрудниками этой редакции, какое решение будет выносить комиссия? Что данное средство массовой информации на 90% этично, на 80% этично? Возможно, для оценки соответствия некоему этическому стандарту ориентиром может послужить кодекс профессиональной этики.

При этом можно оценить и сам редакционный кодекс. Есть ли у редакции свой кодекс, каков он? Пусть редакция опубликует этот кодекс, пытается жить по нему год, после этого проходит аудит.

А. К. Симонов

***“...ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО - ЭТО МЫ САМИ,
КОГДА ВЕДЕМ СЕБЯ С ЧУВСТВОМ СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА
И НЕ ДАЕМ СПУСКУ ТЕМ, КТО НА ЭТО ДОСТОИНСТВО ПОКУШАЕТСЯ”***

ГРАЖДАНСКИМ является общество, которое в состоянии в той или иной степени контролировать деятельность государства. Как идея оно существует в нашем сознании. В реальности же гражданское общество было мифом уже и год назад, когда только задумывался проект, авторы которого хотели бы понять, насколько разумно активировать в сознании журналистов рефлексию о ценностях и правилах игры журналистов в перспективе гражданского общества.

Гражданское общество возникает из самостоятельности гражданских институтов, образованных самими гражданами в противовес государству. Ценностными основами гражданского общества являются индивидуальная вера в собственные возможности, индивидуальное понимание собственной миссии, ответственности своей профессии. Так или иначе, но шкала такого рода моральных ценностей нужна каждому индивиду.

Журналистов-героев, о возможной затребованности которых размышляют авторы проекта, и в советском обществе почти не было. Были журналисты- профессионалы и журналисты - не профессионалы. Герои были среди писателей. Журналист же - это человек, который конкретен, он не может писать историю, он копает реальную жизнь и поэтому в условиях тоталитарной цензуры героем по определению быть не может.

Как правило, журналист выходил за существующие рамки либо через эзопов язык, либо через договоренность с какой-то силой внутри советской системы, которая в данном случае была готова его поддержать. Условно говоря, обком готов был поддержать редактора районной газеты, который хотел бы выступить против некоего районного руководителя. Имея за плечами сочувствие обкома, журналист рассчитывал: меня не сразу уничтожат, сотрут в порошок, могу рискнуть и попробовать.

Когда-то “Литературная газета” напечатала знаменитый очерк Аркадия Ваксберга о мэре Сочи Воронцове. На следующий день я позвонил Аркаше, который был моим приятелем: “Скажи, пожалуйста, тебе еще не звонили? А у меня брали твой телефон”. - “Откуда?” - “Из сборной по слалому”. - “А причем тут я?” - “Искусство объезжать красные флажки, которое ты продемонстрировал в этом очерке, свидетельствует о том, что ты лучший тренер для слаломистов”.

Другой способ для советского журналиста выйти за рамки - с помощью писательства. Этот способ избрал Анатолий Аграновский. Героев-информационщиков создавала власть. Отправили тебя, скажем, к челюскинцам, и ты герой: они стали героями, а ты смог об этом написать. Вот, собственно говоря, и вся игра.

Что касается известной настороженности, в том числе и с точки зрения сохранения свободы слова, по поводу современной политики укрепления государства, то, на мой взгляд, идет лишь попытка некоей консолидации, преодоления раздора в надежде на то, что Примаков покажет себя Дэн Сяопином, сохранив государственное пространство и вертикаль управления. При этом в регионах возникает, как я понимаю, известная раздвоенность, всячески умножаемая региональными властными элитами, которые хотят, чтобы государством назывались они, а врагами той государственности, которую они собой представляют, считали тех, кто находится в федеральном центре. И все грехи они пытаются списывать за счет федеральных центров, а все достижения приписать себе.

В целом рассуждение об актуальности ориентации СМИ на ценности гражданского общества возвращает к тому, с чего оно, это общество, собственно говоря, и начинается - к свойствам конкретной личности, функциям этой личности, личности вообще, журналиста - в том числе. Соответствующие функции и свойства личности существуют или не существуют вне зависимости от государства, зависимость же от него свидетельствует о нежелании личности полностью перейти на самообслуживание и самореализацию.

МОЖНО ЛИ полагать, что средства массовой информации призваны служить гражданскому обществу, что служение ценностям гражданского общества - это, фактически, и есть общественное призвание средств массовой информации? В принципе можно. Но даже если практические работники средств массовой информации и согласятся с этим тезисом на теоретическом уровне, то решительно не будут знать, как им реализовать эту позицию применительно к реальной жизни своей газеты, своего радио или своей телевизионной компании.

Правда, августовский кризис в этом смысле пошел средствам массовой информации на пользу: очень заметно изменились пропорции внимания СМИ к власти и к обществу в пользу внимания к обществу. Как только оказалось, что государство - банкрот и неспособно решать свои задачи, средства массовой информации вдруг обнаружили, что они значительно ближе к гражданам, чем к власти, если говорить о бедах, которые испытывают и граждане, и СМИ. Внимание СМИ к обществу увеличилось хотя бы в форме объяснения того, что произошло с государством, как выжить в условиях государственного коллапса.

Надо быть осторожнее с понятием "служить". Ни один журналист, в здравом уме и в твердой памяти, не скажет вам, что он "служит гражданскому обществу". Если человек, находясь или не находясь на государственной службе, ведет себя достаточно независимо, соблюдая и охраняя собственное чувство достоинства, в том числе и ведя какие-то дела с себе подобными, он, собственно, и создает гражданское общество, нисколько не задумываясь об этом специально. Конечно, нам может казаться, что гражданское общество - это нечто от нас отделенное и далекое, и потому мы не отдаем себе отчет в том, что гражданское общество - это мы сами, когда ведем себя с чувством собственного достоинства и не даем спуска тем, кто на это достоинство покушается.

ЗНАЧИТ ЛИ это, что ориентация этики журналистов на ценности гражданского общества одинаково приемлема и в Москве, и в регионе? Однозначно, да. Готов услышать реплику о разнице в масштабах забот и ответственности: "в регионе за всю страну не думают, там горизонт поближе".

Но ведь я имею в виду не спасение страны, а спасение человеком собственной души. Не охрану государственных интересов, а охрану спокойствия и благополучия собственной совести - в этом стимулы для возникновения гражданского общества, гражданских структур. При этом, объединяясь по такому принципу, люди стремятся защитить не только самих себя, но и себе подобных.

Здесь возникают две проблемы. Во-первых, такие гражданские структуры сталкиваются с практикой властных элит и олигархических структур, стремящихся за счет ущемления гражданских прав укрепить и расширить возможности своего индивидуального или коллективного выживания. Противостояние такой практике для гражданских структур естественно как инстинкт самосохранения. Правда, Россия - одна из тех стран, в которой инстинкт самосохранения ослаблен. Это трагично, но это, к сожалению, так.

А вторая проблема - огромное количество людей, которые вздымают руки к небу и стонут: "Господи, как много бедных, как много несчастных, как много несчастий, как много несправедливости!".

Когда-то, еще во времена нашей далекой-далекой молодости, была замечательная миниатюра, придуманная, кстати, - прошу обратить внимание - в провинции, а не в Москве. Во время выступления новосибирской команды КВН выходил на сцену человек и говорил: "Ну что я мог сделать один?". Потом выходил второй: "Ну что я мог сделать один?", третий: "Ну что я могла сделать одна?". Постепенно сцена заполнялась огромным количеством людей, которые вразнобой, а потом постепенно сливаясь в хор, произносили: "Что я мог сделать один? Что я мог сделать один..?".

Нам тогда казалось - эту миниатюру мы играли в Москве, - что мы диссидентствуем. На самом же деле мы отражали беду российского менталитета, который в этом смысле

одинаков - что в советское время, что в постсоветское. Сливаясь в хор, все говорят одно и то же: "Что я мог сделать один?". А надо лишь оглянуться направо и налево и увидеть, как много людей в этом хоре, и вместе они вполне могли бы уже сказать что-нибудь другое.

Кстати говоря, психология российских газет во многом похожа на позицию "что я могу сделать один?". И в регионах так же вздыхают, даже если предлагаешь им сказать что-нибудь хором.

В НАЗВАНИИ проекта есть словосочетание "региональное сообщество журналистов". Полагаю, что это слишком условная характеристика. Одна из самых больших бед, с которой я постоянно сталкиваюсь, заключается в том, что журналистские организации не являются серьезными институтами гражданского общества. У них, как правило, отсутствуют правозащитные функции. Я беседую сейчас с авторами проекта в офисе Фонда защиты гласности, расположенном на том же этаже, что и правление Союза журналистов России. И когда в этот Союз приходят журналисты с проблемами правозащиты, их посылают ко мне. Я не против, но дело заключается в том, что в Союзе только по Москве тридцать тысяч членов, а по России, наверное, сто тысяч. А журналистов - как таковых - еще больше, потому что за последние годы многие из них просто никуда не вступают, полагая, что им совершенно незачем быть членами организации, смысла которой они не понимают. Почему не понимают смысла? Потому что до сих пор сохраняется традиционная сверхзадача журналистских организаций: либо создать сообщество по взаимному выпусанию пара, либо что-то вроде клубного заведения, которое бы позволяло журналистам собраться, выпить рюмку водки, поговорить, рассказать друг другу о своих бедах. Не делая из этого никаких совместных выводов.

Это чрезвычайная, с моей точки зрения, проблема для региональной журналистики. Ведь центральный Союз в значительной мере стал меняться. Уже появились реальные намерения, с одной стороны, профсоюзные, с другой - общеконтрольные (например, собираются заводить российскую тиражную службу). Сейчас прорабатывается идея общественной экспертизы по проблемам свободы слова во всех регионах России. Но, когда мы составляли программу этой общественной экспертизы, однозначно сказали себе, что, к сожалению, лишь в одном-двух регионах нашими союзниками могут быть союзы журналистов на местах - настолько в регионах не привыкли к тому, что их организация реально их может защищать.

Я приезжаю в регион, мы дружески общаемся, но как только пытаюсь побудить журналистов участвовать в нашем мониторинге, работать с нашими юристами и так далее, как правило, ничего не получается. У Фонда защиты гласности нет ни одного центра, ни одного корреспондентского пункта, который базировался бы на местном союзе журналистов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Завершен первый этап проекта - экспертный опрос. Впереди второй этап - семинар-практикум, на котором участникам экспертизы и другим приглашенным журналистам предстоит обсудить опубликованные здесь материалы экспертизы и поставить новые вопросы. Прежде всего это будут вопросы, продолжающие и развивающие тему миссии региональной прессы, анализ практикуемых в тюменских СМИ "правил игры", рефлексию проблемы саморегулирования прессы в регионе.

На семинаре-практикуме будет предпринята попытка смоделировать диалог двух потенциальных кодексов - внутрикорпоративного и кодекса, в котором требования к журналистской этике предъявляются от имени модельных субъектов гражданского общества. Проблематизацией диалога послужит предъявление и рефлексия свода требований читателей, радиослушателей и телезрителей к ценностям и нормам региональной прессы. Адекватный ответ профессиональной корпорации на эти требования - условие доверия к СМИ.

Возможно, семинару-практикуму удастся дать старт новому проекту, посвященному этической хартии Союза журналистов Тюменской области.

Результаты семинара-практикума будут опубликованы во втором выпуске "Тетрадей гуманитарной экспертизы". В этом же выпуске авторы проекта представят рубрику "экспертиза экспертизы", включающую материалы оперативной аналитики материалов проекта в целом.

Приложение:
ИЗ “СЛОВАРЯ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ”
В.И.Бакутановского, Ю.В.Согомонова

Этос

ЭТОС - многозначное понятие с неустойчивым терминологическим статусом.

У древних греков понятие “этос” имело широкий спектр значений: привычка, обычай, обыкновение, душевный склад, характер человека. Этос считался подверженным изменениям и противопоставлялся “физису”, природе человека, которая полагалась неподвластной ему, неизменной.

Слово “этос” дало начало не только понятию “этика” - в XIX веке от него образовано понятие “этология” (по Дж.С.Миллю, оно означало “науку о характере”, по Ж.Сент-Илеру - “науку о поведении животных”, В.Вундт употреблял его применительно к проблемам психологии народов, а в наше время оно используется для выделения т.н. “дескриптивной этики” или “моральной этнографии”); “этос” использовался и в качестве нравственно-эстетической и этико-логической категории (согласно афинскому теоретику музыки Дамону, можно говорить о существовании “музыкальной добродетели” как части пайдеи, об усвоении морального богатства полисного общества через соответствующую музыку).

Аристотель трактовал этос как способ изображения характера человека через стиль его речи и через целенаправленность как основной признак человеческой деятельности. Греки использовали и понятие “патос” (от “пафоса”). Если “этос” описывал спокойный, нравственный характер, разумный стиль поведения, то “патос” определял поведение беспокойное, неупорядоченное, иррациональное, аффективное. Сегодня понятие “патос” может быть использовано для обозначения всего того, что приводит к расшатыванию нормативного порядка в социуме, к деструкции ценностей этоса, к “порче нравов”.

В Новое время понятие “этос” применялось весьма разнообразно. Согласно М.Веберу, “хозяйственный этос” означал не простую совокупность правил житейского поведения, не только практическую мудрость, но позволял предложить расширенное понимание морали - объективированной, воплощенной в укладе, строе жизни, мироощущении людей. Подобное понимание открывало путь к исследованию профессиональной морали - политической, предпринимательской, врачебной и т.д.

М.Шелер понятием “этос” обозначал структуру витальных потребностей и влечений новых поколений людей, то, что отличает их ментальность от предшествующих поколений, присущих им чувствования и общения. Р.Мертон применил понятие этоса в рамках социологии науки, обозначая набор согласованных норм, некий социальный код, эмоционально воспринимаемый комплекс институционально одобренных и защищаемых правил, предписаний, суждений, довлеющих над “научным братством”. В дальнейших исследованиях выделяют субэтосы, этосы как виды консенсуса, противостоящие диссенсусу, указывают на переходы от старого коллегияльного этоса науки к современному дисциплинарному. Все больше говорят и пишут о других приложениях термина “этос” - об этосе философствования, образования и воспитания, о либеральном и консервативном этосе, об этосе революции, об этосологии, этососфере и т.д., выделяя соответствующие нормативно-ценностные комплексы.

По определению М.Оссовской, этос - стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентация ее культуры, принятая в ней иерархия ценностей; в этом смысле этос выходит за пределы морали. Согласно Е.Анчел, этос, в отличие от морали, концентрирует в себе такие нравственные начала, которые не проявляются в повседневной жизни, свидетельствуя о неистребимой человеческой потребности в признании нравственного порядка в мире, даже если он плохо согласуется с житейским опытом людей.

Современное понятие “этос” позволяет достаточно четко отличать феномен этоса от нравов: это понятие адекватно для обозначения промежуточного уровня между пестрыми нравами - и собственно моралью, сущим - и должным. В то же время современное понятие “этос” помогает провести демаркационную линию между этосным как реально-должным, выходящим за полюсы притяжения хаотического состояния нравов, и строгим порядком идеально-должного, сферой собственно морального.

Для проведения такого рода отличий имеет смысл использовать и однопорядковое с “этосом” понятие “хабитус”, практикуемое еще Гегелем. Оно позволяет отличать условную “мораль по обычаю” с ее реально-должным, от безусловной морали как формализованного и идеализованного должного, соответственно отличая в нравственной деятельности человека императивы гипотетические - и категорические, моральные “релятивы” - и “абсолюты”. “Хабитус” акцентирует социаль-

ную детерминацию поступков, всей линии поведения, давление социальных обусловленностей, “предрасположенностей” (по выражению К.Поппера), которые побуждают агента общественной жизни делать нечто или стать кем-то, не будучи в то же время подчиненным необходимости. Данное понятие, как и понятие этоса, позволяет глубже осознать парадокс нравственной автономии, когда социум позволяет духовно развитой личности полную свободу морального выбора в расчете на то, что она сама на основе нравственных убеждений сможет разыскать долженствование и возложить на себя соответствующие санкции и ответственность (проблема “спокойной совести”, морального удовлетворения, с одной стороны, раскаяния, покаяния, самоосуждения - с другой).

Термин “хабитус” позволяет лучше понять парадокс поведенческой стратегии, когда поступки могут приводить к цели, не будучи сознательно направленными к ней: “хабитус - необходимость, ставшая добродетелью”, агентам деятельности “достаточно быть тем, что они есть, чтобы быть тем, чем они должны быть” (П.Бурдьё. Начала. М., 1994. С. 23, 25). Благодаря такому подходу к пониманию функционирования морали, более рельефно выявляется ее свойство быть не просто инструментом осуществления социальной необходимости, но и независимой переменной процесса очеловечивания самого социума, гуманизирующей всю ткань отношений между людьми, институтами и организациями. Потребность же в этом нарастает в ситуации усиления формализации социальных связей в современном высокоорганизованном обществе.

Само понятие “этос” также дает способ преодолеть дуализм морального феномена. Этот способ предполагает при истолковании “этоса” не просто выход за пределы системы обычаев и традиций, но и добровольное подчинение требованиям к поведению, принятым в некоторых социокультурных практиках, благодаря чему данные практики возвышаются над уровнем повседневности, над “средним уровнем” моральной порядочности.

Речь идет о “продвинутых” в духовном отношении группах и сословиях, а не о всем социуме. В этом смысле можно говорить, например, о рыцарском или монашеском этосах в Средневековье или о множестве профессиональных этосов Нового и Новейшего времени. При этом соответствующие этосы связываются, но не отождествляются с привычными представлениями о профессиональной морали. Например, воспитательная деятельность, независимо от того, где она протекает, представляет собой известное сочетание как профессиональных, так и не профессиональных начал, а потому ориентациями и регулятивами в ней выступают и профессиональная педагогическая этика, и нечто более широкое, что и можно назвать воспитательным этосом. И в медицинской деятельности профессиональная этика врача, медработника во всех ее отраслевых разновидностях оказывается лишь элементом более обширного нормативно-ценностного комплекса - биоэтики. В научной деятельности такая ориентирующая и регулятивная функция принадлежит как профессиональной этике ученого, опять-таки во всем разнообразии ее отраслевых ипостасей, так и особому этосу науки, ее “духу” свободы и призвания, который не только побуждает и ограничивает поведение научных работников, но и позволяет поддерживать их соучастие в бытии социального мира.

Точно так же в менеджеристской деятельности нормативно-ценностный комплекс включает как профессиональную этику управления, служебную, административную этику, так и некий этос менеджеризма, его “дух”, который противостоит паразитарному нормативно-ценностному комплексу “бюрократических добродетелей”. Можно говорить и о том, что этика бизнеса опекается особым “духом предпринимательства”, а этику инвайроменту патронирует расплывчатый, трудно формулируемый, но в нравственном смысле динамизирующий экологический этос.

Для понимания природы этоса важно принять во внимание, что кроме миссионизма той или иной деятельности этос нацелен на выявление границ, пределов власти над людьми, которая возникает в процессе реализации специфической деятельности. Он ограничивает полноту власти, которой располагает воспитатель над воспитанником, ученый - над человечеством, политик - над гражданами, врач - над больным, менеджер - над подчиненным, предприниматель - над наемным работником, клиентом, потребителем предоставляемых им товаров и услуг. Этос вносит существенные изменения в конфигурацию властных отношений современного общества, поскольку предназначен для уменьшения зависимости одного лица от другого - ввиду различий их общественных функций и профессиональных статусов, преодоления влияния патерналистских моделей в отношениях между людьми. Этос открывает своеобразное пространство для власти тех, кто лишен властных функций в силу различий в видах деятельности, их взаимодействия, создавая необычный феномен “власти безвластных” (Х.Арендт).

Гражданское общество, его этика

Как предполагают, понятие гражданского общества впервые встречается в комментарии к “Политике” Аристотеля, изданной в Италии в XVI веке, и интерпретировалось тавтологически как общество граждан, объединение свободных и равноправных людей. Согласно Гегелю, одному из

первых и наиболее пронизательных аналитиков и критиков гражданского общества, этим понятием следует обозначать такую социальную систему, которая пребывает “посредине” между семьей и государством. Однако гражданское общество соотносится только с таким государством, где есть самоограничение властных функций и подчиненность праву: оно не возвышается над обществом, а является его политическим органом, подотчетно ему и со временем становится “социальным”. Склонный к этатизму, Гегель не мог примириться с униженным положением обожествляемого им государства в качестве “прислуги” у прозаического гражданского общества и потому в перспективе подчинял самодовольное, как ему казалось, лишенное героических начал и дисгармоничное гражданское общество государству - посредством органического синтеза этики публичной жизни с договорной этикой частной жизни (чем, по сути, и завершается знаменитая одиссея абсолютного духа).

Сходное отношение к гражданскому обществу, по всей вероятности, передалось и К.Марксу, еще одному радикальному критику данного общества. Это дало повод выразить суть марксизма формулой, согласно которой “гражданское общество - это обман”, а его моральные устои “в действительности представляют собой лишь маскировку патологической институализации корыстолюбия и стяжательства (качеств, противных истинной природе человека) в игре, где жертвами неизбежно становятся и победители, и проигравшие” (Геллнер Э. Условие свободы: гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. С. 62).

В гражданском обществе юридически независимые граждане - через рынок труда, товаров, капиталов - выступают в качестве свободных производителей и столь же свободных потребителей, обладающих правом нестесненного распоряжения своей собственностью, свободного создания добровольных объединений и организаций. Здесь действуют механизмы, определенным образом согласовывающие интересы личностей и групп. Вместе с тем, гражданское общество - не просто область экономической частной жизни и параобщественных организмов, сумма всех неполитических отношений и соответствующих институтов (биржи, брокерские конторы, страховые общества, предпринимательские и профессиональные союзы, объединения потребителей, свободная пресса и т.п.). Это и публичная сцена, на которой действуют политические партии, ассоциации, группы давления, культурные и конфессиональные объединения и движения. Экономический суверенитет субъектов рыночных отношений служит основой политической свободы и духовной независимости, а потому гражданское общество - суть система самоуправляемых, не опосредованных институтами государственной власти отношений между гражданами. В итоге возникает гибкое “общество обществ” - сопряжение гражданского общества с политико-правовым миром.

В гражданском обществе за счет инструментализации человека, новых форм социального неравенства наращивается материальное “тело” промышленной, товарной цивилизации, но здесь же и рождается поле свободы, которое провоцирует инициативность, невиданную для традиционного социума энергию, социальную динамику, порождает человека успеха; здесь же изобретаются демократические институты, складывается новая ментальность, что, вместе взятое, позволяет ослабить антагонизм, повысить кооперативность человеческой деятельности и, в конечном счете, гуманизировать различные аспекты общественной жизни.

По мере формирования гражданского общества на периферию нравственной жизни социума оттеснялись нормы и ценности традиционной морали и закрепились мотивация, поведенческие и оценочные образцы, присущие рациональной морали. В макром мире данного общества люди выступают не только как подданные или просто производители, но и как граждане, которые действуют, определяя свои жизненные стратегии и поведенческие тактики вполне самостоятельно, по собственному разумению, а не по чьим-то распоряжениям или по установленным традициям. Они действуют на свой страх и риск, под собственную ответственность, сориентированные избранными ими нормами-целями на жизненный и деловой успех.

В свое время Гегель предложил выразительную формулу императивности этики гражданского общества: “Будь лицом и уважай других в качестве лиц”. Такой императив не выражает духа любви к ближнему, хотя и не противостоит ему (симпатия, великодушие, любовь, сострадание не могут быть требованиями; иное дело - уважение других, которые не воспринимаются как чужие; это требование притязательно, и его отсутствие вызывает обоснованный нравственный протест). Причем речь идет об уважении не от случая к случаю, в результате счастливого стечения обстоятельств, под угрозой каких-то негативных санкций, а систематическом и добровольном. Речь идет о требовании совершать поступки и понимать поступки других, пользоваться свободой, собственной иерархией ценностей и на их основе производить моральный выбор, принимая личные решения под личную ответственность. При этом параметры выбора определяются не столько высокой степенью слитности с группами общинного или средневеково-корпоративного типа, вынужденной, навязываемой групповой принадлежности, сколько шириной гражданского кругозора лица; не столько путем идентификации лишь с социально “близкими”, а через идентификацию со множеством групп и ассоциаций, в которые данное лицо вступило добровольно.

В составе норм этики гражданского общества на передний план выходят требования мораль-

ного, а не только правового равенства, нормы, которые предполагают уважение к собственности, соблюдение правил честной рыночной игры, контрактной щепетильности, табуирование неразборчивости в средствах конкурентной борьбы (“игры на грани фола”) и, вместе с тем, требование совмещать конкурентный потенциал с потенциалом кооперативным, рыночную ориентацию - с ориентацией на добровольное ограничение экономического поведения, недопущение его социально оскорбительных форм.

Нормативно-ценностные средства этики гражданского общества образуют ряд партикулярных этосов и подсистем общественной нравственности. В ее границах развитие получили *этика предпринимательства* и *этика менеджериализма*, *политическая этика*, основные отрасли *профессиональной этики* и трудовой морали, специфическая этика организаций, этика досуга и потребления. Названные нормативно-ценностные комплексы обременены различными по происхождению и характеру противоречиями, *нравственными конфликтами*, которые разрешаются в практике морального выбора каждым субъектом данного общества. Предвзятое восприятие этой этики ведет к зашоренности на одних только уличающих моментах своекорыстия, установках на эффективность, наживу и т.п., якобы начисто исключающих проявления благородства, милосердия, самопожертвования. Такое восприятие побуждает к недооценке здравого смысла в нравственной жизни, норм честности в деловых отношениях, ценности взаимных услуг. Между тем этика гражданского общества выступает против отождествления индивидуализма с эгоизмом, аутизмом, против такой версии добра, которая обязательно должна противоречить выкладкам здравомыслия, нести в себе ген фатального пораженчества, рокового отторжения нравственного мотива от социально полезного результата, версии, последователь которой непременно оказывается антиподом жизненной удачи, победы, успеха. Однако частное лицо в гражданском обществе, преследуя свои цели, в каком-то одном отношении действительно разъединяло общности, но, одновременно, и сплачивало их в другом отношении, формируя своеобразное единство “свободной близости и свободного антагонизма” людей. В подобной системе ценностных координат побудительными правилами в большей степени охраняется примат личного интереса (не сводимого к элементарному своекорыстию или же к столь же элементарному гедонизму), тогда как ограничительными правилами оберегалось прежде всего моральное равенство всех лиц гражданского общества.

На этих основаниях формируются права человека и покоятся представления о социальной справедливости как возможности достижения каждым своих целей, которые оказываются итогом собственных нравственных исканий и автономного выбора, всего того, что называется духовным суверенитетом личности, итогом беспрепятственного пользования собственностью, трудовой и социальной активности. Вместе с тем этика акцентирует не одни только права, но и обязанности человека, включая их как в побудительные, так и в запретительные нормы.

Этика гражданского общества вариативна в зависимости от того, в рамках какой уникальной цивилизации или субцивилизации она образовывалась. С одной стороны, формирование данной этики с ее основными понятиями и интенциями оказывается мощным фактором универсализации норм и ценностей общественной нравственности в целом. С другой стороны, если в одних вариантах этики гражданского общества предпочтения делались в пользу индивидуализма, то в иных - на передний план выходили интересы общностей; если в одних случаях акцент производился на дисциплине труда, отказе эвдемонистических мотивов и избыточного потребления, то в других - на хозяйственные добродетели, ощущение удовлетворенности от исполненного долга в границах профессионального призвания как самостоятельной жизненной ценности.

Этика гражданского общества не представляет собой завершенного духовного продукта и изменяется вместе с переменами в самом этом обществе и в “обществе обществ”. При переходе к постиндустриальной цивилизации отступают “в тень” некоторые формы “дикого” индивидуализма не только эпохи “каменного века” в промышленности, но и эпохи свободной конкуренции, усиливается подчиненность деятельности личности институализированным целям и нормативам организаций, их регламентам. Значительное развитие получила этика делового партнерства, бизнес становится все более социализированным, выросла его социально-нравственная ответственность, укрепилась корпоративная мораль. В потребительской деятельности сильнее дают о себе знать неоаскетические мотивы и постматериальные установки. Этика гражданского общества получает усиленную экологическую ориентированность. Она соучаствует в повышении степени цивилизованности политических и межличностных отношений и выступает как этика уважения культурного многообразия мира, как этика ненасилия, которая признает принципиальную недуалистичность форм духовности, отрицая позицию, в которой добро и польза, этос героизма и этос повседневности, индивидуализм и солидаризм, свобода и равенство, право и нравственность, научность и религиозность и т.п. противостоят друг другу. Это позволяет сделать предположение о наступлении нового Осевого Времени.